

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Исторический факультет

Н О В И К

Сборник научных работ аспирантов
и студентов исторического факультета
Воронежского государственного университета

ВЫПУСК 2

Воронеж — 1999.

ББК 63. 3. (0)
Н73

Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 2 / научн. ред. А.И.Филюшкин. Воронеж: ВГУ, 1999. с.

ISBN 5-85815-116-7

Сборник содержит статьи по древней, всеобщей и отечественной истории, вспомогательным историческим дисциплинам, написанные аспирантами и студентами исторического факультета ВГУ, достигшими наибольших успехов в научной работе.

Для научных работников, студентов, всех, интересующихся историей.

Редакционная коллегия: к.и.н. В.И.Беседин, Ю.В.Селезнев (отв.секр.), к.и.н.А.И.Филюшкин (научн.ред.), к.и.н.М.В.Цыбин.

Ответственный за выпуск: Д.В.Ливенцев

Рецензент : к.и.н. В.И.Чесноков

Выпущено при содействии издательства
«Петровский сквер»

*Тираж 100 экз. Объем 8 п.л.
Типография ВГПУ, 394043, г. Воронеж, ул., Ленина, 86.*

ISBN 5-85815-116-7

© Авторы, 1998 г.
© Воронежский государственный
университет, 1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

- Д. В. Акимов** Проблемы изучения памятников 2-й четверти – середины I тыс. н.э. на Верхнем Дону и в лесостепном Прихоперье (историографический аспект).
- В.В. Рязанов** Испанский период деятельности Секста Помпея. . .

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

- А.И. Сурков** Основные тенденции развития королевской власти в раннесредневековой Англии.

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Ю.А. Дубровский** К дискуссии об исторической интерпретации городищ в отечественной науке первой трети XIX века.
- Ю.В.Селезнев** «Едигеева рать» 1408 г. : ордынская политика Василия I на рубеже XIV – XV вв. и ее результаты.
- О. А. Иванов** К вопросу о взаимоотношениях С.С. Уварова и А.С. Пушкина в 30-е гг. XIX
- О.Н. Щеголев** И.Д. Беляев: историк славянофил
- Д.В.Ливенцев** Научная деятельность С.И. Елагина в составе Морского ученого комитета (1854 — 1868 гг.)
- Д.В.Ливенцев** Начальники Морского учетного комитета
- О.Ю.Михалев** Воронежские кадеты на выборах в IV Государственную Думу

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

- А.В.Фененко** Основные положения консервативной концепции М. Барреса
- А.В.Акулышина** Пан-европейское движение в период между мировыми войнами
- С.Г.Зотова** Политические настроения населения в послевоенной Западной Германии

- Список сокращений**
- Сведения об авторах и научных руководителях**

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
2-й ЧЕТВЕРТИ–СЕРЕДИНЫ I ТЫС. Н.Э. НА ВЕРХНЕМ ДОНУ И В
ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИХОПЕРЬЕ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).**

Открытие древностей 2-й четверти–середины I тыс. н.э. на территории Верхнего Подонья и Прихоперья представляет собой едва ли не самое значительное событие в археологии Центрального Черноземья последнего десятилетия. И хотя история их исследования еще непродолжительна, а изучение самих памятников находится лишь на первоначальной стадии накопления источниковой базы, уже получены вполне определенные результаты и обозначены некоторые проблемы, требующие обсуждения.

Первые памятники 2-й четверти–середины I тыс. н.э. в бассейне р.Дон и р.Воронеж были открыты в ходе разведок и некоторых раскопок еще в конце 60-х гг. текущего столетия¹. Однако, вплоть до начала 90-х гг. эти древности либо не были выделены и правильно атрибутированы, либо были отнесены к другим археологическим эпохам, в основном к 3-й четверти I тыс. н.э.². На наш взгляд, такое явное запоздание открытия рассматриваемых памятников предопределили несколько причин. Во-первых, определенное сходство некоторых форм и фактуры самого массового археологического материала – лепной керамики 2-й и 3-й четвертей I тыс. н.э., во-вторых, традиционное “ретроспективное” направление поиска прототипов обнаруженных древностей, оттапливающееся от культуры донских славян VIII-X вв. О памятниках 2-й четверти I тыс. н.э. в Прихоперье впервые упоминается в 1986 г.³, хотя по материалам разведок они были известны и ранее.⁴ Однако и там они не были сразу адекватно оценены. К началу 90-х гг. древности 2-й четверти I тыс. н.э. уже были открыты и изучались в смежных Подонью и Прихоперью регионах. На западе это памятники сейминско-донецкого варианта киевской культуры, на востоке – памятники типа городища Лбище и поселения Славкино¹. Возникшее таким образом противоречие заставило исследователей обратить более пристальное внимание на археологические материалы Верхнего Дона и лесостепного Хопра.

В 1989 г. силами Скифо-Сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета под руководством А.П.Медведева началось исследование одного из самых крупных верхнедонских городищ - III Чертовицкого. И уже первые полевые сезоны были отмечены находками вещей и, даже, целых строительных комплексов, сильно выходящих из общего ряда древностей скифского и сарматского времени, характерных для городищ Верхнего Подонья. Поиск аналогий привел

автора раскопок к ареалу памятников поздне римского времени средне-днепровского региона, о чем и было впервые заявлено им в 1993 г.⁵ На III Чертовичком городище, поздний слой которого теперь стал эталонным для ряда верхнедонских памятников 2-й четверти–середины I тыс., были обнаружены и датирующие материалы, определившие время его бытования в пределах 1-й половины III-начала V в. н.э.⁶ Выяснилось также, что ко 2-й четверти–середине I тыс. можно отнести материалы еще целого ряда памятников бассейна Дона (поселения на реке Семенек, Подгоренское городище, поселения Курино 1 и Староживотинное 3, Животинное городище и др.). Таким образом, всего несколько лет назад был поднят целый пласт новых для бассейна Дона памятников, изучение которых представляется исключительно важным как для реконструкции этнокультурных процессов в регионе на рубеже Древности и Средневековья, так, вероятно, и для изучения расселения и этногенеза древних славян.

С начала 90-х гг. в Липецкой области при раскопках многослойных памятников А.Н.Бессуднов также обнаружил комплексы с материалами 2-й четверти I тыс. н.э. Поэтому в 1994 г. для участия в раскопках двух поселений этого времени (Каширка 1 и 2) им был приглашен ведущий специалист по древностям поздне римского времени Левобережья Днепра и водораздела Днепра и Дона, сотрудник Института археологии РАН А.М.Обломский⁷. В исследованиях Раннеславянской экспедиции под его руководством принял участие и ведущий сотрудник Института археологии НАН Украины, специализирующийся по культурам “полей погребений”, Р.В.Терпиловский. Уже первые их раскопки дали интересные результаты. Материалы полностью раскопанного поселения Каширка 2 позволили не только установить его аналогии памятникам киевской культуры водораздела Днепра и Дона, но и материалам более отдаленного региона Северо-Западного Причерноморья⁸. Кстати сказать, и на III Чертовичком городище была открыта постройка с каменным основанием, нашедшая точные аналогии в том же районе⁹. В ходе исследования Каширки 2 было установлено время бытования поселения – в пределах 2-й половины III в.н.э.¹⁰

В ходе исследований также выяснилось, что хотя древности позднего слоя III Чертовичского городища и селища Каширка 2 и датируются авторами 2-й четвертью I тыс. и оставлены скорее всего родственными группами племен, они вовсе не тождественны друг другу, а различаются по многим показателям, начиная от ведущих форм керамики и заканчивая топографией основных памятников. Это обстоятельство послужило для разделения известных памятников рассматриваемой группы бассейна Дона на два круга: типа Каширки 2 (или типа Каширки-Седелок, по формулировке А.М.Обломского) и типа позднего слоя III Чертовичского городища (или типа Чертовичского-Замятино, по А.М.Обломскому¹¹).

Вопрос о “существовании в междуречье Дона и Волги праславянских древностей” применительно к Прихоперью был впервые поставлен

А.А.Хрековым в 1991 г.¹². Эти памятники, по его мнению, находят аналогии среди поселений позднезарубинецко-раннекиевской традиции конца II–середины III в. Днепровского Левобережья. А.А.Хреков предлагает выделить их в отдельную культурно-хронологическую группу – типа Инясево¹³. Сколь правомерно ее выделение, покажут будущие исследования. Однако, проделанный нами предварительный просмотр коллекций, собранных в ходе археологических разведок в лесостепном Прихоперьи и хранящихся в фондах Музея археологии ВГУ, позволяет утверждать, что эта группа памятников весьма обширна. В обобщающих статьях А.А. Хрекова о памятниках инясевского типа обосновывается их культурно-хронологическая принадлежность, датировка, а также реконструируются некоторые аспекты жизни носителей древностей инясевского типа, например, особенности погребальной обрядности¹⁴.

Итак, начиная со 2-й половины 90-х гг. нашего столетия наступает этап активного целенаправленного поиска и изучения памятников всех указанных типов. В этом направлении сейчас работают отряды археологических экспедиций ВГУ, Института археологии РАН, Воронежского государственного педуниверситета, Липецкого государственного пединститута, Липецкой областной Госдирекции по охране историко-культурного наследия и другие. Сейчас известны не только поселения, но и отдельные погребения, и целые могильники с сожжениями, близкие культурам “полей погребений”¹⁵, и грунтовый могильник с трупоположениями на Животинном городище, инвентарь которых дает основания отнести их ко 2-й четверти-середине I тыс.¹⁶. По нашим подсчетам, к настоящему времени археологическими раскопками исследовано около 12 памятников. Пять из них раскопаны широкими (более 500 кв.м) площадями (III Чертовицкое городище, Курино 1, Каширка 2, Седелки, Замятино 5), как минимум одно поселение (Каширка 2) раскопано полностью. Важно и то, что в процессе полевого изучения ежегодно находятся до пяти памятников 2-й четверти–середины I тыс. н.э. С целью поиска памятников интересующей нас эпохи проводятся археологические разведки, а также работа с архивными материалами и археологическими коллекциями. На данный момент нам известно уже около 50 памятников. Началось введение в научный оборот как верхнедонских, так и прихоперских памятников¹⁷.

Настоящим событием стал выход в свет сборника “Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э.”, изданного Воронежским государственным университетом в 1998 г. Его главной целью была публикация верхнедонских и прихоперских памятников рубежа Древности и Средневековья. В нем вводятся в оборот большая часть материалов, составляющих источниковую базу 2-й четверти–середины I тыс. Верхнего Подонья, и часть - лесостепного Прихоперья. Считая ранее опубликованные памятники и этот сборник, можно уверенно сказать, что в научный оборот теперь введена подавляющая

часть исследованных на данный момент донских и прихоперских древностей указанного периода. А это значит, что проблематика 2-й четверти-середины I тыс. н.э. Подонья и Прихоперья "прорвала" узкий круг ее непосредственных полевых исследователей и вышла на широкое научное обсуждение.

Следует отметить и некоторые первые предварительные опыты обобщения полученных результатов. Прежде всего, мы имеем в виду статью А.М.Обломского¹⁸. В ней рассматривается история лесостепного Подонья с рубежа II-III вв. до V в. н.э. Автор выделил "три культурно-хронологических типа памятников позднееримского времени" в Подонье¹⁹. Часть из них он относил к сейминско-донецкому варианту киевской культуры при наличии некоторого черняховского влияния (Каширка 2), часть — к кругу киевско-черняховских памятников (Седелки), а материалы III Чертовицкого и Подгоренского городищ, по его мнению, свидетельствуют о присутствии в регионе "каких-то групп местного "скифоидного" населения после середины III в." Хронология памятников "позднееримского времени" в Подонье определялась автором статьи в пределах 2-й трети-середины III в. до конца IV-начала V в. Добавим, что к первому типу памятников А.М.Обломский относил и поселение Староживотинное 3.

Позднее А.М. Обломский несколько скорректировал свою первоначальную точку зрения²⁰. Во-первых, группа поселений типа Каширки 2—Седелок была признана единой, связанной с памятниками так называемой "киевской традиции в черняхове" (то есть группы носителей киевской культуры, вошедших в состав черняховской общности), но испытавших влияние некоторых причерноморских черняховских элементов²¹. Во-вторых, памятники типа III Чертовицкого городища, куда, ознакомившись с материалами раскопок последних лет, он включил и поселение Староживотинное 3, А.М. Обломский считает результатом сложного синтеза киевских, черняховских, местных "позднескифских" и некоторых других составляющих, что определяет, по его мнению, совершенно особый облик этих поселений²². В-третьих, исследователь утверждает, что между поселениями типа Каширки 2 и типа III Чертовицкого городища существует хронологический разрыв (почти весь IV в.), ибо датирующие вещи первых относятся ко времени не позднее начала IV в., а находки на вторых — не ранее конца IV-V в.²³

Что касается последней оценки А.М. Обломским древностей типа Каширки 2—Седелок, то, по нашему мнению, с ней трудно не согласиться. Во втором его утверждении мы бы позволили себе кое-что уточнить. Во-первых, вряд ли можно говорить о каком бы то ни было скифском присутствии на Дону после III в. до н.э. Более того, нам известно, что под "позднескифскими" этот исследователь понимает позднесарматские элементы, а именно, в частности, лепные горшки с раструбовидным горлом²⁴. Во-вторых, при несомненной правоте автора в его понимании

сложного этно-культурного состава насельников поселений типа III Чертовицкого городища стоит выделить элементы преобладающие, определяющие его культурный облик. А таковыми, по нашему мнению, являются в первую очередь черты сейминско-донецкого варианта киевской культуры, а именно его поздней фазы (памятники типа Букреевки 2–Тазово²⁵), а во вторую – местный субстрат позднесарматского времени. Справедливости ради надо отметить, что мы не оригинальны в своем мнении и очень близкую точку зрения в последние годы развивал А.П. Медведев²⁶. Что касается остальных элементов, то об их роли в формировании облика памятников типа III Чертовицкого городища пока определенно ничего сказать нельзя. Возможно, эту проблему решат дальнейшие археологические изыскания.

Что касается утверждения А.М. Обломского о хронологическом разрыве между двумя типами верхнедонских памятников, то тут, по нашему мнению, действительно обозначена важная проблема. Во-первых, для III Чертовицкого городища раннюю дату дает постройка 3, позволяющая удревнить существование интересующих нас материалов на городище до 1-й половины III в.²⁷ Во-вторых, близкая дата получена при исследовании сгоревшего сооружения под валом Подгоренского городища, в котором обнаружены, кроме позднесарматской керамики конца II–1-й половины III в., фрагменты посуды, характерной для верхнедонских памятников 2-й четверти–середины I тыс. н.э.²⁸ Кроме того, этому не противоречит и широкая датировка некоторых предметов (например, зеркала с центральной петлей – со 2-й половины III в.²⁹, пряжки с хоботовидным язычком – IV–V вв.³⁰). Да и на поселении типа Каширки 2 (а именно, у с.Писарево) обнаружена заготовка фибулы типа Б2 сильнопрофилированных двучленных подвязных по Е.Л.Гороховскому, период широкого бытования которого приходится на IV в. н.э.³¹ Поэтому вопрос о хронологическом разрыве между памятниками названных выше типов мы бы предпочли оставить открытым.

Возвращаясь к теме обобщающих статей, нельзя не отметить и итоговую работу А.П.Медведева³². Нас прежде всего интересует та ее часть, которая посвящена памятникам 2-й четверти–середины I тыс. бассейна Верхнего Дона. Во-первых, автор статьи определяет территориальные особенности распространения верхнедонских поселений: памятники типа III Чертовицкого городища локализуются им в поречье Воронежа, а поселения типа Каширки 2 – на Правобережье Верхнего Дона. От себя добавим, что поселения первого из названных типов, в основном, расположены южнее селищ второго типа. Впрочем, из-за небольшого числа типологически точно определенных верхнедонских памятников 2-й четверти–середины I тыс. выводы об их районировании могут быть лишь предварительными. Во-вторых, автор определяет хронологические рамки бытования данных древностей. Начальная дата для обоих типов памятников, по его мнению, главным образом лежит в пределах III в. н.э., а финал

поселений типа III Чертовицкого городища приходится на 1-ю половину V в., не исключая и немного более позднего времени.

Верхнюю хронологическую границу селищ типа Каширки 2, по мнению А.П. Медведева, достоверно определить пока нельзя. На наш взгляд, в

последнем вопросе следует пока согласиться с А.М. Обломским, считающим, что названные поселения не переживают рубеж III-IV вв., с той лишь поправкой, что, возможно, некоторые из них (Писарево) могут сохраняться несколько дольше. В-третьих, автор статьи намечает истоки возникновения древностей обоих верхнедонских типов. Памятники типа Каширки 2 он относит, вслед за А.М. Обломским, к киевской культуре с элементами причерноморской раннечерняховской традиции. Но происхождение памятников типа III Чертовичского городища, по мнению А.П. Медведева, более сложное, ибо они включают в себя как киевские и черняховские компоненты, так и местные и еще какие-то другие, “истоки которых пока не выяснены”. Причем киевские и черняховские составляющие — это лишь “отдельные проявления, в лучшем случае, часть характерных признаков культур “полей погребений””. Кроме этого, А.П. Медведев отмечает некоторую преемственность между местными комплексами и материалами памятников типа Лбища и Славкино 1 на Самарской луке. Последнее, возможно, позволит несколько скорректировать маршрут переселения носителей элементов культур “полей погребений” в Поволжье, изложенный В.В.Седовым ³³, проведя его через более южные территории бассейна Верхнего Дона и лесостепного Хопра.

И еще об одной проблеме, связанной с верхнедонскими памятниками 2-й четверти—середины I тыс. Речь пойдет о терминологической дискуссии, возникшей вокруг широко используемого А.М.Обломским понятия “позднеримское время” применительно к рассматриваемой территории. Он обосновывает свой термин, исходя из того, что для культур “прародины” пришлых компонентов на верхнедонских памятниках принято обозначать культурно-хронологические фазы по определяющим культурным связям (например, римское или гуннское время). Но А.П. Медведев полагает, что как отсутствие на данный момент провинциально-римских вещей на названных поселениях, так и значительная удаленность последних от границ Римской империи не позволяет применять данное понятие к Подонью. Ссылаясь на существующую в регионе историографическую традицию обозначать периоды по господствующей в это время культуре (например, сарматское время), А.П.Медведев предлагает для рассматриваемых памятников ввести термин “постсарматские”, либо “праславянские”, имея в виду близость верхнедонских материалов типам культур Днепровского Левобережья, которые большинство ученых связывают со славянским этногенезом ³⁴. С аншей точки зрения,неудачна и та, и другая формулировки. Действительно, трудно не согласиться с доводами А.П.Медведева по поводу некорректности использования термина “позднеримское время” для эпохи, сменившей на Верхнем Дону позднесарматскую. Однако и предложенные им определения вряд ли можно признать бесспорными, ибо термин “постсарматские”, на наш

взгляд, не отражает полностью специфику рассматриваемой эпохи, а “праславянские” претендует на более или менее четкое определение этнической принадлежности населения Верхнего Дона в III-V вв., что, по нашему мнению, преждевременно.

Таким образом, существовавшая долгое время в истории и археологии Верхнего Подонья и лесостепного Прихоперья лакуна с начала 90-х гг. текущего столетия начала заполняться археологическими памятниками, представляющими собой синтез пришлого и местного компонентов (поселения типа позднего слоя III Чертовицкого городища), либо оставленными мигрантами из более западных областей, занятых культурами “полей погребений”, без определенных следов подстилающего субстрата (памятники инясевского и каширского типов). Все выделенные типы верхнедонских и прихоперских древностей рубежа II-III – V в. отражают весьма сложные этно-культурные процессы, протекавшие в бассейне Дона и Хопра и несомненно являющихся частью противоречивой этно-культурной ситуации в Восточной Европе в I-й половине I тыс. н.э.

¹Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета по обследованию памятников эпохи бронзы в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3674, 3674а; Тихонов Б.Г. Отчет о работе Воронежской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4230.

²Бессуднов А.Н., Козлов А.И. О памятниках 3-й четверти I тыс. н.э. в лесостепном Подонье // Археология и история Юго-Восточной Руси. Курск, 1991. С. 21-24.; Винников А.З. Этнокультурная ситуация в лесостепном Подонье во 2-й половине I тыс. н.э. // Вопросы этнической истории Волго-Донья (материалы науч. конференции). Пенза, 1992. С. 50.

³Хреков А.А. Исследования в лесостепном Прихоперье // Археологические открытия 1986 г. Москва, 1988. С. 197.

⁴Ляхов В.Р. Отчет о разведке по р.Вороне в Воронежской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9376; Ляхов В.Р. Отчет о разведке по р.Вороне в Воронежской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9642; Ефимов К.Ю. Отчет об археологической разведке по р.Карачан в 1983 г. // Архив Музея археологии ВГУ. Р-1, № 45.

⁵Медведев А.П. О времени появления славян на Дону // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы науч. конференции). Воронеж, 1993. С. 24-26.

⁶Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы I-й половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж, 1998. С. 55.

⁷Бессуднов А.Н. Изучение памятников “доборшевского” времени в Липецкой области // Археология юго-востока Руси (материалы региональной науч. конференции). Елец, 1998. С. 11.

⁸Обломский А.М., Бессуднов А.Н. Ранние славяне в Подонье // Материалы международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А.Бунина. Елец, 1995. С.42; Бессуднов А.Н., Обломский А.М. Изучение археологических памятников на р.Семенек // Археологические исследования высшей педагогической школы (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). Воронеж, 1996. С. 43.

⁹Медведев А.П. III Чертовицкое городище ... С. 56-57.

¹⁰Бессуднов А.Н., Обломский А.М. Изучение археологических памятников ... С. 48.

¹¹Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеаримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий (тезисы докладов науч. конференции). Липецк, 1999. С. 129.

¹²Хреков А.А. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской лесостепи (межвузовский сборник науч. трудов). Саратов, 1991. Вып.2.С. 116-126.

- ¹³Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Этногенез и этно-культурные контакты славян (труды VI Международного конгресса славянской археологии). М., 1997. Т.3. С. 335.
- ¹⁴Хреков А.А. К вопросу о характере раннесредневековых памятников лесостепного Прихоперья // Археология и история Юго-Восточной Руси. Курск, 1991. С. 84-86; Хреков А.А. Раннеславянские памятники ... С. 325-336; Хреков А.А. Постзарубинецкие погребальные и культовые комплексы в Прихоперье // Археология юго-востока Руси (материалы региональной науч. конференции). Елец, 1998. С. 22-25.
- ¹⁵Медведев А.П. III Чертовицкое городище ... С. 53-54.
- ¹⁶Медведев А.П., Винников А.З. Грунтовый могильник на Животинном городище//Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи (межвузовский сборник науч. трудов). Воронеж, 1989. С. 148-156.
- ¹⁷Хреков А.А. Грунтовый могильник с сожжениями ... С. 116-126; Бессуднов А.Н., Обломский А.М. Изучение археологических памятников ... С. 21-48; Медведев А.П. Подгоренское городище на р.Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк, 1996. Вып.1. С. 111-121; Бирюков И.Е. Материалы раннего железного века с поселения Курино 1 на р.Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк, 1996. Вып.1. С. 60-71; Хреков А.А. Археологические исследования в районе с.Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1996 г. Саратов, 1997. Вып.2. С. 40-55; Акимов Д.В., Медведев А.П. Поселение Староживотинное 3 на реке Воронеж // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий (тезисы докладов науч. конференции). Липецк, 1999. С. 134-136.
- ¹⁸Обломский А.М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Проблемы славянской археологии (труды VI Международного конгресса славянской археологии). М., 1997. Т.1С.235-246.
- ¹⁹Там же. С. 244.
- ²⁰Обломский А.М. О ритмах развития ... С. 126-133.
- ²¹Там же. С. 128-130.
- ²²Там же. С. 130-132.
- ²³Там же. С. 133.
- ²⁴Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи (межвузовский сборник науч. трудов). Воронеж, 1987. С. 101, рис. 5.
- ²⁵Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва-Сумы, 1991. С. 90-91.
- ²⁶Медведев А.П. III Чертовицкое городище ... С. 58.
- ²⁷Там же. С. 47.
- ²⁸Медведев А.П. Подгоренское городище ... С. 120.
- ²⁹Там же. С. 115.
- ³⁰Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984. С. 29, 41; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - I-й половине I тыс. н.э. М., 1993. Табл. LXXX, 13.
- ³¹Обломский А.М. Этническая ситуация ... С. 245.
- ³²Медведев А.П. Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н.э. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж, 1998. С. 4-18.
- ³³Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 304-315.
- ³⁴Медведев А.П. Опыт разработки региональной системы хронологии и периодизации памятников раннего железного века лесостепного Подонья // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий (тезисы докладов науч. конференции). Липецк, 1999. С. 19-21.

ИСПАНСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКСТА ПОМПЕЯ.

Ежели час роковой ,сыновья, обречет меня смерти,
Вы продолжайте войну гражданскую, чтобы вовеки,
Коль еще жив на земле потомок нашего рода,
Властвовать Цезарь не смел...

Так начинается изложение завещания Помпея Великого знаменитый римский поэт М. Анней Лукан¹. Сыновья Помпея выполнили наказ отца: почти полтора десятилетия после его смерти Гней и Секст продолжали борьбу с Цезарем и его наследниками, препятствуя установлению в Риме единоличной власти. Лишь смерть их смогла прекратить это противостояние.

После разгрома помпеянцев в Македонии, Африке и Испании, после усмирения Египта и Понта во всем Средиземноморье оставался лишь один очаг борьбы с диктатурой Цезаря. Борьбу возглавил Секст Помпей, третий непримиримый противник диктатора из этого рода. Он поднял в Испании знамя сопротивления. Молодой и неопытный, лишившийся отца и брата, имевший лишь нескольких сторонников аристократ объявил о намерении продолжать войну против давнего врага своей семьи, надеясь только на магическую силу собственного имени. Сто лет спустя Лукан вложил в уста отца Секста такие слова:

“Каждый Помпей найдет себе флот, если пустится в море.

В мире ведь племени нет, которое в бой не пошло бы.

Вслед за потомком моим....”²

Современный французский историк Ш.Парен отметил, что уже одно это стремление продолжать борьбу даже в безнадежных обстоятельствах характеризует Секста Помпея как незаурядную личность.³

К сожалению, данный период деятельности младшего Помпея недостаточно хорошо изучен в современной историографии. Авторы общих работ по истории Рима, гражданских войн в Риме останавливаются на нем лишь мельком, отмечая, как правило, только то, что после битвы при Мунде Секст бежал и скрывался в Испании, а затем продолжают рассказ с его участия в событиях 44 (после смерти Цезаря) или даже 43 гг. При таком подходе сведения, приводимые ими о деятельности Секста Помпея в Испании, отрывочны, слепо следуют за текстами источников (как мы убедились далее, кое-где противоречивых) и не раскрывают тему в полной мере.

Такое же положение и среди немногих специальных работ о Сексте Помпее. В них рассматриваются преимущественно вопросы, связанные с историей его Сицилийской державы, а предыдущий период выпадает из

сферы научного исследования⁴. Настоящей статьёй мы попытаемся заполнить данный пробел.

Возглавив остатки армии своего отца, который погиб в Египте, Секст отправился на соединение с помпеянами, вновь объединившимися после фарсальского разгрома. Их встреча состоялась у Киренейского мыса, где Секст передал войска и подчинился сам новым командующим республиканцев - М.Порцию Катону и тестю Помпея Великого Кв. Цецилию Метеллу Пию Сципиону.

В ходе африканской войны 46 г. Секст какой-либо значительной роли не играл. Оставаясь, видимо, при штабе Сципиона он не участвовал и в экспедиции своего старшего брата Гнея в Испанию⁵. После разгрома республиканцев при Тапсе и падения Утики Секст бежал к нему в захваченную помпеянами провинцию Дальнюю Испанию (Бетику) вместе с оставшимися в живых соратниками отца - Т.Лабиемом и П.Атием Варом⁶.

Прибыв к брату, Секст был назначен им командующим войсками в Кордубе, крупнейшем городе Бетики и центре помпеянцев на Пиренейском полуострове⁷. Находясь в Кордубе, он не принимал участия в боевых действиях, которые Гн. Помпей-младший вел против городов, оставшихся верными Цезарю. Положение изменилось, когда в Испанию после тяжелого 27-дневного перехода прибыл с армией Цезарь⁸. Появившись на Пиренеях, диктатор обнаружил крайне напряженную ситуацию. Почти вся Бетика была в руках помпеянцев, одна из немногих верных крепостей, Улия, уже несколько месяцев осаждалась Гн. Помпеем. Чтобы облегчить ее положение, Цезарь решил отвлечь войска противников маршем на Кордубу. Посадив легионеров для убыстрения движения на лошадей позади всадников, он внезапно появился там с войсками. Отряд Секста, вышедший навстречу цезарианцам, был разгромлен. Младший Помпей, запершись в городе и подготовившись к осаде, был вынужден послать к брату за помощью. Узнав о тяжелом положении своей столицы, Гней снял осаду и устремился к Кордубе, оставив Улию, по сообщению автора "Записок об испанской войне", "наполовину взятой"⁹. Таким образом, первая часть плана Цезаря была выполнена. Увидев приближение помпеянцев к Кордубе, Цезарь отступил, не желая давать генеральное сражение из-за маленькой и усталой армии. Вскоре, однако, собрав подкрепления и дав армии отдохнуть, он все же решился на битву.

Сражение при Мунде 17 марта 45 г. было самым тяжелым для Цезаря на протяжении всей его военной карьеры. Победа несколько раз переходила из рук в руки. Был момент, когда Цезарь лично вел легионы вперед, сражаясь перед строем. Исход битвы решило одно неудачное приказание Т.Лабиена, по которому пять когорт начали притворное отступление для

того, чтобы завлечь цезарианцев под удар. Остальные войска, не предупрежденные Лабием, поверили в отступление своих товарищей и побежали следом¹⁰.

Поражение при Мунде привело к краху всей помпеянской партии в Испании. Гней Помпей, получивший в битве рану, бежал, но через несколько дней был схвачен и обезглавлен¹¹. Другие лидеры помпеянцев также погибли: Лабие и Атий Вар попали в плен на поле битвы с оружием в руках и по приказу Цезаря были казнены. Квинций Скапула, преследуемый цезарианцами, не желая подвергнуться после смерти поруганию, сложил костер и бросился в него. В битве и во время бегства погибло более трех тысяч сенаторов и римских всадников, около тридцати тысяч солдат¹².

Секст Помпей оказался единственным из руководителей помпеянцев, кому удалось спастись после испанского разгрома. Он не принимал участия в сражении при Мунде, оставаясь в Кордубе, где и узнал о поражении от кавалерийского офицера Валерия, которому с остатками отряда удалось вырваться с поля битвы¹³.

Опасаясь восстания, которое могло вспыхнуть в ненадежной, процезариански настроенной Кордубе¹⁴ Секст Помпей ночью покинул город. Чтобы избежать преследования, Секст распустил слух, что отправляется к Цезарю для ведения переговоров, но вместо этого скрылся в неизвестном направлении¹⁵.

Аппиан Александрийский, автор, в принципе заслуживающий доверия, так как он использовал в своей работе мемуары Г.Азиния Поллиона, участника испанской компании Цезаря, пишет о том, что после поражения под Мундой “Секст Помпей с небольшой кучкой людей разъезжал по океану, занимаясь разбоем”¹⁶. В то же время другие авторы: А.Геллий, Страбон, Цицерон, Флор - отмечают, что Секст спасся в горах Кельтиберии, где начал партизанскую войну¹⁷.

Представляется, что в данном случае Аппиан ошибся. Под влиянием дальнейших событий, когда Секст возглавил крупнейший флот в Средиземноморье, писатель в качестве источника привлек не труд Азиния Поллиона, а какие-то иные, ошибочные сведения. Об этом свидетельствует другой отрывок из книги Аппиана, в которой автор, несомненно под влиянием Поллиона, пишет, что после Мунды Секст “пока еще скрываясь сам и убегая, занимался грабежом”¹⁸. Как мы видим, здесь ничего о морском пиратстве Секста не говорится.

Покинув Кордубу, Секст отправился на север, в Кельтиберию, к племен иаккетанов. Опасаясь предательства, он скрывал свое имя до тех пор, пока не собрал, по словам Аппиана, “значительную шайку”, и пока Цезарь, усмиривший Испанию, не вернулся в Рим, оставив наместником своего легата Г.Каррината¹⁹.

Воспользовавшись отъездом Цезаря, Секст открыл сторонникам свое имя и поднял знамя нового мятежа. Имя Помпея немедленно привлекло к нему множество сторонников, как из помпеянцев, которые выжили после Мундского разгрома и скитались без дела, так и из представителей окрестных племен.

Поддержка, оказанная Сексту местными жителями, не была случайной. Род Помпеев издавна славился в Испании. Еще его родоначальник - консул 141 г. Кв. Помпей был проконсулом Испании и заключил с местными вождями выгодный для них договор, за что едва не поплатился по возвращении в Рим²⁰. Хорошо помнили в Испании и деда Секста Гн. Помпея Страбона, который в годы союзнической войны раздавал римское гражданство испанским воинам, преданным Риму²¹. Огромную славу и, что гораздо более важно, множество клиентов оставил на Пиренеях отец Секста Гн. Помпей Великий.

Впервые он появился в Испании во время Серторианской войны. Его военные успехи, заботливое отношение к нуждам жителей провинции, раздача римского гражданства своим сторонникам создали огромную клиентелу Помпея. Его управление Испанией в качестве проконсула в 54-50 гг. еще более укрепило там его позиции. Даже Цезарь, много сделавший для испанцев будучи квестором и пропретором на Пиренеях, признавал, что "Помпей сделал для этой страны много добра, и потому у него в Ближней провинции немало влиятельных клиентов"²².

В Кельтиберии имя Помпеев было еще более известным. Цезарь писал: "Из тамошних общин те, которые в прошлую войну стояли на стороне Сертория, даже заочно боялись имени и власти Помпея, как побежденные им; с другой стороны, те которые в противоположность им, оставаясь в дружбе с Помпеем, любили его за большие милости".²³ После смерти Помпея Великого вся его огромная клиентела перешла по наследству к Гн. Помпею-младшему (недаром именно он возглавил экспедицию республиканских войск из Африки в Испанию в 46 г.), а когда погиб и он - к младшему брату Сексту.

Впрочем, не только имя Помпея смогло привлечь к Сексту множество союзников. Из всех народов, покоренных Римом в республиканский период, испанцы были наиболее свободолюбивыми. Более двухсот лет продолжалось завоевание римлянами Пиренейского полуострова, в рассматриваемый период еще не законченное. Поэтому гражданские войны II-I вв., бушевавшие по всему Средиземноморью, не могли не приобрести в Испании характера освободительной войны. Наиболее ярким примером этого можно назвать движение Сертория²⁴. Подобные тенденции свойственны и испанскому периоду борьбы Секста Помпея. Поддерживая его, испанские племена не только выражали клиентскую преданность его роду, но и боролись за свою независимость от Рима.

Римские граждане, проживавшие в Испании, хотя и не проявляли сепаратизма, но также стояли в оппозиции цезарианскому режиму, недовольные политикой, проводимой ее ставленниками в провинции. Именно это недовольство стало основным фактором успеха экспедиции Гн. Помпея-младшего в 46 г., когда испанцы-провинциалы выступили против

цезарианского наместника Кв.Кассия Лонгина и подняли восстание у него в тылу²⁵. Быстрые успехи Секста также во многом зависели от негативного отношения провинциалов к режиму Цезаря.

Поддержка Помпея испанцами была значительной и постоянной. Она не прекратилась даже после того, как Секст покинул Пиренеи и переместился на Сицилию. Множество испанцев, сторонников младшего Помпея, последовали за ним, тогда как оставшиеся в течение длительного времени продолжали борьбу с цезарианским режимом. Т.Моммзен, говоря о напряженной обстановке на полуострове в это время, называет семь наместников, справивших триумф за победы в Испании с 43 по 26 гг. Не прекращавшаяся борьба свидетельствует о мощном сопротивлении попыткам Октавиана и его наместников контролировать провинции за Пиренеями²⁶.

Именно получение постоянной поддержки испанцев, по мнению Ф.Мильтнера, автора статьи о младшем Помпее в экспедиции Паули-Виссова, было наибольшим успехом Секста в начале его самостоятельной деятельности²⁷. Роль иных социальных групп в этот период была менее значительной.

В.Н.Парфенов, рассматривая социальный состав сторонников Секста Помпея, отметил, что в Испании среди них не могло не быть известного числа представителей знати. По нашему мнению, это не так. Большинство оптиматов погибло или подчинилось Цезарю еще после поражения помпеянцев в Македонии и Африке. Те немногие, которые переместились в Испанию для продолжения борьбы, были убиты или пленены после битвы при Мунде.

В.Н.Парфенов пишет, говоря об оптиматах, что “уцелевшие после сражения неминуемо должны были последовать за Секстом - иного пути у них не было”²⁸. Должны были, но, по нашему мнению, не последовали. Мы знаем, что после битвы Секст некоторое время скрывал свое имя²⁹, что невозможно и не нужно в окружении знакомых ему людей, которыми являлись выжившие аристократы.

Не могли они появиться в окружении Секста и после того, как он открыл свое имя и поднял знамя мятежа - только потому, что в Испании не было его сторонников из числа знати. Цезарь и его наместники не могли следить за настроением каждого жителя только что усмирённой провинции, но обязаны были контролировать тех, кто обладал каким-либо влиянием.

В этих условиях начал складываться штаб Секста Помпея, в который, помимо испанских князьков и провинциалов, вошли и его вольноотпущенники. Для исследуемого периода нам известно имя только одного из них, Филона, который командовал отрядом помпеянцев после Мунды, а год спустя участвовал в переговорах Секста с Сенатом в качестве посла³⁰.

Более известные вольноотпущенники Помпея - его флотоводцы Менодор, Менекрат и другие - вероятно присутствовали в его окружении в Испании, но играли более скромную роль. Время морской войны еще не пришло.

Некоторую часть сторонников Секста составляли рабы. Используя старый прием участников гражданских войн, младший Помпей освобождал

рабов и включал их в свою армию еще до битвы при Мунде и продолжал пользоваться этим на всем протяжении своей самостоятельной карьеры³¹.

Наконец, отряд солдат привел Сексту африканский царек Арабион, лишенный Цезарем царства после битвы при Тапсе и бежавший со своими сторонниками в Испанию³².

Используя все вышеперечисленные пути для вербовки сторонников, Секст Помпей очень быстро сформировал значительную армию и перешел в наступление на наместника Бетики Г. Каррината. Применяя тактику партизанских действий и не вступая в бой с крупными цезарианскими отрядами Секст смог нанести Карринату несколько поражений и к концу 45 г. овладел провинцией³³. В это время он получил выход к морю и начал формирование своего знаменитого флота, который к весне 44 г. стал наиболее значимой силой в прибрежных водах Испании и северо-западной Африки.

Обеспокоенный успехами Секста, Цезарь отозвал Каррината и назначил на его место Г.Азиния Поллиона. Однако, смена командующего не привела к изменению ситуации на Пиренеях, Секст продолжал покорять города Бетики, а в марте 44 г. занял Новый Карфаген, столицу Ближней Испании, после чего двинулся на север³⁴.

В середине апреля из Италии прибыло сообщение об убийстве Цезаря. Смерть диктатора переломила ситуацию на Пиренеях. В войсках цезарианцев началось брожение, в то время как приток сторонников к Помпею увеличивался.

В день получения данного известия Секст взял штурмом город Барею, расположенный в устье реки Альмансор при Вильярикое³⁵, и открыл себе путь на север Испании. Однако победный марш не состоялся. Вместо этого Помпей вернулся в Бетику, где находились основные силы его армии, состоявшие в апреле 44 г. из семи легионов и флота³⁶. После этого он начал переговоры с Сенатом.

В это время Секст Помпей впервые проявил будущие характерные черты своей политики. Он предпочел военному решению конфликта (походу на север Испании) переговоры, подкрепляя свою позицию на них мечами легионеров. Именно такая тактика будет в дальнейшем определять его действия и, в конце концов, не позволит ему победить триумвиров и погубит.

Смерть Цезаря завершила первый период в самостоятельной карьере Секста Помпея. День 15 марта 44 г. стал поворотным в судьбе младшего сына Помпея Великого. Убийство диктатора превратило его из провинциального мятежника, на борьбу с которым Рим не обращал большого внимания, в политическую фигуру огромной значимости. Вокруг Секста объединились самые различные социальные слои римского общества.

Значение Секста, как политика, было настолько велико, что для устранения его с арены активной борьбы за власть противникам пришлось мобилизовать все силы Рима, отрывая их от наиболее важных в то время направлений внешнеполитической экспансии: Парфии и Иллирика.

¹ Luc. IX, 87-90

² Luc. IX, 94-97

³ Parain Ch. Octave-Auguste. La naissance d, un pouvoir personnel,- Paris, 1978,- p.69

⁴ Среди общих работ можно отметить: Всемирная история. Мн., 1997. Т.4.С.529; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л.,1985.С.68; Ферреро Г. Юлий Цезарь. Ростов-на-Дону,1997.С.484. Специальные работы посвящены социальной базе государства Секста Помпея, его взаимоотношениям с сицилийцами, пиратами. См: Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987. С.68-87.

⁵ Plut. Cat.,59; Caes. B.Afr.,22sq.

⁶ Caes. B.Hisp.,1.

⁷ Caes. B.Hisp.,3.

⁸ App. B.C.,II,103.

⁹ Caes. B.Hisp.,4.

¹⁰ Caes. B.Hisp.,31; Plut. Caes., 56; App. B.C.,II, 104.

¹¹ Caes. B.Hisp.,39; App. B.C.,II,105; Flor. II,13,86; Vell. II,55,4; Strab. VI,2,2.

¹² App. B.C.,II,104; Caes. B.Hisp.,31.

¹³ Caes. B.Hisp.,31.

¹⁴ Восстание произошло несколько дней спустя, превратив город в могилу для 22 000 помпеянцев. Caes. B.Hisp.,2,34.

¹⁵ Caes. B.Hisp.,32.

¹⁶ App. B.C.,IV,83.

¹⁷ A.Gell. XV,4; Strab. III,4,10; Cic. Att.,XII,37,4; Flor. II.13,87.

¹⁸ App. B.C.,II,105.

¹⁹ App. B.C.,IV,83; Strab. III,4,10.

²⁰ Vell. II,1,4.

²¹ CIL I,2,709.

²² Caes. B.C.,II,18.

²³ Caes. B.C.,I,61.

²⁴ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи.- М.,1995.-С.174-175.

²⁵ Caes. B.Al.,48-64.

²⁶ Парфенов В.Н. Секст Помпей и сицилийцы// Античный мир и археология.Саратов,1990. Вып.9.-С.71-72; Моммзен Т. История Рима. Ростов-на-Дону,, 1997.Т.3.С.623-624.

²⁷ Miltner F. Sex.Pompeius Magnus// PWRE Hbd.42, SP.2216.

²⁸ Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа.- Саратов,1987.-с.70

²⁹ App. B.C.,IV,83.

³⁰ Caes. B.Hisp.,35; Cic. Att.,XVI,4,1.

³¹ Caes. B.Hisp.,34.

³² App. B.C.,IV,54,83.

³³ App. B.C.,IV,83.

³⁴ App. B.C.,IV,83; Cic. Att.,XVI,4,2.

³⁵ Мишулин А.В. Античная Испания до установления Римской провинциальной системы в 197 г. до н.э.- М.,1952.- С.231.

³⁶ Cic. Att.,XVI,4,2.

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

А.И.Сурков

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ.

Институт королевской власти у англосаксов сложился еще на их континентальной прародине до переселения в Британию. В данный период эта власть заключалась лишь в военном руководстве племенем. Король-вождь обязан был “защитить своих людей от грабежа со стороны соседей и стать военным предводителем в походах за добычей и в захвате новых земель.”¹ Видимо, этим-то властные полномочия вождя и ограничивались. По свидетельству римского историка Тацита, вождям не дозволялось распоряжаться жизнью и свободой членов племени, ибо эта прерогатива принадлежала жрецам.² Конечно, королей выбирали из представителей наиболее знатного рода,³ но в эпоху, когда “знатность” и “доблесть” являлись равнозначными понятиями, происхождение вождя не прибавляло ему реальной власти над своим народом, но, напротив, личная отвага, удача в военном походе давали возможность возвыситься над другими членами племени. Если же у вождя была многочисленная дружина, защищавшая его и совершавшая вместе с ним доблестные деяния, то этот вождь был славен не только в своем племени, но и у соседних народов, которые во избежание войны были вынуждены платить ему немалую дань.⁴

По-видимому, власть племенного вождя носила временный характер. Будучи предводителем своего народа во время войны, в мирное время вождь становился просто знатным членом племени, не наделенным какими-то особыми полномочиями. Превращение королевской власти в постоянно действующий институт было возможно лишь с возникновением раннеклассового общества и государства.

У англосаксов этот процесс затянулся вплоть до VII века. В ходе завоевания Британии, хотя и лишенной полностью поддержки со стороны Западной Римской империи, германским племенам пришлось столкнуться с яростным сопротивлением местного населения. Весь VI век прошел в кровопролитных войнах с бриттами, основные очаги сопротивления которых были все же подавлены, и приблизительно к 600 г. на карте Британии появилось двенадцать германских королевств.

В ходе завоевания новых земель, когда только действенное руководство племенем могло обеспечить англосаксам успех, власть королей-воинов получает необходимый импульс для своего дальнейшего развития. С этого времени королевская власть превращается в постоянно дей-

ствующий общественный институт, приобретает наследственный характер. Англосаксонская хроника сообщает нам, что уже с конца V века англосаксонские вожди прибегают к практике передачи власти в руки своих наследников. Так, Хенгест, предводитель военных дружин ютов и фактический основатель королевства Кент, еще, видимо, при жизни назначил своим преемником сына Эска, ставшего королем после смерти своего отца.⁵ Это право на наследственную передачу власти подкреплялось теорией о божественном происхождении королей, которые вели свою родословную от верховного бога германского пантеона Одина. Это обстоятельство, по мнению Д. Уайтлок, наделяло англосаксонских вождей определенными жреческими функциями.⁶

Очевидным свидетельством усиления королевской власти стала кодификация германского права и появление первого судебника кентского короля Этельберта в начале VII в. Законы устанавливают наивысший размер штрафов за кражу королевского имущества, драку в присутствии короля, вторжение в королевскую резиденцию, а также насилие над служанкой короля.⁷ Интересно отметить, что если нарушение покровительства рядового свободного кэрла каралось штрафом в 6 шиллингов, то нарушение королевского покровительства стоило много больше — 50 шиллингов штрафа.⁸ Правда иных привилегий, на которые мог рассчитывать король, по данным источника проследить невозможно. Видимо, король по-прежнему рассматривался не как человек, наделенный государственной властью, а как частное лицо, знатный член племени. Оскорбление, нанесенное королю, трактовалось не как государственная измена, а лишь как оскорбление свободного человека, за что также уплачивался определенный размер штрафа.⁹ По мерсийскому законодательству убийство короля каралось уплатой выкупа, размер которого был равен 7200 шиллингов. Причем половину из этой суммы составлял собственно вергельд, а оставшаяся часть шла на оплату так называемого «королевского достоинства».¹⁰

Таким образом, к началу VII в. королевская власть сохраняла еще многие черты, свойственные родоплеменной организации германского общества. Определенные признаки трансформации этой власти могут быть определены лишь концом века, когда король становится арбитром в решении ряда административных и гражданских дел.

По законам королей Кента Хлотаря и Эдрика (673-685) король мог претендовать на долю штрафа за совершение ряда противоправных деяний, причем сумма, шедшая в пользу короля, превышала размер штрафа, который выплачивался пострадавшему.¹¹ Например, если кто-нибудь в чужом доме назвал человека клятвопреступником или оскорбил его, то обязан был уплатить шиллинг владельцу дома, 6 шиллингов пострадавшему и 12 шиллингов королю.¹² Король приобретал судебные права и в

вопросах, касающихся покражи имущества. Только в королевском присутствии можно было подтвердить законность владения собственностью или лишиться ее.¹³ В компетенцию королевской власти также входило и определение меры наказания за совершенное преступление. В судебнике короля Уитреда (695-696) специально говорилось, что если кто-нибудь поймал вора с поличным, то королю следует либо убить преступника, либо про

дать его за море, либо потребовать уплаты денежной компенсации, равной стоимости вергельда виновного.¹⁴

Таким образом, во всех вопросах королевская власть выступала как высшая судебная инстанция. Слово короля стало неоспоримым, не требовало каких-либо подтверждений,¹⁵ что является прямым подтверждением упрочения статуса короля в обществе.

Еще большие привилегии по сравнению с королями Кента получила королевская власть в Уэссексе. Согласно судебнику короля Инэ (688-694) вооруженная борьба в доме короля каралась лишением всего имущества виновного. Королю принадлежало право решать, сохранить ли преступнику жизнь или подвергнуть его наказанию, вплоть до смертной казни.¹⁶ Как и в кентских правовых сборниках, в уэссекских законах оговаривалась королевская прерогатива о взимании части штрафа в свою пользу за совершение ряда противоправных поступков.¹⁷ Наивысший размер штрафа защищал резиденцию короля от насильственного вторжения.¹⁸

Кроме того, король претендовал на получение натуральных поставок (фирмы) с населения.¹⁹ Эта традиция, по-видимому, своими корнями восходит ко времени, когда военные вожди собирали дань с покоренных народов, способствуя тем самым как своему собственному благополучию, так и процветанию всего племени. С образованием же государства королевская власть, потеряв во многом возможность жить за счет ограбления завоеванных территорий, находит иной способ существования, взимая поборы со своего населения. По справедливому замечанию А. Г. Глебова, эти поборы напоминали кормления, которые со временем "... приобрели характер обязательных поставок продуктов населением".²⁰

Рассчитывать на получение фирмы король мог, лишь обладая правом распоряжения рядом земель королевства. В этом случае он также приобретал возможность осуществления земельных пожалований как в пользу церкви, так и светской знати. Эти земельные дарения, зафиксированные в специальных грамотах и получившие название "бокленда", были еще одним свидетельством дальнейшего расширения объема королевской власти к концу VII в.²¹

Важным показателем превращения власти англосаксонского короля в государственный институт было формирование королевского административного аппарата. В источниках указанного периода упоминаются должности элдормена, городского управляющего (town-reeve, wic-gegefa) и судьи. Круг их полномочий четко не обозначен. Однако возможно предположить, что элдормен не являлся королевским служащим, а был выборным представителем общин и выражал их интересы. Выходец из рядов родовой аристократии, элдормен, по-видимому, стоял во главе графства, выполняя определенные судебные и полицейские функции. В частности, в его компетенцию входила поимка вора.²² Насколько

элдормен был подотчетен королю, или же он полностью был независим от королевского влияния, сказать сложно, но определенно, что ему приходилось взаимодействовать с королевским управляющим или герефой, представлявшим интересы короны на местах. По мнению Ф. Стентона, вначале герефа как королевский агент занимался в сотне лишь сбором судебных штрафов в пользу короля.²³ Но со временем спектр его полномочий становится более широким. В присутствии герефы заключались торговые сделки, он был вправе принять очистительную клятву и даже наказать человека.²⁴ Его влияние в сотенном собрании становится более весомым.

Создание королевской администрации позволило королю усилить свой контроль над всеми сферами жизни общества. Вообще следует отметить, что к концу VII века королевская власть присваивает ряд функций, принадлежавших ранее учреждениям родоплеменного строя, играет особую роль в сфере гражданского управления. В компетенцию королевской власти входит издание законов и осуществление полицейских полномочий, распоряжение земельным фондом королевства и применение карательных мер по отношению к тем, кто нарушил закон. То есть мы можем говорить о том, что с VII в. англосаксонский король выступает уже как глава государства, в котором существует аппарат принуждения в виде института королевских служащих. А это является очевидным признаком того, что древнеанглийская государственность берет свое начало именно в конце VII века.

Борьба между англосаксонскими землями за гегемонию в VII-VIII вв. являлась ярким свидетельством того, что захват новых территорий и защита своего народа от врагов, как и в эпоху Тацита, по-прежнему оставались важной обязанностью королевской власти. В этой связи в поэзии, нарративных источниках возник образ идеального правителя. Англосаксонская поэма “Беовульф” открывается описанием доблестей мифического основателя датской королевской династии Скильда Скиффинга, который наводил страх на соседей, требуя от них дани.²⁵ Автор поэмы полагал, что это был хороший король, ибо его народ жил в безопасности, а враги были у его ног. Да и сам Беовульф прославился тем же. Перед смертью прославленный предводитель геатов говорит о своих заслугах перед народом, главными из которых были устрашение соседей и охрана своих владений.²⁶

Образы Скильда Скиффинга и Беовульфа — плод устных преданий англосаксов, а вот фигура нортумбрийского короля Освальда в известном произведении Беды вполне реальна. Он также заслужил себе славу в военных походах, подчинив своей власти “все народы и области Британии”. Правда, для автора “Церковной истории народа англвов” эти заслуги не имели большого значения. Для хрониста Беды идеальным мог быть

только король-христианин, который бы отличался своей скромностью и заботился о бедняках. Беда повествует, что однажды на Пасху, когда король Освальд восседал за своим обеденным столом, у его жилища собралась большая группа нищих, молящаяся о подаянии. Узнав об этом, король дал указание разделить между ними свою пасхальную трапезу, чем вызвал восхищение и благословение епископа. Неслучайно после своей смерти Освальд был

возведен в лик святых, а его останки были захоронены в серебряной усыпальнице церкви Св. Петра г. Бамбурга, официальной резиденции королей Нортумбрии.²⁷

Подобные представления о королевских добродетелях могли возникнуть лишь под влиянием христианства и его моральных постулатов. Ведь новая идеология, сменившая старые языческие верования, должна была служить укреплению престижа королевской власти. Идеи о божественной природе королей, свойственные еще языческому прошлому англосаксов, в VII в. были подкреплены христианскими воззрениями о том, что король является представителем бога на земле и правит благая милости божьей. Это, бесспорно, еще больше возвышало королевскую персону над всей массой свободного населения, как знати, так и рядовых общинников. Поэтому королевская власть была заинтересована в союзе с церковью, в утверждении христианства как господствующего культа.

При первом взгляде на законодательные памятники англосаксов у исследователей складывается впечатление незыблемости королевской власти, носящей абсолютный характер. Причиной тому, на наш взгляд, служит немалое число статей и формулировок в законах, которые наводят на подобную мысль. К примеру, в преамбуле к своему судебнику король Инэ, будучи, видимо, абсолютно уверенным в силе своих властных полномочий, посчитал возможным использовать такие формулы, как “мои элдормены”, “мои епископы”, “мой народ”, “мое королевство”.²⁸ Казалось бы, только абсолютному монарху было позволительно говорить в таком контексте о своих подданных. Но на самом деле, как справедливо замечал Р.П. Абелс, законы в целом создавали лишь иллюзию сильной монархической власти, были идеологическими и политическими документами, созданными с целью демонстрации королевских привилегий. В действительности же они преувеличивали статус королевской власти.²⁹ Источники фиксируют ряд случаев, когда король мог лишиться своего трона не по собственной воле. Так, в 757 г. король Сигеберт был изгнан из своего королевства за то, что творил несправедливость.³⁰ То же самое сделали нортумбрийцы с королем Алхредом в 774 г., причем, как сообщает Симеон Даремский, изгнание было совершено с согласия всех людей короля.³¹

В последнем случае, на наш взгляд, средневековый хронист имел в виду представителей высшей знати королевства, придворную аристократию, со мнением которой король обязан был считаться, ибо ее поддержка обеспечивала устойчивость королевской власти. Если же последняя начинала игнорировать интересы нобилей, нарушать предписания законов и обычаи предков, то ее положение в обществе становилось очень даже шатким.

Новый этап в развитии института королевской власти, начавшийся в IX в., был связан с многочисленными изменениями как во внутривластической сфере, так и с процессами, произошедшими во внешней политике. В этот период были заложены основы политической консолидации англосаксов. Инициативу в объединении англосаксонских земель взяло на себя королевство Уэссекс, правители которого не только сумели стать гегемонами в англосаксонском мире, но и взяли на себя инициативу в отражении скандинавской экспансии во второй половине IX века.

В ходе датских войн и борьбы за объединение земель королевская власть получила еще большие привилегии в обществе. Это объяснялось необходимостью укрепления статуса короля как главы фактически нового государства. Отныне за любое преступление король мог претендовать на большую часть штрафа.³² Если кто-либо замыслил заговор против королевской персоны или просто укрывал у себя королевских изгнанников, то его жизнь была полностью в руках короля. Виновного ждала смертная казнь с последующей конфискацией всего имущества. А принесение очистительной клятвы было трудноосуществимо ввиду ее высокой стоимости, равной королевскому вергельду.³³

По своему личному статусу король стоял неизмеримо выше на социальной лестнице, чем любой представитель светской и церковной знати. Если в VII в. штраф за вторжение в королевскую резиденцию составлял ту же сумму, что и за вторжение в местожительство епископа, то в IX в. за подобное преступление король получал в 2 раза больше, чем полагалось епископу.³⁴ Особенно высоко ценилось королевское поручительство, за нарушение которого также взимался наивысший размер штрафа.³⁵

Данная политика штрафов была нацелена на ограничение могущества церкви и подчинение ее королевским (государственным) интересам. Церковь уже выполнила свою историческую роль, придав королевской персоне ореол божественности. Отныне задачей церкви было лишь осуществление идеологического контроля над паствой, что облегчало бы короне проведение государственной политики.

Большое значение для королевской власти имел и ряд мер, принятых с целью ограничения влияния старых могущественных родов и некоторых представителей служилой знати. Во-первых, на представителей знати налагалась ответственность за оказание приюта человеку, сбежавшему от своего господина. Только элдормен данного графства мог разрешить переход зависимого человека от одного хозяина к другому. Если такого разрешения не последовало, то виновный в принятии перебежчика должен был уплатить штраф в размере 120 шиллингов, при этом неся ответственность за все противоправные поступки этого человека.³⁶

Во-вторых, королевская власть пыталась регулировать отношения между господином и зависимыми от него людьми. Глафорду запрещалось

лось укрывать вора от королевского правосудия. В противном случае на господина налагался штраф, а при повторном сокрытии он рисковал лишиться всего своего имущества.³⁷ Если и в этом случае оказывалось сопротивление королю, то с помощью герефы король мог применить меры физической расправы со знатью.³⁸

В-третьих, землевладельцам предписывалось соблюдать установленный королем порядок в своих владениях. Любое отклонение от нормы

влекло за собой юридическую ответственность. Например, невыполнение дружинником-землевладельцем обязанностей по поддержанию порядка на своих землях каралось уплатой штрафа в размере 60 шиллингов.³⁹

Аналогичным способом королевская власть пыталась контролировать деятельность должностных лиц. Еще в VII в. элдормен мог лишиться своей службы за ненадлежащее выполнение своих обязанностей.⁴⁰ Те же меры применялись и к герефам, королевским управляющим, игнорировавшим королевские предписания.⁴¹ Но несмотря на тотальный контроль со стороны короля, деятельность королевских служащих в делах управления государством в IX-XI вв. была далека от совершенства. В этот период в королевских документах часто встречаются ошибки, связанные с неграмотностью писцов. Например, в одном из документов IX в. встречается следующее выражение: *þæt ðær wære eowes and geese and swine and oxen and heofoc and feras and eowes and geese and swine and oxen and heofoc and feras*.⁴²

Посредством своих служащих королевская власть, в частности, пыталась контролировать монетное дело. Первое упоминание о введении официальной монеты мы находим в правление мерсийского короля Оффы в конце VIII в.⁴³ С образованием единого государства правила чеканки монеты устанавливаются законодательным путем. Согласно судебнику короля Этельстана чеканить монету разрешалось лишь в городских центрах, причем во всей стране вводилась единая монетная система.⁴⁴ По мнению К. Ф. Савело, "...в финансовых мероприятиях королей нашел отражение процесс роста самой королевской власти, активизация ее деятельности в экономической сфере."⁴⁵

Помимо использования аппарата служащих на местах, королевская власть в проведении государственной политики опиралась также на придворных министриалов, выполнявших различные поручения по обслуживанию двора.

Епископ Ассер, биограф короля Альфреда, сообщает, что в королевских палатах находились не только воины-телохранители, но и служащие королевского двора.⁴⁶ Чем конкретно они занимались и каковы были их титулы, Ассер не уточняет, но в документальных источниках присутствуют сведения о сенешале, капеллане, маршале, казначее и других слугах.⁴⁷ Можно предположить, что система этих должностей повторяла во многом королевский двор во Франции в эпоху Каролингов. Как и на континенте, в англосаксонском государстве капелланы, вероятно, использовались как писцы и нотариусы, а в ведении казначея находилась королевская казна, а также апартаменты и гардероб короля.⁴⁸ Правда, это всего лишь догадки, ибо в древнеанглийских источниках конкретных упоминаний об этом не содержится. Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, это то, что важной обязанностью служащих двора было свидетельствование земельных пожалований. Подписи королевских слуг мы находим в ряде грамот IX-XI вв.⁴⁹ А это, на наш взгляд является оче-

видным фактом активного участия королевского двора в процессе распределения земель.

Следует отметить, что в принятии наиболее важных решений королевской власти приходилось считаться с мнением “уитенагемота” или общекоролевского совета знати. Какова была в действительности компетенция этого совета, каковы были его функции в управлении государством, – вопрос дискуссионный. В отечественной и зарубежной литературе существуют различные точки зрения по этому вопросу. Наиболее обоснованная концепция, на наш взгляд, принадлежит Ф. Мэйтланду и Г. Чэдвику, которые считали, что уитенагемот являлся просто королевским изобретением. По мнению этих авторов, его члены полностью зависели от короля, ибо были обязаны ему своим “служебным положением” и “земельным держанием”.⁴⁹ Научная значимость данной концепции состоит в том, что она полностью отвергает все попытки усмотреть в политическом строе раннесредневековой Англии черты ограниченной монархии и создает основу для представлений об англосаксонском государстве как государстве знати. В отечественной литературе эту точку зрения разделяла К. Ф. Савело, которая не только дала обстоятельную характеристику совету знати, но и подробно рассмотрела западные концепции по этому вопросу.⁵⁰

Одной из важнейших проблем, касающихся деятельности “совета мудрых”, является вопрос о масштабах его компетенции. Помимо участия в распределении земель, члены уитенагемота оказывали помощь королевской власти в составлении законов, осуществлении высшего суда, санкционировании налогов и рассмотрении вопросов внутренней и внешней политики. Уже в преамбуле к законам уэссекского короля Инэ, составленным в конце VII в., говорилось о том, что законы эти были приняты с ведома уитанов.⁵¹ Об участии уитанов в создании судебника упоминает и король Альфред. Многие из судебных постановлений прошлого, не понравившиеся королю Уэссекса, были отвергнуты по совету “мудрых”.⁵² Но вряд ли из этого стоит делать вывод, что члены уитенагемота обладали законодательной инициативой. Скорее королевской власти нужно было лишь согласие совета знати на введение сборника законов, что придавало этому королевскому большую гласность. То же самое мы можем сказать и об участии уитанов во внешнеполитических вопросах. Хотя договор между Альфредом и Гутрумом был скреплен клятвой верности “мудрых”,⁵³ эта клятва ни в коей мере не являлась подтверждением согласия “всего народа англвов” с королевской политикой. Эта клятва была лишь данью традиции, создававшей видимость публичности заключенным королем внутри- и внешнеполитическим актам. Права уитенагемота как высшей королевской инстанции и его роль в налогообложении также были чисто формальными. Допуская участие уитанов в раз-

бирательстве судебных дел, король Кнут (1017-1035) оставил за собой право вынесения приговора виновному, что отдавало высший суд в руки короля.⁵⁴ Сбор и введение новых налогов также оставались исключительной прерогативой королевской власти.

Огромное значение во взаимоотношениях между королем и советом знати имеет вопрос о том, избирал ли уитенагемот англосаксонских королей, или это —лишь миф, созданный историками вигской школы. На наш

взгляд, у историков нет больших оснований разделять последнюю точку зрения, ибо ни один источник англосаксонской эпохи не содержит достоверных сведений об этом. Многие данные скорее говорят об обратном. Во-первых, еще с догосударственных времен для вождей характерным был обычай передачи власти своему наследнику. Во-вторых, в источниках редки упоминания о неурядицах, связанных с передачей королевских регалий. Конечно, такие случаи имели место быть. Так, в 955 г. мерсийцы (видимо, речь идет об уитенагемоте Мерсии — А. С.) отказали в королевском достоинстве Эдвигу, избрав вместо него своим королем его брата Эдгара.⁵⁵ Но в данном событии вряд ли стоит видеть сложившуюся традицию. Подобные явления все же были не характерны для древнеанглийской истории.

Таким образом, на протяжении всего англосаксонского периода уитенагемот отнюдь не играл роли некоего конституционного органа, ограничивавшего королевскую власть и выражавшего интересы свободных слоев населения. Скорее это был совещательный орган, оказывающий существенную помощь королю в решении государственных дел. Но навязывать свою точку зрения, контролировать королевскую политику уитенагемот не имел никаких полномочий. Выражая интересы представителей высшей аристократии, уитенагемот вряд ли претендовал на выражение воли всех свободных англосаксов. Возможно, лишь на раннем этапе своей истории, в VII-VIII вв., когда уитенагемот пользовался большей независимостью от королевской власти, этот орган еще сохранял некоторые черты представительного органа, тем самым символизируя древнюю традицию о взаимоконсультациях между властью и свободными общинниками.

Не случайно в VIII в. встречались прецеденты, когда при участии “совета мудрых” и, видимо, с соизволения всего населения король в случае нерадивого правления мог лишиться своего трона (см. выше). Но с образованием единого государства, с дальнейшим ростом королевского влияния в обществе уитенагемот все больше превращался в узкословесный совещательный орган, не способный серьезно влиять на королевскую власть. Хотя говорить о полном игнорировании королем советов уитанов ни в коем случае нельзя. Скорее наоборот, короли охотно прислушивались к советам “мудрых”, что придавало королевской власти больше уверенности в решении сложных вопросов государственной политики. Поэтому, следуя за Ф. Стентоном, мы вправе говорить о некой “кооперации” между королем и уитанами.⁵⁶ Конечно, это совсем не значит, что деятельность уитенагемота придавала черты конституционной монархии политическому строю англосаксов. Но сам факт существования общекоролевского совета знати и сохранение формальной традиции “совето-

ваться” с ним препятствовал развитию монархических тенденций в раннесредневековой Англии.

Итак, мы попытались рассмотреть основные этапы и тенденции развития королевской власти. Имея своим истоком родоплеменной строй древних германцев, эта власть становится государственным институтом лишь к концу VII в., что было связано с более широким процессом становления англосаксонской государственности. Короли приобретают ряд судебных и законодательных функций, под королевским руководством начинает формироваться административный аппарат. Другим важным показателем усиления королевской власти становится практика земельных пожалований, осуществляемая королем как верховным распорядителем всех земель королевства. Но это являлось лишь одной стороной развития рассматриваемого общественного института. Другой же стороной было сохранение архаичных представлений о короле как военном предводителе племени, в обязанности которого, в частности, входила защита своего народа от воинственных соседей.

Дальнейшая эволюция института королевской власти была связана с процессом политической консолидации англосаксов. В IX веке инициативу в собирании земель взяли на себя короли уэссекской династии. В результате их успешной борьбы с датчанами и сепаратистскими настроениями местной знати возникло единое королевство, в котором сформировался единый государственный аппарат, было создано единое законодательство и введена единая система мер и весов. Это, бесспорно, подтверждает точку зрения многих исследователей, предпочитавших говорить о решающей роли королевской власти в создании средневекового государства и его институтов. Но при этом власть короля не приобретает черт абсолютного правления. Противовесом монархическим тенденциям становится совет знати, с мнением которого ~~королю приходится считаться.~~

¹ Abels R. P. Lordship and military obligation in Anglo-Saxon England. Berkeley (Cal.), 1988. P. 11.

² Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1. С. 356.

³ Там же.

⁴ Там же. С.359.

⁵ Anglo-Saxon chronicle, a. 488 // English Historical Documents. L., 1955. Vol. 1.

⁶ Whitelock D. The beginnings of English society. Oxford, 1952. P. 48.

⁷ Aethelbert, 3, 5. Ссылки на законодательные памятники англосаксов даются по изданию: Die Gezetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. 1, с указанием титула , а при необходимости и параграфа, законов соответствующего короля.

⁸ Ibid., 8,15.

⁹ Ibid., 3.

¹⁰ Northleoda laga, 1.

¹¹ Hlothære, Eadric, 9,12-14.

¹² Ibid., 11.

¹³ Ibid., 7.

¹⁴ Wihtraed, 26.

¹⁵ Ibid., 16.

¹⁶ Ine, 6.

¹⁷ Ibid., 9,10,23,23.1, 23.2.

¹⁸ Ibid., 45.

¹⁹ Ibid., 44.1,70.1.

²⁰ Глебов А. Г. Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998. С. 140.

- ²¹ Подробнее об этом см.: Сурков А. И. Служилое землевладение в раннесредневековой Англии : проблема бокленда // Новик : Сборник научных работ студентов исторического факультета ВГУ. Воронеж, 1998. Вып. 1. С. 24-36.
- ²² Ine, 36.1.
- ²³ Stenton F. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971. P. 296.
- ²⁴ Hlothaere, Eadric, 16; Wihtraed, 22.
- ²⁵ Beowulf, lin. 4-11.
- ²⁶ Ibid., lin. 2027-2028, 2144, 2732-2739.
- ²⁷ Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum, II,5. Цитируется по изданию: Monum. Hist. Brit. L., 1848, с указанием соответствующей книги и главы.
- ²⁸ Ine, prologue.
- ²⁹ Abels R. P. Op. cit. P. 16.
- ³⁰ Anglo-Saxon chronicle, a. 757.
- ³¹ Ibid., a. 774. Simeon Durham. History of the kings // English Historical Documents. P. 243-244.
- ³² Alfred, 8, 8.3, 25; II Aethelstan, 1.5, 6.1, 10.1
- ³³ Alfred, 4, 4.1.
- ³⁴ Ine, 45; Alfred, 40.
- ³⁵ Alfred, 3.
- ³⁶ Alfred, 37-37.2.
- ³⁷ II Aethelstan, 3, 3.1.
- ³⁸ VI Aethelstan, 8.2, 8.3.
- ³⁹ Ibid., 11.
- ⁴⁰ Ine, 36.1.
- ⁴¹ VI Aethelstan, 11.
- ⁴² Peterson B. A. Anglo-Saxon currency. King Edgar 's reform to the Norman conquest. Lund, 1969. P. 11.
- ⁴³ II Aethelstan, 14.
- ⁴⁴ Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 63.
- ⁴⁵ Asser. Life of king Alfred // English Historical Documents. P. 275.
- ⁴⁶ Cartularium Saxonicum... № 567, 581, 659. Англосаксонские грамоты цитируются по публикации : Birch. W. Cartularium Saxonicum : a collection of charters, relating to Anglo-Saxon history. L., 1885-1893. Vol. I-III, с указанием номера грамоты.
- ⁴⁷ Larson L. M. The king's household in England before Norman conquest. Madison, 1905. P. 124, 128-133.
- ⁴⁸ Cartularium Saxonicum... N 529, 539, 549, 550, 558.
- ⁴⁹ Maitland F. The constitutional history of England. Cambridge, 1908. P. 58; Chadwick H. M. Studies on Anglo-Saxon institutions. Cambridge, 1905. P. 309,313.
- ⁵⁰ Савело К. Ф. Указ. соч. С. 102-119.
- ⁵¹ Ine, prologue.
- ⁵² Alfred, prologue.
- ⁵³ Treaty between Alfred and Guthrum, prologue.
- ⁵⁴ II Cnut, 12.
- ⁵⁵ Fisher D. J. V. The Anglo-Saxon age. C. 400-1042. L., 1993. P. 255.
- ⁵⁶ Stenton F. M. Op. cit. P. 543-544.

**К ДИСКУССИИ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГОРОДИЩ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА.**

В первой трети XIX в. в сферу научных интересов российских ученых вошли славянские городища Восточной Европы. Началась дискуссия об их исторической интерпретации. Начало ей положили исследования Зориана Доленга-Ходаковского и К.Ф.Калайдовича.

Зориан Доленга-Ходаковский (настоящее имя — Адам Чарноцкий, 1784-1825) — этнограф, фольклорист, один из основателей отечественной топонимики.¹ Именно он подверг критике Н.М. Карамзина за то, что "История Государства Российского" начиналась с письменного периода, оставляя нераскрытой эпоху славянского язычества.

В начале 20-х годов XIX в. Ходаковский лично объездил и описал значительное количество городищ в Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Смоленской губерниях. Он собирал материал для общей карты славянских городищ и "Словаря названий городищ и урочищ". Он выдвинул теорию о том, что городища, или "городки", являются остатками славянских языческих святилищ ("священными оградами"). Ее поддержали М.П. Погодин, И.И. Срезневский. Ряд исследователей видел в городищах остатки древних укрепленных поселений (К.Ф. Калайдович, В.В. Пассек, А.С. Уваров). Итоги дискуссии о городищах были подведены в работе Д.Я. Самоквасова "Древние города России" (1878). В науке утвердилось мнение о жилом и военно-оборонительном характере городищ.² Однако, как представляется, есть необходимость вновь вернуться к анализу теории Ходаковского.

О городищах, как о местах бывших городов в России, знали давно. Ещё игумен Даниил, путешествовавший ко святым местам при великом князе Святополке (1093-1113 гг.), придавая слову "город" значение огады, называл городищем оставленное селение³.

Некоторые городища упоминались уже в "Книге Большому Чертежу" (XVII в.)⁴. Изучать городища (правда, не славянские) начали в XVIII веке. Вот как описывал болгарское городище участник одной из академических экспедиций капитан Рычков: "Наверху возвышенной горы видны остатки древнего жилища, укрепленного двумя крутыми валами, отделёнными один от другого довольно глубоким рвом. Валы в округе сего местечка, обнесённые окружностью, составляют триста пятьдесят сажени, не смотря на древность времени донныне стоят ещё неразрушимы. Они

сделаны наподобие полукружья так, что оба конца сего окружения соединяются у самой крутизны ...горы..."⁵. Как видим, исследователь не сомневался в жилом характере описанного городища.

Но это был эмпирический подход. Ходаковский же создавал *теорию* "славянского городства". Его подход к интерпретации городищ отличался научностью: в них он видел исторический источник.⁶

В ходе путешествия Ходаковский стал составлять карту, на которой наносил все известные ему городища. Он пришёл к выводу, что число городищ должно быть огромно: от Рейна до Камы - не меньше 40 000. Ходаковский отмечал важность этой работы для того, чтобы определить территорию расселения славян и границы отдельных племён. "При обозрении всех насыпей на земле... - говорил он, - мы откроем новый свет, который озарял первую эпоху славян".⁷

В результате путешествия Ходаковский окончательно уверился в мысли, к которой шёл в научной работе семь лет. Сопоставив полученные факты, он пришёл к упомянутому выше выводу о том, что городища являются остатками славянских языческих святилищ. Ходаковский придерживался мнения историка Шлёцера, что на Руси до призвания варягов городов, в современном значении этого слова, не было. Учёный задался вопросом: каково же тогда назначение славянских городищ? Обследовав большое их количество, он выделил несколько характерных черт городищ, служащих доказательством его теории: теснота городков и неудобство их для жилья; расстояние от одного городка до другого 4-8 вёрст; нахождение вокруг городищ "урочищ" с одинаковыми названиями, многие из которых носили имена славянских божеств; слово "город", как считал Ходаковский, имело в эпоху славянского язычества значение "круг", "ограда" (а ограда могла быть воздвигнута не только вокруг поселения); вход в городища расположен исключительно с востока; валы насыпаны из чернозёма, "которого не всегда хватало для вспашки"; городища не являлись и укреплениями, так как они находятся даже там, где вряд ли шли тогда войны; на городищах отсутствуют остатки зданий, печей и т.п.

Следует подчеркнуть, что Ходаковский всё же допускал связь городищ с поселениями, которые могли находиться не внутри укреплений, а вокруг них.

Как видим, многие из его положений небесспорны, чем сразу же воспользовались оппоненты исследователя. Одним из них был К.Ф.Калайдович⁸. Дело в том, что Ходаковский, находясь в официальной командировке, для продолжения своих исследований обязан был составить отчёт о проделанной работе. Это донесение не сразу шло в высшие инстанции, а перед тем подлежало рецензированию опытного специалиста. Этим специалистом и оказался Калайдович, активный и один из самых плодотворных участников Румянцевского кружка, член Общества истории и древностей российских. Калайдович подверг критике аргументы Ходаковского в "Письмах к Алексею Фёдоровичу Малиновскому",

написанных, кстати сказать, со Старой Рязани, куда Константин Фёдорович был послан в связи с сенсационной находкой крестьянами древнерусского клада. Калайдович отмечал, что площадь городищ достаточна для проживания на каждом до 300 человек; никакой системы во взаиморасположении городков и урочищ нет, а места поселений, в частности у воды, выбирались не из религиозных, а из естественных и военно-фортификационных соображений. Как считал Калайдович, слово "город" означает ограждённое селение или крепость. Он подверг критике и утверждение Ходаковского о расположении входа на городища исключительно с восточной стороны. Наличие чернозема в валах Калайдович объяснял природными процессами.

Считая городища остатками городов более поздней эпохи, Калайдович допускал, что среди множества городков может оказаться одно-два мольбища.⁹

Вероятно, Калайдович с Ходаковским просто не вполне поняли друг друга. Последний говорил про славянскую эпоху, особенно подчёркивая её дохристианский период (одна из первых работ Ходаковского так и называлась - "О славянстве до христианства"), другой в качестве основного аргумента приводил городище Старой Рязани. Причём оба исследователя понимали, что не все городища являются славянскими.

Рецензия Калайдовича оказалась роковой для Ходаковского. Лишённый правительственной поддержки, он был вынужден не только оставить научное поприще, но и заняться поиском средств к существованию. Спустя два г., в 1825 г., исследователь скоропостижно умер. Ненадолго пережил его и Калайдович, скончавшийся в 1832 г.

Архив Ходаковского перешел к историку М.П. Погодину. Под его руководством долгое время выходил "Русский исторический сборник". С большим трудом, как писал Погодин "после долгих мытарств", ему удалось завладеть рукописями Ходаковского и издать их. К этому имел отношение А.С. Пушкин. Дело в том, что Ходаковский завещал рукописи своему другу Н. А. Полевому. Но тот, не очень интересуясь ими, не стал их издавать. Пушкин и Вяземский просили декабриста Глинку, сосланного в Тверскую губернию, уговорить вдову Ходаковского забрать бумаги. Полевой вернул их, но вдове показалось, будто тот выписал из рукописей всё ценное и из-за корыстных побуждений, издавать труды покойного ученого не стал. Было возбуждено судебное дело и только после его окончания бумаги попали к Погодину. Среди них находился и главный труд Ходаковского —ответ Калайдовичу, в котором исследователь отстаивал свою теорию.

М.П. Погодин, разделяя мнение Ходаковского о назначении городищ и считая необходимым познакомить научные круги с его работами, опубликовал их в "Русском историческом сборнике". Статья под названием

"Историческая система Ходаковского" нашла бурный отклик в учёных обществах. "За статью Ходаковского, — писал виленский профессор Лобойко М.П. Погдину, — учёный свет вам очень благодарен. Вы первый оценили достоинство этого редкого изыскателя, тогда как многие считали его

сумасбродом. Из этого отрывка все теперь видят, какой исторический гений скрывался в этом бедном шляхтиче"¹⁰.

Как было сказано выше, теория Ходаковского вызвала много споров. Появились сторонники, защищавшие взгляды польского учёного и противники, приводившие аргументы против. Как мне представляется, критика Ходаковского была излишне предвзятой. Как уже говорилось выше, исследователь допускал связь городищ с поселениями, а его оппонент К.Ф. Калайдович не отрицал того, что некоторые городища – это остатки святилищ. Однако это обстоятельство ускользало от внимания исследователей, обращавшихся к этой дискуссии. Теория "славянского городства" Ходаковского, несмотря на свою спорность, объективно способствовала более широкому обращению исследователей к изучению городищ.

¹Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С.357-358; Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т.III. С. 38-87; Формозов А.А. Следопыты земли Московской. М., 1988. С.8-26.

²Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С.14-15.

³Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли //Памятники литературы Древней Руси. М., 1980. С.72-74.

⁴Книга Большому Чертежу. М.;Л., 1950.

⁵Журнал или дневниковые записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям. СПб., 1770. С.2-3.

⁶Основные работы Ходаковского были опубликованы после его смерти М.П.Погодиным : Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник . М., 1837. Т.1. Кн.3; Пути сообщения в древней России // Там же. Кн.1; Отрывок из путешествия Ходаковского по России . Ладога, Новгород// Там же. 1838. Т.3. Кн.2; Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга Ходаковского. Из Москвы 13-го липца 1822 // Там же. 1844. Т.7.

⁷Историческая система Ходаковского. С.13. Это основная работа исследователя, в которой он приводит аргументацию в пользу своей теории.

⁸Славяноведение в дореволюционной России. С.170-172.

⁹Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1823. С.61.

¹⁰Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1892. Кн.5. С.64.

Ю.В. Селезнев.

«ЕДИГЕЕВА РАТЬ» 1408 г. : ОРДЫНСКАЯ ПОЛИТИКА ВАСИЛИЯ I НА РУБЕЖЕ XIV - XV вв. И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

Поход Едигея на Москву традиционно оценивается как акция позволявшая восстановить власть Орды над Русью и продлить зависимость последней от первой на более длительный срок.

Различные аспекты русско-ордынских отношений на рубеже XIV – XV вв. и «Едигеевой рати» рассматривались в трудах Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, И.Б. Грекова, А.Н. Насонова, Л.В. Черепнина и др.¹ Однако остаются не достаточно выяснен ряд вопросов. В том числе особенности ордынской политики Василия I на рубеже XIV - XV вв. и проблема численности ордынских войск во время вторжения Едигея..

Приход к власти в 1389 г. Василия I оживил русско-ордынские отношения, которые в конце правления Дмитрия Донского носили вялый характер.² Опираясь на Орду, Василию удалось усилить Московское княжество путем присоединения в 1392 г. Суздале-Нижегородского княжества. Однако в 1395-х гг. активность в русско-ордынских отношениях прекращается. Это было вызвано походами на Орду Тимура и полным ее разгромом. В степи воцарился хаос и многовластие.

В 1398 г. власть в Орде стабилизировалась. По данным Никоновской летописи, «в радости велице бывшу царю Тохтамышу Большая Орды, от супротивных свободошуся, и послы своя посылающе по всем странам»³.

Ордынский посол Темир-ходжа летом 1398 г. прибыл в Рязанское княжество, а «с ним много татар, и коней, и гостей».⁴ Возможно, послы Тохтамыша были направлены и в другие русские великие княжества. Однако источники не сохранили никаких сведений на этот счет. Не сохранилось в летописях и данных о конкретных результатах посольства Темир-ходжи к Олегу Рязанскому.

В то же время выяснилось, что Тохтамыш преждевременно праздновал победу, так как «прииде на него ин некий царь, именем Темир-Кутлуй», власть которого ранее распространялась на территорию к востоку от Волги. В битве последний одержал победу, а Тохтамыш бежал в Литву к великому князю Витовту.⁵

Осенью того же 1398 г. «князь великий Василий Дмитриевич Московский посылал за князем за Семеном за Дмитриевичем за Суждолским погоню до Казани и неугониша».⁶

В 1399 г. скончался великий князь Тверской Михаил Александрович. Его сын Иван «посла во Орду ко царю Темир-Кутлую киличеев своих Феодора Гусеиня да Константина, возвещая ему преставление отца своего и моля его, дабы пожаловал его отчиною и дединою, а своим улусом, великим княжением Тферским».⁷ Однако Темир-Кутлуг умер и посольство Тверского князя прибыло к новому хану – Шадибеку. В том же г. «выидоша изо Орды от царя Шадибека с честью Феодор Гуслен да Константин, а с ним посол Сафряк, и вынесоша ярлыки на великое княжение Тферское князю Ивану Михайловичу по отчине и по дедине его».⁸

Пятого июня 1402 г. скончался великий князь Рязанский Олег Иванович. Его сын Федор отправился в Орду к хану Шадибеку «з дары и со

многую честию, возвещая кончину отца своего». Шадибек «даде ему отчину его и дедину, великое княжение Рязанское, улус свой, и отпусти его. Он же пришед сяде на отчине своей и дедине, на великом княжении Рязанском».⁹

Таким образом, Тверь и Рязань официально признали свою зависимость от правительства Едигея. Москва же не спешила с оформлением вассальных отношений.

В то же время, 25 ноября 1402 г. между Федором Ольговичем Рязанским и Василием Дмитриевичем Московским был заключен договор. По нему Рязанский князь признавал себя по отношению к Московскому князем «молодшим», что являлось нарушением прерогатив Ордынского хана в отношении великих княжеств. В ордынскую часть договора входили следующие пункты: «А не пристати ти к татаром никоторою хитростью»; «А что ти слышев от Орды, а то нам поведати. А вести ти нам отсылати»; «А отдалитися от нас Орда, тобе с нами учинити по думе».¹⁰ Здесь необходимо отметить, что великий князь Федор с 1387 г. был женат на сестре Василия Софье,¹¹ и данный династический брак оказался удачным предприятием московской дипломатии.

Орду такое положение дел не могло удовлетворять: в сентябре 1404 г. грабительскому набегу подверглось Рязанское княжество. Однако Федор Ольгович послал за татарами погоню. Рязанские войска «шедше, татар биша и полон отьяша, и многих татар поимаша, и возвратишася на Рязань с многою радостию».¹²

В 1406 г. обострились отношения между Литвой и Московским княжеством. Великий князь Витовт внезапно напал на псковские земли. Был разорен город Коложе. Войска Ливонского ордена опустошили земли вокруг Изборска, Острова, Котельна. Псковичи в ответ нанесли удар около Великих Лук и Новоржева, подвластных тогда литовскому князю, а немцев разбили близ Киремпы. Однако, чувствуя свою слабость перед литовско-ливонской коалицией, псковское правительство обратилось за помощью к Московскому великому князю.¹³ Василий Дмитриевич направил во Псков своего брата Константина и объявил о сборе войск. Воеводы великого князя были посланы на Серпейск, Козельск и Вязьму. Но это предприятие в целом оказалось неудачным. Назревала угроза столкновения основных сил Литвы и Руси.

В условиях эскалации русско-литовского конфликта Василий Дмитриевич решил искать помощи в войне с Витовтом в Орде. Правительство хана Шадибека во главе с Едигеем приняло решение о поддержке Москвы.

Осенью 1406 г. литовская рать с одной стороны и русско-ордынские войска с другой сошлись у реки Плавы.¹⁴ Однако Витовт не решился вступить в открытый бой, опасаясь, вероятно, ордынских войск (в 1399 г. литовские войска потерпели сокрушительное поражение от татар в битве на Ворскле)¹⁵. Между Витовтом и Василием было заключено перемирие «до того же г.».¹⁶

1407 год прошел в условиях пограничной войны, не принесшей ни той ни другой стороне заметного успеха. При этом, осенью этого же г. «татарови Булат-Салтана царя Болшиа Орды (летом 1407 г. Едигей сменил прежнего хана – Ю.С.), воеваша Литву».¹⁷

Летом 1408 г. в Москву прибыл ордынский посол. Тогда же «князь великий Василий Дмитриевич Московский нача собирати рать, еще и к татарскому царю посылаше, прося помощи на Витофта, хотя его землю литовскую воевати и пленити».¹⁸ В сентябре 1408 г. русско-татарские войска выдвинулись к Угре. Сюда же подошла литовская рать. Однако и на этот раз открытой битвы не произошло. «И стояша Литва с москвичи на Угре 12 дней, и умиришася сентебра в 14» «и разыдошася каждо во свояси».¹⁹ Татарские войска, на обратном пути в Орду, «взяша Брянск ... видя плошество русских князей».²⁰

Таким образом, московско-литовская война проходила в условиях неизменной поддержки Москвы ордынским правительством на протяжении 1406-1408 гг. Однако русские источники единодушно отмечают незначительность по численности ордынских отрядов, которые присылались на помощь русским войскам.²¹ В то же время моральный эффект от демонстрации ордынской поддержки оказался достаточным для того, чтобы литовцы не решались вступать в открытые бои.

На фоне русско-литовского конфликта развивались события в Тверском княжестве. Летом 1407 г. «поиде со Твери князь Юрий Всеволодович на Москву, и с Москвы в Орду».²² При этом, по мнению Э. Ключа, Юрий и его московские союзники поставили цель возведение князя Холмского в великие князья Тверские.²² «Того же лета июля в 20 князь Иван Тверской поиде в Орду в судех по Волзе к царю Шадибеку».²³ Однако в это время в степи вспыхнула очередная междоусобица. В результате Юрий и Иван предстали перед судом нового хана – Пулад-Салтана. Ордынское правительство во главе с Едигеем не допустило на тверской стол московского ставленника, и Юрий был даже вынужден бежать из ставки хана «к Азтороканю».²⁴ Великий князь Тверской Иван Михайлович вернулся в Тверь 25-го января 1408 г. «от царя с великим жалованием».²⁵ Однако весной того же 1408 г. в Москву прибыл Юрий Всеволодович, «а с ним посол царев Мамаит Дербишь».²⁶ Сам Юрий остался в Москве. Посол же прибыл в Тверь «и глагола великому князю Ивану: «царь дал Юрию Кашин и десять волостей тверских»».²⁷ На это Иван ответил, что он недавно вернулся из Орды «и посол царев днес у мене есть, и ярлык царев дан ми есть на всю землю Тверскую и сам Юрый в ярлыце царем дан ми есть; да того раде тебе не послушаю, дондеже ко цареву шлю».²⁸ После этого посол вернулся в Москву «корму не взяв, бе бо не приказано», откуда направился в степь. «А Едигеева посла великий князь честив и отпусти». Юрий же вновь отправился в Орду летом 1408

г.²⁹ Таким образом, в Орде установилось двоевластие. Вероятно, ярлык на Кашин Юрию выдал Шадибек, который продолжал чеканить свои монеты и после 1407 г. в Дербенте.³⁰ Тем более, что русские источники сообщают, что Шадибек был лишь согнан с ханского престола.³¹ При этом ни правительство во главе с Едигеем, ни Шадибек не допустили на тверской великокняжеский стол ставленника Москвы.

В 1407-1408 гг. разразилась междоусобная война и в Рязанском княжестве. Летописи донесли до нас рассказ «О побоище рязанском» в двух вариантах. Первый сохранился в Софийской II летописи (сообщение краткое и малодостоверное),³² Московском летописном своде 1492 г. (сообщение также краткое, но более надежное),³³ Никоновском своде.³⁴ В целом данный вариант отражает московскую версию событий. Другая версия читается в Тверской летописи.³⁵ При этом она отличается подробным изложением фактического материала вплоть до описания пейзажа («Бе же межу ими поле высоко ... Татарове же отидоша в гору»³⁶). Вероятно, автор данного рассказа был участником описываемых событий или же писал со слов очевидца. Причем отсутствие текстуальных совпадений между первым и вторым вариантами позволяет утверждать, что перед нами два разных памятника описывающие события в Рязанском княжестве в 1408 г. В целом вариант Тверской летописи следует признать более предпочтительным по подбору фактического материала.

Осенью (6 сентября) 1407 г. от Пулад-Салтана прибыл князь Иван Владимирович Пронский «с пожалованием и с честью на Русь и сяде в Пронске, а сним посол царев».³⁷ А весной 1408 г. Иван Пронский «пришед с татары безвестно, великого князя Феодор Ольговича Рязанского с Рязани согнал».³⁸ Видимо, Едигей узнал о московско-рязанском договоре 1402-го г. (вероятно, от Пронского князя) и решил устранить промосковского великого князя Федора. Далее события развивались следующим образом. Князь Федор Ольгович бежал «за Оку». «Князь же великий Василий Московский даа помощь зятю своему» (коломенская и муромская рати).³⁹ 1-го июня 1408 г. московские войска с одной стороны и пронско-татарские – с другой сошлись «близ Венева, об ону страну реки Осетра».⁴⁰ Татарский отряд «отгыдоша в гору, и стаща, не помогаючи проняном»⁴¹. Ордынская конница, таким образом, сыграла роль общего резерва. Московские войска превосходили по численности пронские. Однако москвичи были наголову разбиты. Пронско-татарские войска преследовали их вплоть до Оки, где «инии потонуша».⁴² По сведениям Московского летописного свода конца XV в., «того же лета помиришася князи Рязанские Федор с Иваном».⁴³ На каких условиях произошло примирение летописи не указывают. Однако Федор Ольгович вернулся на стол великого княжества Рязанского.

Таким образом, в период с 1398 по 1408 гг. русско-ордынские отношения носили противоречивый характер. С одной стороны, Москва перестала выплачивать в Орду дань. Точное время невыплаты налогов можно определить по данным духовной Владимира Андреевича (1401-1402 г.) и ярлыка Едигея Василию Дмитриевичу (1409 г.). Первый документ содержит в части, касающейся отношений с Ордой, следующие сведения: «А выидет дань великого князя ко Орде...»⁴⁴ То есть, в эти годы (1401-

1402 гг.) выход не выплачивался. В ярлыке Едигея говорится: «...а что еси имал в твоей државе со всякого улуса з дву сох рубль, и то серебро где ся девае?»⁴⁵ Таким образом, точное время не выплаты дани необходимо определить с 1401 (1402)-1408 гг. Вероятно, не выплаты начались сразу же после поражения Тохтамыша от войск Тимура в 1395 г. и продолжались по 1412 г.⁴⁶ При этом, Василий Дмитриевич оправдывал удержание дани тем, что «улус истомил и выхода взяти не на чем».⁴⁷ Он не посещал Орду и не направлял в степь уполномоченных для установления вассальных отношений послов.

В русской публицистике, например, в «Повести о нашествии Едигея» взаимоотношения Руси и Орды в указанное время выступают не в форме отношений государства-завоевателя к государству побежденному, а в форме союзно-договорных связей между двумя самостоятельными политическими образованиями. Правда главенствующую роль среди них занимает еще Орда. Очевидно, как это точно отмечено Л.В. Черепнинным, «к подобной международной системе стремилась Русь после Куликовской битвы, и этот политический идеал временами, казалось был близок к осуществлению».⁴⁸

В то же время, ордынское правительство оказало поддержку Москве в ее войне с Витовтом, откликнувшись на «жалобные грамоты» Василия. Татарские войска участвовали в столкновениях с литовскими в 1406, 1407 и 1408 гг. То есть Сарай воспринимал Москву как часть своих владений и готов был их защищать.

С другой стороны, правительство во главе с Едигеем не допустило московского ставленника на тверской стол в 1407 г., а летом 1408 г. татары сместили Федора Рязанского, имевшего антиордынский договор с Москвой. Однако к ноябрю того же г. Федор вернулся на княжеский стол в Рязани.

Осенью 1408 г. Едигей принял решение о походе на Русь. Причины военного вторжения подробно изложены в ярлыке Едигея Василию Дмитриевичу, который был прислан уже после похода. Первой причиной похода названа истинное или мнимое пребывание на Руси сыновей Тохтамыша. Дело в том, что в 1407 г. на ордынском престоле на короткое время оказался сын Тохтамыша Джелаль-ад-Дин. Однако Едигей сумел вытеснить его в Булгар, а затем разгромить там его войска.⁴⁸ Двое из сыновей Тохтамыша: Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди (по данным арабских источников) ушли на Русь.⁴⁹ Однако русские источники не сохранили никаких следов пребывания царевичей в Москве или в других княжествах. Возможно, пройдя окраинами русских земель, Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди ушли в Литву (По данным С.В. Морозовой Витовт оказывал постоянную поддержку Тохтамышу и его сыновьям)⁵⁰. Не исключено также и то, что пребывание тохтамышевичей на Руси держалось в стро-

жайшем секрете. Так или иначе, сведения о поддержке Москвой оппозиции Едигею послужили одной из причин похода.

Следующий пункт в ярлыке занимает обвинение Московского князя в прекращении им всяческих отношений с правительством Едигея («А Тимур-Кутлуй сел на царство, а ты улусу государь учинился, и от тех мест у

царя еси во Орде не бывал, царя еси во очи не видал, ни князей нм старейших бояр, ни меньших, ни иного еси никого не присылывал, ни сына, ни брата ни с которым словом не посылавал. И потом Шадибек осмь лет царствовал, и у того еси такоже не бывал и ни кого еси ни с которым же словом не посылавал. И Шадибеково царство такоже ся минуло, и ныне царь Булат-Салтан сел на царстве и уже 3-тий год царствует, такоже еси ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшиаго боярина не присылывал».⁵¹ Следствием такого положения дел явилось притеснение в Московском княжестве ордынских послов и купцов.⁵²

Далее Едигей упрекает Василия в приостановке Великим князем Московским выплаты в Орду дани («...а что еси имал в твоей државе со всякого улуса з дву сох рубль, и то серебро где ся девае?»⁵³). Таким образом, обвинения, которые Едигей предъявлял Василию были достаточно серьезны. Ранее по обвинению в подобных преступлениях русских князей казнили.⁵⁴

Поход был назначен на зиму 1408-1409 гг. Здесь необходимо указать, что еще в августе в Москву прибыл ордынский посол, а в сентябре 1408 г. татарский отряд участвовал в походе московских войск на Литву.

Осенью в Москву прибыл посол Едигея «к Василиеву сице река: ведыи буди Василие, се идет царь на Витовта».⁵⁵ В Орду было направлено ответное посольство во главе с неким Юрием, в том числе и с разведывательными целями. Московские послы были задержаны, а движение войск ускорилось.⁵⁶

В ноябре 1408 г., непосредственно перед вторжением, до Москвы добрался татарский перебежчик, «поведаа великому князю Василию Дмитриевичу, яко князь великий ордынский Едигей хочет воевати землю твою».⁵⁷ Княжество оказалось неподготовлено к вторжению. Поэтому великий князь Василий с семьей был вынужден в срочном порядке эвакуироваться в Кострому. Стратегическое значения Костромы при татарских набегах рассмотрел К.А. Булдаков. По его данным, этот город занимал удобное положение, с точки зрения безопасности, место. Прикрытый реками Волгой, Костромой и непроходимыми лесами, он представлял надежную и естественную защиту от неожиданных вторжений. Отсюда было удобно проводить меры по мобилизации сил северных городов Руси. Из этой области великий князь мог угрожать тылу и флангам противника в районах столицы. Кострома находилась сравнительно недалеко от Москвы, поэтому столице могла быть оказана быстрая реальная помощь.⁵⁸

Оборону Москвы возглавили Владимир Серпуховской и братья великого князя — Андрей и Петр. Первым мероприятием русских войск по обороне было сожжение московского посада.

30 ноября 1408 г. ордынские войска, взяв предварительно Переяславль - Рязанский и Коломну, появились у стен Москвы. Татарские войска возглавляли четыре царевича (Бучак, Тегри-Берди, Алтамир, Булат), великий князь Едигей, девять князей (Мухаммед, Юсуп, Тегиня, Сарай, Ибрагим, Акшибей, Сеитялибей, Бурнак, Ерикли-Берди). Общее командование осуществлял Едигей.⁵⁹

Поскольку данный порядок перечисления татарских военачальников полностью соответствует ордынской социально-политической иерархии, существует возможность определить численность осадивших Москву войск. Царевичами на Руси называли принцев-чингизидов, которые в военном плане представляли собой темников — командующих десятичными корпусом. Под великими князьями в русской письменной традиции подразумевались старейшие (великие) эмиры, которые также являлись темниками. Князьями назывались эмиры-тысячники.⁶⁰ В связи с тем, что князей, включая великого князя Едигея, в летописях названо ровно десять, необходимо рассматривать войска, возглавляемые ими, как единую войсковую единицу — тумен (Едигей назван первым среди князей, но пятым среди всех военачальников (ранее главнокомандующий войсками всегда назывался первым). Это означает, что он выступает в этом перечислении как первый среди равных (князей), то есть как тысячник. Таким образом, общую численность «Едигеевой рати» необходимо определить в пятьдесят тысяч человек (четыре царевича - темника плюс десять тысячников).

Одновременно с главными силами в пределы московского государства вторглась и другая группировка татарских войск. Отряды Булгарского и Мордовского улусов осадили, а затем взяли штурмом Нижний Новгород и начали развивать наступление вверх по течению Волги на Кинешму, Галич Мерской и Соль Галицкую.⁶¹ Поскольку и Булгар, и Мордва являлись улусами - туменами,⁶² то численность этой группировки необходимо определить в двадцать тысяч человек. В этом случае, общее число татарских войск, совершивших вторжение в Московское княжество составляло около семидесяти тысяч человек.

1 декабря татарские войска завершили блокирование Москвы. Штаб войск, Возглавляемый Едигеем, расположился в Коломенском. По сведениям летописей ордынцы не предпринимали попыток штурма города, но «распущенное воинство татарское, воеваша и плениша много.» Были взяты города: Серпухов, Можайск, Звенигород, Верея, Переяславль, Ростов. Восточная группировка татарских войск взяла штурмом Нижний Новгород и Городец (см. карту №1).⁶³

Таким образом, ордынцы уничтожили возможные опорные пункты для сбора русских войск.

Татары также организовали погоню за великим князем Василием. Отряд «избранныя рати» во главе с царевичем Тегри-Бердием, сыном Едигея Акшибеем и князем Сеитялибеем, оставляя в стороне населенные пункты, совершил рейд в направлении Костромы. Однако, потеряв след княжеской дружины, татары вернулись к основным силам.⁶⁴

Поскольку в войсках Едигея не имелось сложной осадной техники, необходимой для штурма Москвы, ордынский полководец «посылает

послы своя ... на Тферь ко князю великому Ивану Михайловичу Тферскому, веля ему быти у Москвы часа того со всею ратью Тферскою и с пушками и с тюфяками и с самострелы и со всеми сосуды градобитными, хотя разбивать град Москву». ⁶⁵ Таким образом, Едигей попытался использовать ресурсы одного из русских княжеств, на помощь князя которого он мог рассчитывать, оказывая последнему постоянную поддержку в споре за тверской стол. Однако великий князь Иван Тверской, затягивая время, вышел из Твери в сопровождении небольшой дружины и, дойдя до города Клина, вернулся. Известие о неповиновении великого князя Ивана достигло Едигея на третьей неделе декабря, то есть к моменту завершения похода. В этой ситуации татары ограничились лишь разорением сельской округи города Клина. ⁶⁶

Едигей, таким образом, не получил сложной осадной техники. Поэтому татары начали готовиться к длительной осаде. В условиях суровой зимы (в период похода ордынцев ударили сильные морозы) Москва могла не выдержать длительной блокады.

Однако к Едигею из Орды прибыли гонцы. Пулад-хан срочно вызвал войска в степь. Повеление хана было вызвано тем, что «некий царевич ... царя хоте изгнати или убити». ⁶⁷ М.Г. Сафаргалиев по косвенным данным установил, что это был ни кто иной как сын Тохтамышша Джелаль-ад-Дин. ⁶⁸

Едигей завязал переговоры с руководителями обороны Москвы. Причем до этого татары не вступали ни в какие контакты с москвичами, то есть ордынцы не намеривались завершить поход миром. После коротких переговоров Едигей «взя окупа 3000 рублей». Татарские войска сняли осаду и начали отходить в степь (20-21 декабря 1408 г.). ⁶⁹ Была отозвана и поволжская группировка татар. Ордынцы с Белогородья «поидоша взад к Городцу и к Нижнему Новгороду, воюючи и секучи остатка людей». Затем татары вышли к реке Суре и взяли штурмом города Курмыш и Сару — форпосты русских княжеств на юго-востоке, после чего ушли в степь (см. карту № 1). ⁷⁰

Крупные военные силы во главе с Едигеем смогли упрочить власть Пулад-хана. Однако цели, которые преследовало ордынское правительство походом на Русь, не были достигнуты. Великий князь Василий Дмитриевич Московский продолжал не выплату дани, никаких посещений Орды предпринято в период правления Едигея не было. Великий князь поехал в степь лишь в 1412 г., когда там воцарились, один за другим, Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди (братья-тохтамышевичи). Была возобновлена выплата дани и вассальные отношения Руси и Орды. Это событие является косвенным подтверждением существования союза между московским правительством и братьями-тохтамышевичами против Едигея.

В тоже время последствия похода татар на Русь в 1408 г. оказались тяжелым бременем для населения Московского княжества. Ордынцами были разорены города: Переяславль-Рязанский, Коломна, Серпухов, Верея, Можайск, Дмитров, Переяславль-Залесский, Ростов, Городец, Нижний Новгород, Курмыш, Сара и земли вокруг них. Русь понесла тяжелые людские потери: множество человек погибло в боях, часть уведено в плен (источники сообщают, что «един татарин ведоша сорок христиан»⁷¹), «а иное многое множество христиан от зимы измороща».⁷² Особо летописцы отметили людские потери в сельском населении страны. Результатом этих потерь явилось то, что зимой и весной 1409 г. в городах сложилась тяжелая ситуация с продовольствием. К испытаниям военного времени и суровой зимы прибавился голод. Цены на продовольственные товары значительно выросли. В результате, «множество христиан измороща от глада, а житопродавцы обогатеша».⁷³

Поход Едигея показал существование серьезных просчетов в обороне границ Руси. Московское княжество было абсолютно не прикрыто с юга и востока (Серпухов и Коломна не могли сдерживать крупных военных сил). В зимнее время крупные реки, в частности Волга, оказались широкими трассами для вторжения. Прекратилась и практика содержания в Орде стратегической разведки, которая существовала еще недавно, в 1380-е годы. Это трудно объяснить, если учитывать присутствие в Орде промосковски настроенных людей (ордынский перебежчик во время «Едигеевой рати»).

На этом фоне действия ордынского полководца Едигея выглядят стратегически и тактически верно. Подготовка к походу и первый его этап проводились в строгой секретности. Уже начав поход, Едигей направляет в Москву посла, который распространил дезинформацию о походе Орды на великое княжество Литовское. Все попытки русской стороны выяснить истинные намерения пресекались. В Москве получили сведения о нашествии лишь непосредственно перед вторжением (поэтому подготовка к обороне города проводилась в спешке).

Численность вторгшихся войск составляла, в общей сложности, семьдесят тысяч человек. Если учитывать, что общая численность войск подчиненных в этот период Едигею составляло около двухсот тысяч воинов,⁷⁴ то на Русь совершало нашествие около одной трети всех наличных солдат. Таким образом, походу на Москву придавалось ордынским правительством большое значение.

Стратегический замысел ордынского полководца был необычен. Татарские войска вторглись в пределы Московского княжества двумя фронтами. Основные силы, во главе с самим Едигеем, вторглись в пределы Руси традиционным маршрутом: Переяславль-Рязанский — Коломна — Москва. Второй фронт составили войска Булгарского и Мордовского

улусов, которые действовали по побережью Волге в направлении Нижний Новгород – Городец – Кинешма – Соль Галицкая.

Последствия ордынского похода на Русь в 1408-го г. сказывались вплоть до 1430-х годов. Например, упоминание о «Едигеевой рати» встречается в договоре великого князя Московского Юрия Дмитриевича с великим князем Рязанским Иваном Федоровичем от 1434-го г..⁷⁵

В целом необходимо отметить, что ордынская политика Василия I в период 1398 - 1408 гг. оказалась ошибочной. Возобновление отношений с правительством Едигея в 1406 г. привело к поддержке Ордой Москвы в войне с Литвой. В то же время, московское правительство не оформило вассальных отношений, продолжалась не выплата дани. Василий I стремился к установлению взаимоотношения Руси и Орды в форме союзно-договорных связей между двумя самостоятельными политическими образованиями. Это вполне логично. Едигей и Василий I в ордынской иерархической системе имели одинаковый социально-политический статус. При этом, Москва не признавала марионеточных ханов, от имени которых первый управлял государством. Однако необходимо признать, что именно отношения в указанной форме вызвали, естественно, недовольство ордынского правительства и привели к военной катастрофе конца 1408 г..

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. Стб. 112-116; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Т.4. С.361-362; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С.374-405; Греков И.Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея» и проблема авторства Троицкой летописи // Исследование по истории и историографии феодализма. М., 1982. С.219-238; Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л. 1940. С. 143; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства. М., 1960. С. 715 - 734.

²Фетищев С.А. Московское Великое княжество в системе политических отношений конца XIV в. (1389-1395 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 14.

³ ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С.167.

⁴ Там же. С.167.

⁵ Там же. С.167.

⁶ Там же. С.171.

⁷ Там же. С.183.

⁸ ПСРЛ. Т.ХI. С. 183; Т. XV. М., 1965. Стб. 470.

⁹ Там же. С.188.

¹⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей (далее – ДДГ). М., 1950. С. 52-53.

¹¹ Коган В.М. История дома Рюриковичей. С-Пб., 1993. С.253.

¹² ПСРЛ. Т.ХI. С.191.

¹³ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т.5. Стб. 108.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XI. С.194.

¹⁵ Там же. С.174.

¹⁶ Там же. С. 194.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XI. С.202. ПСРЛ. Т. XV. Стб.473.

¹⁸ Там же. С.203-204.

¹⁹ Там же. С.204. ПСРЛ. Т. XV. Стб.774.

²⁰ ПСРЛ. Т. XV. Стб.774.

²¹ Там же. Стб. 177-178.

²² Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). Тверь, 1994. С. 263.

²³ ПСРЛ. Т. XV. Стб.473.

²⁴ Там же. Стб.236.

²⁵ Там же. Стб.473.

- ²⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб.473.
- ²⁷ Там же. Стб. 478.
- ²⁸ Там же. Стб. 478.
- ²⁹ Там же. Стб. 478.
- ³⁰ Там же. Стб. 478.
- ³¹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. // Арабески истории. Русский разлив. Т.1. С.184.
- ³² ПСРЛ. Т. XI. С. 202.
- ³³ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 135.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. XXV. М., JL., 1949. С.234.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. XI. С.203-204.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 480-482.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. XV. Стб.480.
- ³⁸ Там же. С.202.
- ³⁹ Там же. С.203.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. XI. С.204, Т. XV. Стб. 480.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 481.
- ⁴² Там же. Стб. 480.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 481.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXV.С.237.
- ⁴⁵ ДДГ. С.48.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. XI. С.211.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. XI. С.218.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. XI. С.211.
- ⁴⁹ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства. М., 1960. С. 724.
- ⁵⁰ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С.184.
- ⁵¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб., 1884. С. 471-472.
- ⁵² Морозова С.В. Золотая Орда в московской политике Витовта // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М.,1998. С.93.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. XI. С.211.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. XI. С.211.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. XI. С.211.
- ⁵⁶ Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти книгах. Книга II. Тома 3-4. М.,1988.214-217.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. XV.С. 178.
- ⁵⁸ ПСРЛ. Т. XI. С.205.
- ⁵⁹ Там же. С.205.
- ⁶⁰ Булдаков К.А. Кострома в борьбе с монголо-татарскими вторжениями на Русь (XIII-XVI вв.) // Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. Ярославль, 1981. С.27-28.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. XI. С. 295; Т. XXV. С. 238.
- ⁶² Селезнев Ю.В. Титулатура русских князей в XIII-XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998. С.126.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. XV. С.482 .
- ⁶⁴ Селезнев Ю.В. Административно-территориальное деление Золотой Орды в XIII-XIV вв. // Новик. Воронеж, 1998. С.66.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. XI. С. 207-208; Т. XXV. С. 238-239.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 207-208; Т. XXV. С. 238-239.
- ⁶⁷ Т. XXV. С. 238.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. XV. С.186.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. XI. С.210.
- ⁷⁰ Сафаргалиев М.Г. Указ. Соч. С. 184.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. XI. С.210.
- ⁷² ПСРЛ. Т. XV. С.482 .

⁷³ ПСРЛ. Т. XXIV. С.175. ПСРЛ. Т. XI. С.210-211.

⁷⁴ Руи Гансалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М.,1990. С. 144.

⁷⁵ ДДГ. С.82.

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
С.С. УВАРОВА И А.С. ПУШКИНА В 30-е гг. XIX века.**

Жизнь и творчество А.С. Пушкина изучены достаточно хорошо. В настоящее время фактически не осталось событий в недолгой жизни великого поэта, которые ускользнули бы от внимания исследователей. Не представляют в данном случае исключения и взаимоотношения Уварова и Пушкина, уже не раз попадавшие в поле зрения учёных¹. Описывая отношения двух бывших “арзамассцев”, проделавшие в течение нескольких лет путь от доброго знакомства до открытой и непримиримой вражды, учёные акцентировали внимание на них только в связи с травлей поэта со стороны двора, развернувшейся в 30-е гг. Таким образом, царская администрация в лице Уварова выступала союзником врагов Пушкина и косвенно оказывалась причастной к его трагической гибели.

Все авторы, касавшиеся данного вопроса, обвиняли в произошедшей ссоре исключительно Уварова, который, пользуясь своей властью, преследовал поэта, вынужденного защищаться доступными ему средствами. Негативное отношение к министру приводило к тому, что исследователи даже и не пытались вскрыть внутреннюю подоплеку² их взаимоотношений, делали скороспелые выводы, преувеличивая значение жёстких мер Уварова по отношению к Пушкину. Некоторые исследователи доходили до откровенной брани по адресу Уварова, объявляя его “беспринципным карьеристом, развратником, ханжой, стяжателем”³. Такой односторонний подход представляется неприемлемым. Цель нашей статьи – попытаться выяснить степень вины и роль каждого участника драмы и, не оправдывая ни Уварова, ни Пушкина, постараться объективно подойти к событиям почти 170-летней давности.

Один из героев настоящей статьи – Сергей Семёнович Уваров – личность по-своему яркая и привлекательная. Президент Академии наук, министр народного просвещения, творец знаменитой доктрины “православие — самодержавие — народность”, более известной как “теория официальной народности”, С.С. Уваров оставил заметный след в истории русской общественной мысли и культуры. В молодости Уваров находился в гуще литературной жизни тех лет. Он изучал античных писателей и писал научно-популярные статьи по древней филологии на русском, французском и немецком языках, предложил проект организации Восточной академии в Петербурге и свой взгляд на преподавание истории в учебных заведениях России, выступил со знаменитой либеральной речью на торжественном собрании Главного педагогического института⁴, активно участвовал в деятельности

литературного общества “Арзамас”. Среди его друзей и знакомых — К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, Л.Н. Блудов, П.А. Вяземский, В.Л. Пушкин, А.И. Тургенев... Он переписывался с И.В. Гете, Ж. де Местром и другими мировыми знаменитостями.

Встреча Уварова с великим поэтом состоялась примерно в 1816-1817 гг., когда молодой Пушкин стал полноправным членом “Арзамаса”. С самого начала их отношения нельзя назвать дружескими. Сближению препятствовала и разница в возрасте, и разные политические позиции, и разные взгляды на жизнь. Встречи Уварова и Пушкина носили эпизодический характер, они виделись на заседаниях “Арзамаса”, у общих знакомых в гостях. На заседании 7 апреля 1818 г., проходившем в доме Уварова, состоялось совместное выступление Пушкина и хозяина дома. Первый читал отрывки из “Руслана и Людмилы”, второй — свою статью “О греческой антологии”. После распада “Арзамаса” (1818) Пушкин читал стихи в доме А.И. Тургенева. Уваров отмечен среди приглашённых в дом хлебосольного хозяина⁵. Можно с уверенностью сказать, что вплоть до начала Южной ссылки поэта (1820) знакомство между Пушкиным и Уваровым не прерывалось.

В 20-е гг. пути Уварова и Пушкина расходятся. Каждый из них в этот период вёл свою жизнь, у каждого были свои проблемы, свои радости и горести. В настоящее время из-за отсутствия источников мы не в состоянии проследить, как строились их взаимоотношения вплоть до начала 30-х гг. в этот период и Уваров и Пушкин независимо друг от друга переживали мировоззренческий перелом, который привёл к изменению их политических взглядов.

Пути преуспевающего чиновника и признанного популярного поэта снова пересеклись в начале 30-х гг. Первым знакомство попытался возобновить сам Уваров. Чем объяснить его внезапный интерес к известному поэту? Известные отечественные филологи, историки литературы В.Э. Вацуро и М.И. Гиллельсон увидели в этом только злой и честолюбивый умысел. По мнению авторов, Уваров хотел заполучить перо Пушкина и превратить первого поэта России в политического публициста, пишущего в проправительственном ключе. Поскольку «взнуздать» строптивого поэта не удалось даже императору, то Уваров, по мнению учёных, лелеял честолюбивые мечты добиться этого единолично и заслужить, таким образом, благодарность верховной власти. Как полагали учёные, предел мечтаний Уварова состоял в том, что он “преодолеет недоверие к Пушкину его величества, и благонамеренная газета станет выходить под бдительным оком министерства народного просвещения”. Кроме того, Пушкин, считали авторы, нужен был Уварову, чтобы восстановить старые связи, порвавшиеся в последние годы, поправить пошатнувшуюся репутацию, вернуть прежних друзей.⁶

Начало 30-х гг. было для Уварова периодом крайне благоприятным. К этому времени он окончательно переходит с позиций умеренного либерализма к консерватизму. Более того, Николай I ещё в 1826 г. позволил Уварову вернуться к учебно-административной деятельности, назначив чле

ном Комитета устройства учебных заведений. Участвуя в заседаниях Комитета, Уваров от решения чисто практических вопросов перешёл к разработке теоретических проблем. Он пишет проекты, записки, подаёт “особые мнения”. В его сознании начали выкристаллизовываться основные постулаты будущей доктрины. В марте 1832 г. появился первый из известных на сегодня документов, содержащий пространное изложение идеологии и задач, стоящих перед министерством народного просвещения, которому Уваров отводил важную роль в патриотическом воспитании молодёжи.⁷ Но Уваров нуждался в поддержке патриотически настроенной части общества, и в поисках возможных союзников обращает своё внимание на учёных, писателей, публицистов, педагогов. Пушкин, опубликовавший в 1831 г. два патриотических стихотворения — “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”—не мог не заинтересовать Уварова.

Ему не нужен был Пушкин —политический публицист. Он искал союза с поэтом Пушкиным. Появление стихотворения “Клеветникам России” привело его в восторг. Стихотворное произведение Пушкина, обращённое к депутатам французской палаты и к французским журналистам, демонстративно выражавшим сочувствие польскому восстанию и призывавшим к вооружённому вмешательству в русско-польские дела, в общественно-политической обстановке, сложившейся в 1831 г., звучало злободневно. Уваров перевёл его на французский и по своей стародавней привычке передал через кн. М.А. Дондукова-Корсакова свой перевод Пушкину. Последний ответил Уварову письмом, выдержанным в официально-любезном тоне, в котором благодарил его за предоставленный перевод. “Стихи мои послужили Вам простою темою для развития гениальной фантазии. Мне остаётся от сердца благодарить за внимание, мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных Вами”.⁸ Видимо, Пушкин пытался уклониться от предлагаемой Уваровым дружбы.

Через год Уваров и Пушкин встретились лично. Встреча произошла в Москве, куда оба старых знакомца приехали в конце лета. В это время Уваров проводил ставшую впоследствии знаменитой ревизию Московского университета и периодически посещал лекции профессоров, на которые приглашал И.И. Дмитриева, кн. Д.В. Голицына и Пушкина. Об этом Александр Сергеевич не замедлил сообщить жене. “На днях был я приглашён Уваровым в университет, ” —писал он в конце сентября 1832 г. Наталье Николаевне в одном из своих писем.⁹ Уваров привёл Пушкина на лекцию профессора русской словесности И.И. Давыдова. Дальнейшие события изложены в воспоминаниях известного русского писателя-классика, тогда студента Московского университета Н.А. Гончарова. “Появление поэта в аудитории произвело сильное впечатление на сту-

дентов. “Вот вам теория искусства, — сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, — а вот и само искусство”, — прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу. Пушкин заспорил с Каченовским, который сидел в аудитории, ожидая начала своей лекции. “Подойдите ближе, господа, — это для вас интересно, «—пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров.»¹⁰ Приглашая на лекции московских профессоров Пушкина, Уваров преследовал сразу две цели. Во-первых, он привлекал к себе студентов, в среде которых Пушкин был необычайно популярен. Знакомство с поэтом улучшало репутацию самого Уварова в глазах будущих чиновников, учёных и педагогов, то есть как раз той части молодого поколения, на которую он делал ставку, разрабатывая свою доктрину. Во-вторых, посещая с Пушкиным студенческие аудитории, Уваров “тешил” самолюбие поэта, которого везде принимали с восторгом. Сообщая жене о готовящемся посещении лекции И.И. Давыдова, Пушкин писал: “В Московском университете я оглашенный. Моё появление произведёт шум и соблазн, а это приятно щекотит (так в тексте — О.И.) самолюбие.”¹¹ Делая приятное поэту, Уваров не без оснований надеялся завоевать симпатию Пушкина и привлечь его на свою сторону.

После Москвы отношения между ними вроде бы стали налаживаться. В декабре 1832 г. Уваров высказался в пользу избрания Пушкина в действительные члены Российской Академии. К слову сказать, избрание Пушкина произошло почти единогласно. Против его кандидатуры было подано только два голоса. Пушкин иногда посещает вечера в доме Уварова, которые, правда, ему решительно не нравятся. В пушкинском дневнике под 10 апреля 1834 г. читаем: “Вчера вечер у Уварова — живые картины. Долго сидели в темноте. С. не было — скука смертная. После картин вальс и кадрили, ужин плохой.”¹² Казалось, ничто не предвещало бе-
ды.

Но в отношениях героев нашей статьи назревал кризис. Недовольство друг другом, нежелание идти на компромисс во имя сохранения добрых отношений проявлялось и у Пушкина, и у Уварова. Разрыв резкий, бескомпромиссный и губительный для обоих произошел внезапно. Начало ему положила в 1834 г. история с цензурой поэмы “Анджело”, но еще в 1832 г. намечавшийся альянс дал первые трещины.

В июне 1832 г. Пушкин получил разрешение на издание газеты. Помимо прочих публикаций, характерных для всех выходивших тогда в России газет, она должна была публиковать информацию, предоставляемую из Министерства внутренних дел. Поэтому разрешение на ее издание было получено Пушкиным не в Министерстве народного просвещения, а в МВД. Уваров, усмотревший в этом покушение на полномочия

Министерства просвещения, страшно обиделся. Н.А. Муханов, человек лично знавший и Уварова и Пушкина, зафиксировал в своём дневнике: “Оживлённый спор с Уваровым о газете Пушкина. Он оскорблён, что разрешение ему дано через министра внутренних дел, а не его министерством.”¹³ Тогда Уваров сумел подавить обиду, что при его характере ему было сделать нелегко. Осенью он, как ни в чём не бывало, приглашает Пушкина посетить Московский университет, зимой голосует за него в Российской академии...

В это время Пушкин предпринял ряд попыток с целью освободить хотя бы часть своих сочинений от тяготившей его высочайшей цензуры. Он неоднократно обращается к шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу с просьбами предоставить ему свободу относительно цензуры своих новых стихотворений. В 1832 г. поэт совершил демарш. В альманахе “Северные цветы на 1832 год” Пушкин опубликовал несколько стихотворений, в том числе “Анчар”, которые вовсе не представлял высочайшему цензору. Это вызвало объяснения с Бенкендорфом. В декабре 1833 г., получив предложение от знаменитого издателя и книгопродавца А.Ф. Смирдина, участвовать в новом журнальном проекте, Пушкин снова обратился к Бенкендорфу с просьбой предоставлять сочинения, публикуемые в “Библиотеке для чтения”, в общую цензуру наравне с другими писателями. Просьба была удовлетворена, и первым сочинением Пушкина, попавшим в общую цензуру, стала его поэма “Анджело”.

Цензор, профессор Санкт-Петербургского университета и автор известного дневника А.В. Никитенко, затруднился сам решить вопрос о пропуске в печать пушкинской поэмы и предоставил “Анджело” на рассмотрение Уварову. Последний прочёл поэму лично и приказал исключить из неё 8 стихов. Это был удар для Пушкина. Впервые за много лет цензура бесцеремонно залезала в его творчество. Реакция поэта не заставила себя ждать. Никитенко записал в дневник 11 апреля 1834 г. свою версию событий: “До Пушкина дошел “Анджело” с урезанными министром стихами. Он взбесился: Смирдин платит ему за каждый стих по червонцу, следовательно, Пушкин теряет здесь несколько десятков рублей. Он потребовал, чтобы на место исключенных стихов были поставлены точки, с тем, однакож, чтобы Смирдин все-таки заплатил ему деньги и за точки!”¹⁴ Никитенко негодовал на корыстолюбие поэта, но он не заметил главного: поступок цензуры Пушкин расценил как личное оскорбление.

Пушкин начинает действовать. Он добился передачи другому цензору “Поэм и повестей, изданных Александром Пушкиным”. Попытка Никитенко объясниться с поэтом закончилась неудачно. Во всем случившемся с “Анджело” поэт обвинял Никитенко и Смирдина. Он еще не знал, кто главный виновник в этом деле, и продолжал поддерживать с Уваровым полуофициальные отношения. 13 мая 1834 г., отвечая на письмо Н. В. Гоголя, который добивался место профессора всеобщей истории в Киевском университете и просил Пушкина ходатайствовать за него перед Уваровым, он писал: “Пойду сегодня же назидать Уварова и, кстати, о смерти “Телеграфа”, поговорю и о Вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. Авось уладим”.¹⁵ Буквально каждое слово письма проникнуто подчеркнуто пренебрежительно-ироничным отношением поэта к министру. Пушкин, несмотря на

возобновленное знакомство, продолжал сохранять довольно значительную дистанцию между собой и Уваровым.

Между тем, цензура альманаха “Новоселье”, где должны были публиковать “Анджело”, закончилась, и в конце апреля альманах вышел в свет. Поэма Пушкина печаталась в искаженном, урезанном варианте.

Параллельно с участием в проекте Смирдина Пушкин готовил к изданию два тома “Поэм и повестей” и четвертую часть “Стихотворений”. Все три книги попали в общую цензуру, где их рассматривал Никитенко, назначенный цензором вопреки просьбам Пушкина. В январе 1835 г. он одобрил “Поэмы и повести”, а в апреле – четвертую часть “Стихотворений”. Отныне, не только публикации в “Библиотеке для чтения”, но и книги Пушкина подлежали цензуре Министерства просвещения. Выходило так, что Главный цензурный комитет нарушал волю самого императора, освободившего поэта от общей цензуры. Но Уваров никогда бы не осмелился действовать без санкции императора, тем более, в таком щекотливом деле как цензура сочинений Пушкина, поскольку в данном случае в роли цензора выступил сам Николай Павлович. Возможно, что изменения во взаимоотношениях Пушкина и цензуры происходили с ведома Николая I.

Во втором томе “Поэм и повестей” Пушкин намеревался опубликовать “Анджело”, представив поэму в Цензурный Комитет в полном виде. Восстанавливая все 8 стихов, вычеркнутых Уваровым, и нарушая, таким образом, волю министра, Пушкин рисковал навлечь на свою голову большие неприятности, которые не заставили себя ждать. В письме на имя Дондукова-Корсакова, датированном 24 января 1835 г. Уваров писал: “Возвращая при сем представленные Вашим сиятельством два стихотворения А. Пушкина, покорнейше прошу предложить цензуре, не стесняясь написанным на сих стихотворениях дозволением к печатанию, сличить оные с тем, как они были уже однажды напечатаны и одобрить оные ныне в том же виде, в каком сии пиесы были дозволены в первый раз.”¹⁶ Мы не знаем, какие именно стихи Уваров упоминает в своём письме. Вацууро и Гиллельсон предполагали, что одно из них – “Анджело”. “Тогда, – писали авторы, – станет понятно, почему Дондуков-Корсаков обратился к Уварову: министр редактировал сам и право снять вето с вычеркнутых строчек принадлежало только ему. Уваров категорически потребовал сохранить купюры.”¹⁷ Но теперь Уваров, узнав о “дерзкой выходке” Пушкина, осмелившегося нарушить его волю – волю министра, пришёл в ярость. Он решил проучить своевольца.

В 1834 г. была опубликована “История Пугачёва”, вышедшая в свет под названием “История Пугачёвского бунта”. Новое название предложил сам император, с личного разрешения которого публиковалась “История...”. Пушкин придавал большое значение своей новой работе. “Ис-

тория Пугачёва” бала первым историческим трудом Пушкина, в ней впервые на обширном историческом материале исследовалась знаменитая крестьянская война.

Среди первых читателей нового сочинения Пушкина оказался и Уваров. “История Пугачёва” произвела на него крайне негативное впечатление. Уваров не мог помешать выходу “Истории” в свет, поскольку автор представил её в высочайшую цензуру, в обход цензуры общей, подчинённой министру. Уваров нашёл другой способ уязвить самолюбие поэта. В феврале 1835 г. Пушкин записал в своём дневнике: “В публике очень бранят моего “Пугачёва”, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеветет Дондуков /дурак и бардаш/ преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит.”¹⁸ Далее следовал знаменитый отзыв об Уварове, резкий, колкий и оскорбительный, основанный на сплетнях и слухах, циркулировавших в разное время в столице. Здесь — всё, и боль, и бессильная ярость, и желание отомстить Уварову.

Уваров точно рассчитал свой удар. Он не столько повредил общественной репутации Пушкина, сколько уязвил его самолюбие. Пушкин был оскорблён, обижен, унижен. “История Пугачёва”, которой отдано два г. напряжённого труда, разрешённая к публикации самим императором, объявляется Уваровым “возмутительным сочинением”. Видимо, Пушкин приходит к выводу, что теперь Уваров и Дондуков подвергнут его цензурным гонениям. В апреле 1835 г. он решает возобновить полученное ещё в 1832 г. разрешение на издание газеты. В начале апреля Пушкин писал в письме Бенкендорфу: “Прошу извинения, но я обязан сказать вам всё. Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урождённого Корсакова. Оба уже дали мне её почувствовать довольно неприятным образом. Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без вашего непосредственного покровительства.”¹⁹ Поэт обращается к Бенкендорфу со странной просьбой: назначить для газеты цензора из канцелярии шефа жандармов. Вероятно, Пушкин, опасаясь цензурных гонений со стороны Уварова, способных погубить новое издание, обратился к Бенкендорфу в поисках защиты и покровительства.

Письмо адресат так и не получил: Пушкин предпочел изложить суть дела в личной беседе, которая состоялась 16 апреля 1835 г. Её содержание нам до конца не известно, но последующие события заставляют предположить, что Пушкину не удалось решить вопрос о цензуре в свою пользу. Более того, беседа сыграла роль катализатора в и без того напряжённых отношениях Пушкина и Уварова. Раздражение, накопившееся у поэта в течение последних месяцев, прорвалось наружу. Примерно в конце апреля 1835 г. он пишет злую эпиграмму “В Академии наук...”, равным образом бившую и Уварова и Дондукова-Корсакова.²⁰ Назначенный

на посты вице-президента Академии наук и попечителя Санкт-Петербургского округа, Дондуков-Корсаков меньше всего подходил к занимаемым должностям. Бывший военный, человек далёкий от проблем образования, науки и литературы, князь оказался в полном подчинении у Уварова. Впрочем, будучи по натуре добрым и отзывчивым человеком, Дондуков с симпатией относился к Пушкину, помогая впоследствии прохождению через цензуру пушкинских сочинений. Грубая эпиграмма Пушкина прозвучала для министра и попечителя как пощёчина.

В личном письме Пушкина И.И. Дмитриеву, датированном 26 апреля 1835 г., поэт излил свой гнев: “Уваров фокусник, а Дондуков-Корсаков его паяц. Кто-то сказал, что куда один, туда и другой: один кувыркается на канате, а другой под ним на полу.”²¹ И письмо, и эпиграмма – звенья одной цепи. Обида, гнев, боль с неудержимой силой захлестнули Пушкина. Оскорблённый поэт осуществил свою месть доступными ему средствами, но не решил главной проблемы. Его отношения с цензурой по-прежнему оставались неопределёнными.

В конце лета Пушкин снова поднимает этот вопрос. 28 августа он отправил в Главный цензурный комитет прошение, содержащее просьбу “о разрешении встретившихся затруднений”. Излагая ход дела, Пушкин, между прочим, писал: “Ныне, по случаю второго, исправленного издания Анджело, перевода из Шекспира (неисправно и со своевольными поправками напечатанного книгопродавцом Смирдиным) г. попечитель С.П.Б. учебного округа (М.А. Дондуков-Корсаков – И.О.) изустно объявил мне, что не может более позволить мне печатать моих сочинений, как доселе они печатались, т.е. с надписью чиновника собственной его величества канцелярии. Между тем никакого нового распоряжения не последовало, и таким образом я лишён права печатать свои сочинения, дозволенные самим государем императором”. В конце письма Пушкин задавал Комитету “всеуниженный вопрос”: “какую новую форму соизволит он предписать мне для представления рукописей моих в типографию.”²² Поэта волновала судьба одобренного к напечатанию государем “Путешествия в Арзрум”, история с цензурой “Анджело” не давала покоя. Пушкин надеялся на быстрый ответ, но Комитет хранил молчание. Александр Сергеевич вновь обращается к Бенкендорфу. В его тоне сквозит отчаяние. Объяснив причины своего обращения в Цензурный комитет, поэт писал: “Комитет не удостоил просьбу мою ответом. Не знаю, чем мог я заслужить таковое небрежение – но ни один из русских писателей не притеснен более моего. Сочинения мои, одобренные государем, остановлены при их появлении – печатаются с своевольными поправками цензора, жалобы мои оставлены без внимания. Я не смею печатать мои сочинения – ибо не смею...”²³ Письмо

оборвано, по всей вероятности, оно так и не было отправлено Бенкендорфу. Поэт писал его в минуту душевного смятения, в тревоге за свое будущее.

Между тем, 26 сентября 1835 г. Комитет составил ответ на прошение Пушкина. “По поданному вами в главное управление цензуры прошению

относительно формы для представления в типографию рукописей ваших сочинений, Управление определило объявить вам, что рукописи, издаваемые с особого высочайшего разрешения, печатаются независимо от Цензуры Министерства народного просвещения, но все прочие издания, назначаемые в печать, должны на основании высочайше утвержденного в 22 /апреля/ 1828 г. Устава о цензуре быть представляемый в Цензурный комитет, которым рассматриваются и одобряются на общих Цензурных правилах.²⁴ Формулировки достаточно расплывчаты, но основная идея документа ясна: Пушкин возвращался в то положение, из которого вышел десять лет назад благодаря милости Николая I, пожелавшего стать единоличным цензором первого поэта России. Отныне все рукописи Пушкина подлежали общей цензуре.

Прочитав ответ Комитета, Пушкин возмущался. Свою ярость он излил в злом и блестящем стихотворении, нанеся общественной репутации Уварова непоправимый урон. В 4 части “Московского наблюдателя”, вышедшей в декабре 1835 г., появилось стихотворение Пушкина “На выздоровление Лукулла” /Подражание латинскому/, направленное прямо против Уварова. История, положенная в основу стихотворения, следующая. Граф Д.Н. Шереметев, один из богатейших людей России, не имевший прямых наследников, находясь в Воронеже, тяжело заболел. Вскоре по Петербургу разнесся слух о его кончине. Уваров и князь Н.Г. Репнин-Волконский, женатые на сестрах Разумовских, мать которых приходилась родной теткой Шереметеву, оказались в числе ближайших родственников и с полным основанием претендовали на часть наследства. Уваров опечатав Петербургский дом Шереметева, не проверив предварительно слуха, который оказался ложным. Шереметев выздоровел, и Уваров оказался в некрасивом положении. В обществе поползли слухи и кривотолки.

Новое стихотворение Пушкина произвело эффект разорвавшейся бомбы. Этот, по определению А.В. Никитенко, “род пасквиля” всколыхнул петербургское общество. В своем дневнике 20 января 1836 г. Никитенко записал: “Весь город занят “выздоровлением Лукулла”. Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом”²⁵ В отталкивающем образе корыстолюбца общество моментально узнало Уварова. Теперь следовало ожидать репрессий по отношению к автору и журналу. А. Веневитинов в письме к М.П. Погодину упрекал последнего: “Как же вы спроста напечатали «На выздоровление Лукулла»! Эх! Эх!”²⁶

Теперь пришла пора “взбеситься” и Уварову. Он вызвал Пушкина к себе. Их разговор так и остался тайной, но Пушкину не удалось оправдаться перед министром, о чем он сам упомянул в письме к Бенкендорфу. Это оправдательное по своему характеру письмо в высшей степени при-

мечательно. Пушкин, обращаясь к шефу жандармов писал: “Моя ода была послана в Москву без всякого объяснения. /.../ Всякого рода намеки тщательно удалены оттуда. /.../ В образе низкого пройдохи, скупца, воруемого казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т.д. — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности./.../ Мне не важно, права публика или не права. Что для меня очень важно, это — доказать, что никогда и ничем я не намекал решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было.”²⁷ Письмо осталось в черновом варианте.

В это время Уваров обратился к Бенкендорфу, жалуясь, что Пушкин нанес оскорбление не столько частному лицу, сколько сановнику, занимающему крупный пост в государстве. Поэт был вызван Бенкендорфом для беседы, снова оправдывался. В конечном счете, он получил выговор.

Сестра поэта, Ольга Сергеевна Павлищева, не одобрявшая конфронтации брата с Уваровым, при последнем свидании с Александром Сергеевичем заметила ему, что “Уваров, человек в высшей степени самолюбивый, мстительный, и во всяком случае сила, с которой нельзя не считаться.”²⁸ Эта сила продолжала трепать поэта и после его трагической гибели. 31 января 1837 г. Никитенко занес в дневник: “Сегодня был у министра. Он очень занят укрощением громких воплей по случаю смерти Пушкина. Он, между прочим, недоволен пышною похвалою, напечатанною в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду». Уваров даже и мертвому Пушкину не может простить «Выздоровление Лукулла».”²⁹ Когда встал вопрос об издании посмертно собрания сочинений погибшего поэта, Уваров приказал подвергнуть строгой цензуре все ранее напечатанные произведения Пушкина. Только по ходатайству В.А. Жуковского император велел напечатать все опубликованные сочинения без изменений.

Таким образом, отношения поэта с министром нельзя оценить однозначно. Наметившееся в начале 30-х гг. сближение закончилось разрывом, переросшим в скором времени в откровенную вражду. От их ссоры проиграли не только они, но и вся русская культура в целом.

¹ Вацура В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь “умственные плотины”. М., 1986; Волков Г. Мир Пушкина. Личность, мировоззрение, окружение. М., 1989; Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962.

² Исключение представляет: Вацура В. Э., Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 192-210.

³ Волков Г. Указ. соч. С. 264.

⁴ Уваров С. С. Мысли о заведении в России Академии азиатской // Вестник Европы. 1811. №1. С.27-52; №2, С.96-114; Его же. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813; Его же. Речь президента Императорской Академии наук

попечителя Санкт-Петербургского округа в торжественном собрании Главного педагогического института. СПб., 1818.

⁵ Летопись жизни и творчества Пушкина (1799-1826). Составитель М. А. Цявловский. Л., 1991. С.201.

⁶ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Указ. соч. С.196.

⁷ Текст меморандума см.: Зорин А.Л. Идеология “православие – самодержавие – народность”: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение.1997.Т.26.С.96-100.

⁸ Пушкин А.С. Собрание сочинений. М.,1978. Т.10.С.69.

- ⁹ Там же. С. 105.
- ¹⁰ Гончаров И. А. Воспоминания. // Гончаров И. А. Собрание сочинений. М., 1954. Т. 7. С. 207.
- ¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 10. С. 104.
- ¹² Пушкин А. С. Дневник 1833-1835 гг. // Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1976. Т. 7. С. 282.
- ¹³ Цит. по: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 198-199.
- ¹⁴ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. С. 140.
- ¹⁵ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 10. С. 169.
- ¹⁶ Цит. по: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 188.
- ¹⁷ Там же. С. 189.
- ¹⁸ Пушкин А. С. Дневник 1833-1835 гг. С. 296-297.
- ¹⁹ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 10. С. 214.
- ²⁰ Пушкин А. С. "В Академии наук..." // Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1974. Т. 2. С. 377.
- ²¹ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 10. С. 218.
- ²² Там же. С. 329-330.
- ²³ Там же. С. 242.
- ²⁴ Цит. по: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 205.
- ²⁵ Никитенко А. В. Дневник. С. 180.
- ²⁶ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 271.
- ²⁷ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 10. С. 260.
- ²⁸ Павлицев Л. Н. Из семейной хроники. // Исторический вестник. 1888, № 11. С. 588.
- ²⁹ Никитенко А. В. Указ. соч. С. 195.

О. Н. Щеголев.

И. Д. БЕЛЯЕВ : ИСТОРИК-СЛАВЯНОФИЛ.

Иван Дмитриевич Беляев (1810–1873), профессор юридического отделения Московского университета, стал известен благодаря своим работам по русской истории. Он первым написал историю русского крестьянства и тем самым положил начало новому научному направлению, существующему до сих пор. По своим взглядам Беляев был славянофилом, но это не влияло на его профессионализм. Вся его научно-исследовательская деятельность является наглядным опровержением обвинений славянофилов в дилетантизме. Считалось, что славянофил и историк — это едва ли не взаимоисключающие понятия. Но Беляев, вместе с такими исследователями русской старины, как А. Н. Попов и В. Н. Лешков, доказали обратное. Будучи заметными фигурами славянофильского течения, они добились признания как историки.

К сожалению, Беляев был незаслуженно забыт и русскими, и советскими исследователями. Ни одного очерка, посвященного жизни и профессиональной деятельности талантливого историка так и не появилось в печати. Краткую характеристику его основных трудов можно найти лишь в учебниках историографии. Поэтому данная статья является попыткой собрать представить краткий очерк жизни и работ ученого.

И. Д. Беляев родился 15 июля 1810 г. в Москве в семье священника. С раннего детства его обучал отец. В 1821 г., благодаря неплохой подготовке, Беляев успешно сдал экзамены в Дмитровское духовное училище. А через три г. он поступил в Московскую семинарию. Но Беляев не смог стать священником из-за физического недостатка — выворота ноги (так этот недуг называли в XIX веке), поэтому перед ним оставалось два пути: либо чиновничество, либо монастырь¹. Он выбрал первый путь. Не закончив семинарию, Беляев поступил в Московский университет на нравственно-политическое отделение. Среди экзаменаторов был М. П. Погодин, оказавший немалое влияние на последующий особый интерес Беляева к русской истории². После окончания университета в 1833 г. Беляев устроился на службу в кантору Святейшего Православного Синода канцелярским чиновником. Но эта работа его слишком тяготила, и в 1841 г. не без помощи М. П. Погодина он перешел в Государственный Архив³.

С 1842 г. заметки и рецензии Беляева стали появляться в “Москвитянине”, а чуть позже он публикуется в “Чтениях Московского общества истории и древностей российских”. Его труды касались самых разнообразных вопросов, например, монетной системы в Древней Руси и военной организации Московского государства. За ученые заслуги 3 июня 1846 г. он был избран в действительные члены Общества истории и древностей российских⁴.

Основная работа Беляева на тот момент заключалась в том, чтобы найти указы или какие-либо другие законодательные акты, не вошедшие в состав Первого Полного Собрания Законов Российской Империи. Для этого его командировали в Московский Сенатский Архив, в Архив старых дел и в Вотчинный Департамент. Беляев с головой окунулся в работу. По словам А.П. Чебышева-Дмитриева, он был настоящим аскетом науки⁵. Вскоре ему, как специалисту по архивным делам, дали поручение разобрать и привести в порядок собрание 1700 древних грамот Коллегии Экономии.

В 1852 г. Беляев был назначен на должность адъюнкта на кафедре истории русского законодательства в Московском университете. В это же время он участвовал во многих славянофильских изданиях: “Москвитянине”, “Русской беседе”, “Дне”, “Московском сборнике” и др. В 1856 г. на страницах “Русской беседы” Беляев выступил с возражениями на статью Б. Н. Чичерина о происхождении сельской общины в России, после чего разгорелся нешуточный спор по этому вопросу между славянофилами и западниками. В конечном итоге этот спор всегда сводился к вопросу о пути развития России или, выражаясь словами Н.А. Бердяева, о ее судьбе⁶. Славянофилы утверждали, что Россия должна развиваться по самобытному пути, опираясь на общину, а западники говорили о необходимости развития по западноевропейскому образцу.

Спор о русской общине стал одним из самых заметных явлений общественной жизни России в 50-х гг XIX века. Еще в конце 40-х годов вопросы происхождения и развития сельской общины обсуждались внутри славянофильского течения и отразились в переписке А.С. Хомякова и А.И.

Кошелева в 1848–1849 г.г.⁷ Теперь же дискуссия, выйдя на страницы печати, стала достоянием общественного мнения. Но шла подготовка отмены крепостного права, в связи с чем печатным органам запрещалось высказываться по крестьянскому вопросу до опубликования рескриптов правительства. Поэтому предметом дискуссии до конца 1857 г. был теоретический спор о происхождении русской поземельной общины.

Первыми скрестили оружие в 1856 г. Б. Н. Чичерин, выступивший в “Русском вестнике” со статьей “Обзор исторического развития сельской общины”, и Беляев, напечатавший свои возражения на эту статью в славянофильской “Русской беседе”. Острота дискуссии показала, что спор был отнюдь не академическим. Чтобы выглядеть достаточно убедительно, они использовали имевшиеся в то время исторические материалы, причем часто одни и те же. Тем не менее, и Чичерин, и Беляев извлекали из них доказательства для противоположных друг другу заключений⁸. Теоретические положения о происхождении и развитии русской общины, выдвинутые спорящими сторонами, вытекали из своеобразия исторических концепций как славянофилов, так и приверженцев государственной школы. Беляев утверждал, что русская поземельная община является исконным учреждением в России, не изменявшимся на протяжении столетий. Чичерин же уделял огромное внимание внешним факторам и считал, что община появилась на Руси после варяжского нашествия и эволюционировала в дальнейшем под воздействием всемогущего государства. Спорящие так и не смогли прийти к общему знаменателю, но они взбудоражили общественность, дав прекрасную возможность другим ученым вступить в жаркую схватку между собой.

В 1858 г. Беляев защитил в университете диссертацию на степень магистра, за которую услышал немало лестных слов в свой адрес. Работа называлась “О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича”.

Главным же трудом всей жизни Беляева явилось “Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе”, вышедшее в свет в 1859 г.. Известно, что славянофилы, как правило, не были профессиональными историками. Их проекты и “Записки” предназначались для правительственных кругов, и в большинстве своем были опубликованы после их смерти. Поэтому фундаментальный исторический труд Беляева “Крестьяне на Руси” стало заметным явлением в общественной жизни России накануне отмены крепостного права. Это сочинение охватывало период с древнейших времен до середины XIX века, и было тогда первым и единственным исследованием о положении крестьян и истории их закрепощения. По мнению А.М. Сахарова, труд Беляева имел одну особенность, а именно, то, что история крестьянства трактовалась не в социальном, а в юридическо-бытовом плане⁹. Са-

харов также повторил мысль, высказанную в начале XX века Б. Городецким, о том, что "Крестьяне на Руси" являются классическим произведением¹⁰. Исследование Беляева еще раньше признал классическим М.О. Коялович. Он говорил о нем как самом полном сочинении, где изложена вся историческая жизнь русской общины¹¹.

Работая над своим исследованием, Беляев привлек огромное количество архивных материалов, что сделало его труд особо ценным. Благодаря обилию использованных грамот, актов, писцовых книг, впервые введенных в научный оборот, благодаря их глубокому анализу, исследование Беляева до сих пор является ценным пособием для ученых, занимающихся проблемами истории русского крестьянства¹². И это несмотря на то, что в основе "Крестьян на Руси" лежит четко выраженная славянофильская концепция закрепощения крестьян и их исторического права на землю, суть которой заключается в следующем: закрепощение личности крестьянина произошло в результате проведения петровских реформ, до этого крепостное право ограничивалось прикреплением крестьянина к земле. Славянофилы указывали также на то, что возникновение крепостного права является результатом развития всего русского общества, а не деянием конкретного человека.

Одновременно исследование "Крестьяне на Руси" было докторской диссертацией Беляева, защита которой проходила для него чрезвычайно тяжело. Его оппонентом оказался Ф.М. Дмитриев, известный своим резким неприятием славянофильского подхода к истории. Ход заседания дал некоторым повод назвать Беляева "жертвой острословия Дмитриева"¹³. Тем не менее, Беляев защитился и получил массу поздравлений. В качестве признания его таланта и полезности его произведения можно рассматривать награждение Беляева Большой Уваровской премией, премией Демидова и присуждение ему докторской степени.

В какой-то момент своей научной деятельности Беляев осознал, что русскую историю можно написать в форме популярного изложения, и тогда она будет доступна всем образованным людям, не обязательно историкам. В результате в 1861 г. вышел в свет первый том "Рассказов из русской истории" под названием "История России до нашествия татар". Три следующих тома были посвящены истории сильных вечевых центров —Новгорода, Пскова и Полоцка. Задумывая эти книги, Беляев хотел показать всю русскую историю с бытовой и правовой стороны. Десять лет он работал над ними, но труд так и остался незавершенным. В 1873 г. Беляев скончался.

Из других, менее известных произведений Беляева, следует особо отметить "Судьбы земщины и выборного начала на Руси" и "Лекции по истории русского законодательства". Последнее сочинение, по мнению П. Дроздовского, по своей полноте, законченности и глубокому знанию ис-

точников, на котором оно построено, является важным пособием для ученых трудов по истории нашего права¹⁴.

В числе хороших знакомых Беляева находились А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, братья Киреевские. Поэтому нет ничего удиви

тельного в том, что славянофильские тенденции всегда сквозили в его работах. По словам Е. Барсова, друга Беляева, из всех лиц, принадлежавших к славянофильской школе, “никто так тщательно не воскрешал былого, никто так ревностно не допрашивал духа жизни в его истории, старине, как Беляев”¹⁵. Н. Аксаков, образно сравнивая славянофильство с русской тройкой, отводил Беляеву роль пристяжной¹⁶. По его мнению, относительная непопулярность профессора скрывалась в том, что он “не находил досужего времени, чтобы вполне оценить самого себя и свое значение, вследствие чего при жизни недостаточно ценили его и другие”¹⁷. Беляев не был историком героев: он изучал и восстанавливал серую, будничную жизнь народа. И как славянофил, он с уважением говорил не только о “мужах”, но и о “мужиках”¹⁸.

Однако следует справедливо заметить, что зачастую, следуя в уг. своим излюбленным славянофильским идеям, Беляев произвольно обращался с фактами, одни втискивая в рамки своих теорий, другие попросту игнорируя. Многие указывали на то, что в его трудах отсутствуют точность и ясность. Виной тому была свойственная ученому “русская разбросанность” — он хотел объять необъятное. Он брался за самые разные вопросы русской истории и написал бесчисленное количество статей из разных областей науки.

Но при всем при этом Беляев был истинным тружеником науки и оказал ей ряд важных услуг как своими исследованиями, так и изданием многих важнейших памятников древности. Делом всей его жизни стало собирание книг, древних рукописей, отдельных актов. После Беляева осталась значительная библиотека. Она состояла из 2425 томов исторических и историко-юридических книг, из собрания летописей, сборников, хронографов, разрядных и расходных книг, разнообразных актов. Всего в этом собрании было 257 номеров памятников периода с 1404 по 1613 год и свыше двух тысяч актов более позднего периода с 1613 по 1725 год¹⁹. Эта коллекция представляла огромный интерес для палеографов и людей, занимающихся дипломатикой. Документами, собранными Беляевым, пользовались в своих исследованиях многие ученые, среди которых можно выделить В.О. Ключевского, П.Н. Мрочек-Дроздовского, С.Ф. Платонова²⁰.

К сожалению, литературная и научная деятельность И. Д. Беляева, равно как и его жизнь, изучены недостаточно и нуждаются в дальнейшем исследовании.

¹ Гадзяцкий С.А. И.Д. Беляев // Русская беседа. 1895. №2. С.37.

² Ключков В. Беляев Иван Дмитриевич // Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т.: Бетанкур - Бякстер. С.682.

³ Гадзяцкий С.А. И.Д. Беляев. С.66.

⁴ Ключков В. Беляев Иван Дмитриевич. С.683.

⁵ Экс. На полпути. Очерки и заметки. СПб., 1874. С.349.

⁶ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 1997. С.35.

⁷ Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С.103.

⁸ Воронцов В.П. Учения о происхождении земельной общины в России // Вестник Европы. 1910. №4. С.255.

⁹ Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С.116.

¹⁰ Городецкий Б. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Сочинение ординарного профессора Московского университета И.Д. Беляева // Исторический вестник. 1904. №6. С.1021.

¹¹ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С.280.

¹² Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. С.58.

¹³ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. М., 1969. Т.7. С.87.

¹⁴ Дроздовский П. Лекции по истории русского законодательства И. Д. Беляева, ординарного профессора Императорского Московского университета // Критическое обозрение. 1879. №13. С.31.

¹⁵ Цит. по : Ключков В. Беляев Иван Дмитриевич. С.682.

¹⁶ Аксаков Н. И.Д. Беляев // Русская беседа. 1895. №1. С.146.

¹⁷ Там же. С.147.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т.1. Кн.2. С.1284.

²⁰ Там же. С.1285.

Д.В. Ливенцев .

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.И. ЕЛАГИНА В СОСТАВЕ МОРСКОГО УЧЕНОГО КОМИТЕТА (1854-1868 гг.).

Сергей Иванович Елагин (1824-1868 гг.) - русский военно-морской историк, капитан первого ранга. После окончания в 1842 г. Морского корпуса он начал службу мичманом на Балтийском флоте. В 1850 г. Елагин был прикомандирован к «Комитету по пересмотру морского устава». Во время работы в комитете офицер был замечен великим князем Константином Николаевичем, который, поощряя его интерес к исторической науке, поручил ему выработать систематический план для составления истории русского флота. Для реализации этой программы Елагин в 1854 г. был назначен правителем канцелярии Морского ученого комитета.¹

Учёный предполагал обследовать весь сохранившийся архивный материал и издать его с исчерпывающей полнотой, чтобы последующим военно-морским историкам можно было работать, не повторяя архивных изысканий. Получив Высочайшее соизволение, историк приступил к работе. За два г. (1860-1862) Елагин успел обследовать Главный морской архив (Царского шатра на Воронежском столбе, дела Военного морского приказа, дела графа Апраксина, дела Крюйса), Государственный архив

(Кабинетные дела, Секретное отделение, Счетные книги разных Приказов), Императорскую публичную библиотеку (Отделение русских рукопи

распределённые по местам, послужили окончательным дополнением к материалам для азовского периода. К печатанию их уже преступлено».³

С 1858 г. Морским ученым комитетом на Елагина была возложена задача сбора материала по истории русского флота. В основу публикаций материалов он положил принцип хронологического размещения документов по отдельным проблемам. Для облегчения пользования материалами он составил предметно-тематические указатели. Документы были снабжены заголовками. При отборе документов Елагин стремился осветить комплектование, управление, снабжение и, наконец, военноморское искусство. В результате было издано пять томов «Материалов для истории русского флота.» (СПб., 1865-1875). После его смерти сотрудники Морского ученого комитета и Ф.Ф. Веселаго подготовили и опубликовали еще десять томов материалов, относящихся к истории флота.

После Крымской войны Елагин приступил к подробной разработке истории русского военноморского флота. До этого в России по данной проблематике не было создано ни одного крупного исследования. Работы Н. Бестужева, А. Висковатова и А. Соколова только поставили ряд вопросов. Для создания обобщающего труда недоставало исследований, основанных на архивных документах и материалах.

Первым научным исследованием Елагина стала брошюра «Материалы для истории русского морского законодательства». В конце этого издания автор обобщил особенности русских морских законов: «из вышеприведенного, выписанного нарочно почти целиком, видно какими медленными шагами продвигалась наше законодательство к концу первого своего периода. Рубежом его в начале 1720 г. явилось «Книга Устав морской»».⁴

Плачевное состояние морской историографии было осознано только к началу 60-х гг. XIX в.⁵ Морской ученый комитет в 1865 г. вынужден был признать, что «до настоящего времени характер исследований по истории русского флота был чисто эпизодический».⁶ Для успешного развития военноморской истории прежде всего необходимо обратиться к архивам, на основе которых можно будет написать труды, «освещающие процесс создания и развития морского флота и показывающие развитие военноморского искусства».⁷

Поэтому монография Елагина «История русского флота. Период Азовский» (СПб., 1864 г.), написанная полностью на архивных материалах, стала первым серьезным научным исследованием по истории русского флота. Помимо архивов при подготовке монографии автор использовал труды иностранных ученых.⁸

Елагин подчеркивал, что этим трудом он дополняет исследования своих предшественников (Бестужева, Висковатова, Соколова и др.). Од-

нако «прежние разработчики, ограничиваясь изложением азовских походов и кратким указанием на постройку Петром в это время известного числа судов, не исследовали этого эпизода... Между тем эпизод этот, тесно связанный с дальнейшей судьбою нашего флота, интересен по подробностям создания этой важной отрасли государственного строя и во многих случаях представляет несколько данных для характеристики как государства,

так и народа того времени».⁹ Автор начинает свою монографию со ставшего затем традиционным описания увлечения Петра I морским делом и затем подробно освещает все этапы строительства Азовского флота с 1696 по 1712 гг. Смысл включения в работу исторического очерка развития морского искусства на Западе состоял в том, чтобы доказать, что Россия имела свой флот «с ранних лет существования», но затем обстоятельства «искоренили надолго не только сочувствие, но и сознание в потребности и пользе мореходства».¹⁰

Елагин отмечает трех сотрудников Морского ученого комитета помогавших ему в научной работе - Н.А. Коргуева, Р.А. Северюкова и А.П. Петрова. Среди них он особенно выделяет Н.А. Коргуева, занимавшегося группировкой и изданием приложений по истории Азовского флота.

Кроме того, Елагин издал справочник «Список судов Балтийского флота, построенных с 1702-1725 гг. в царствование Петра Великого.» (СПб., 1867) и принял участие в составлении морского регламента.

Историк, так оценил составленный им список судов Балтийского флота: «Настоящий список, составленный на основании подлинных документов, одновременно с другими историческими изысканиями, служит продолжением списка судов Азовского флота, напечатанного в «Истории русского флота: период азовский» (СПб., 1864.)»¹¹

Редакция «Морского сборника» дала этой работе Елагина следующую оценку: «Список составлен на основании подлинных исторических документов. В нем показаны наименования судов, число пушек и людей на них, обозначены длина и ширина каждого корабля, дата его на верфи и спуска на воду. На основании опубликованных материалов можно составить несколько исторических монографий или статей относящихся к петровскому времени».¹²

Морской ученый комитет широко использовал для освещения своей деятельности созданный им журнал «Морской сборник» (СПб., 1848-1917). Вокруг этого журнала группировались лучшие специалисты военно-морского дела. Члены Морского ученого комитета после установления в 1858 г. общей цензуры исключили из программы издания политические вопросы. Журнал превратился в официальный орган, печатающий статьи теоретического и исторического характера. Это решение, как показал Л.Г. Бескровный способствовало улучшению качества публикуемых материалов.¹³ «Морской сборник, - писал Н.Г. Чернышевский, - замечателен и по учено литературному достоинству статей и по высокой важности помещаемых в нем официальных документов. Особенно важно то, что «Морской сборник» ввёл прекрасное правило сохранять для памяти имена не только офицеров, но и простых воинов, пострадавших за Отечество».¹⁴

Именно в «Морском сборнике» Елагин опубликовал ряд статей - «Появление турецкого флота в Черном море в 1829 г. (из записи английского лейтенанта Слееба)»¹⁵ («Морской сборник» 1850. №10), «Отчеты об обследовании архивов»¹⁶, «Наши флаги»¹⁷, «Утверждение России на Балтийском побережье»¹⁸

Особенно интересна статья «Наши флаги», в котором автор рассматривает историю российского военно-морского флага. Первоначально, как установил Елагин были введены три флага: первый - белый, второй - синий, третий - красный. Каждый из них имел белый крыж с синим Андреевским крестом. Изображение этих трех флагов, было найдено ученым в фондах библиотеки Академии наук, помещенным в орнаментах рукописной карты Азовского моря 1701-го г. Питера Бергмана. Эта карта показывает, что перечисленные выше флаги существовали уже в первые годы строительства Азовского флота.

Елагин часто подвергал современников критике за их непрофессиональные исторические исследования. Например, от имени редакции «Морского сборника» он указывает редколлегии «Кронштадского вестника» на ошибочность мнения о том, что русский флот никогда не спускал суда на воду в зимний период. В доказательства приводятся следующие факты: а) спуск мониторов «Латник» и «Броненосец» в начале марта 1864 г.; б) спуск 88-пушечных кораблей «Святой Андрей» и «Фридемакер»; и 66-пушечного корабля «Святая Екатерина» 3 февраля, 5, 16 марта 1721 г.¹⁹

Таким образом, Елагин положил начало созданию подлинно научных работ по истории русского флота. К сожалению, слабое от природы его здоровье, расшатанное усиленной работой, окончательно надорвалось и он не успел претворить в жизнь все свои планы. Незадолго до своей смерти учёный приступил к исследованию истории Балтийского флота. Однако завершить этот труд ему не удалось.

¹ Морской ученый комитет (1847-1891 гг.) входил в состав Морского министерства и ведал сбором сведений о научных открытиях, а также учебными заведениями. После упразднения этой организации ее функции были распределены между Морским техническим комитетом и Главным морским штабом. О нём см. статью в настоящем сборнике (с.)

² Отчёт капитана-лейтенанта Елагина о поездке летом 1860 г. для осмотра архивов, и вообще о занятиях по истории флота // Морской сборник. 1861. №1. С. 200-201.

³ Отчёт капитана-лейтенанта Елагина о занятиях в иностранных архивах летом 1861 г. // Морской сборник. 1862. №1. С. 236-237.

⁴ Елагин С.И. Материалы для истории русского морского законодательства. СПб., 1859. Вып. 1. С. 53.

⁵ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. Изд.: АН СССР. М., 1962. С. 183.

⁶ Отчет Председателя Морского ученого комитета контр-адмирала Зеленого за 1864 г. // «Морской сборник» 1865. № 7. С. 10.

⁷ Там же. С. 11-14.

⁸ Shomberg Isaac. Naval chronology. London. 1802.; Lediard Thomas. The Naval History of England. London. 1735.; James William. The Naval History of Great Britain. London. 1859.; Harris Nicholas. A History of the Royal Navy. London. 1847.; John Charnock. History of Marine Architecture. London. 1801; Murray. The shipbuilding. London. 1862.; Jal. Archeologie Naval. Paris., 1843; Jal . Glossaire Nautique. Paris.. 1843; Maissin. Etudes historique sur la Marine militaire. Paris. 1843; Gyllengranat. Sveriges Sjökrigs-Historia. W.p.. 1840; Door Jhr. M.J.C. de Jonge.

Geschiedenis van het Nederlandshe Zeewezen. Haarlem, 1858; Door H.M.F. Londolt . Eschiedenis van het Nederlandshe Zeewezen. Amsterdam. 1858.

⁹ Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С.3.

¹⁰ Там же. С.16.

¹¹ Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого. 1702-1725 гг. СПб., 1867. С.2.

¹² Крашенинников С.П. О книге: Елагин С.И. Списки судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого. 1702-1725 гг. СПб., 1867 // «Морской сборник». 1868. № 2. С. 38-40.

¹³ Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. Изд.: АН СССР. М., 1957. С.367.

¹⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. Собр. Соч. Приложение. Т.10. СПб., 1906. С.79-80.

¹⁵ «Морской сборник» 1850. №10.

¹⁶ Там же. 1861. №1; 1862. №1

¹⁷ Там же. 1863. №10

¹⁸ Там же. 1866. №1.

¹⁹ Елагин С.И. Заметка // «Морской сборник». 1868. №2. С. 41.

Д.В. Ливенцев

НАЧАЛЬНИКИ МОРСКОГО УЧЕНОГО КОМИТЕТА.

Морской ученый комитет был создан 24 ноября 1847 г. с целью распространения полезных технических знаний на флоте. С 1848 г. для освещения своей деятельности эта организация стала издавать журнал под названием «Морской сборник». Кроме того, научные сотрудники комитета перевели и опубликовали за годы его существования около ста трудов иностранных авторов по морской специальности. В начале 1869 г. к Морскому ученому комитету присоединили Комитет морских учебных заведений.

Руководитель такого учреждения должен был совмещать в одном лице профессии моряка, редактора, исследователя, обладающего знаниями как в естественных, так и в гуманитарных дисциплинах. До упразднения Морского ученого комитета, которое произошло в 1891 г., среди его начальников было несколько выдающихся личностей, обладающих выше-названными качествами. Именно о них пойдет речь в данной статье.

Первым начальником Морского ученого комитета в 1847 г. был назначен адмирал, ученый, известный мореплаватель, гидрограф, граф Федор Петрович Литке (1797-1882).

В день своего рождения 17 сентября 1797 г. Фёдор Литке потерял мать -она умерла от родов. Отец его вскоре женился вторично. По настоянию мачехи мальчик в семь лет был отдан в пансион, где воспитание

велось весьма небрежно. В одиннадцать лет, уже после смерти отца, сироту приютил дядя, член Государственного Совета Энгель, также мало заботившийся о воспитании мальчика. В это время уже начал складываться характер будущего ученого: целыми днями он сидел в библиотеке дяди, читал все без разбора и занимался иностранными языками. В 1810 г. сестра Литке вышла замуж за капитан-лейтенанта Сульменева, и мальчик познакомился с моряками, пробудившими у него интерес к путешествиям. С их помощью он в 1813 г. поступил на флот волонтером, через месяц получил звание гардемарина и на галере «Аглая» участвовал в сражении под Вейксельмюнде (район порта Данциг). За храбрость, проявленную в этом бою Литке был награжден знаком отличия Военного ордена и произведен в мичманы.²

В 1817 г. он отправился в кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка» под командованием капитана второго ранга В.М. Головина. Во время службы Ф.П. Литке зарекомендовал себя деятельным морским офицером. По возвращении из плавания при содействии Головина, он был назначен начальником экспедиции для описи берегов Новой Земли. В течение 4-х лет, неутомимо работая, он составил подробное описание северной части Белого моря, западных и южных берегов Новой Земли. О значении этого плавания можно судить по сочинению ученого «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан». Едва окончив эту книгу, Литке получил назначение командиром шлюпа «Сенявин», отправленного в кругосветное плавание для производства гидрографических работ в Охотском и Беринговом морях. Снова три г. напряженной деятельности, за которую он получил чин капитана первого ранга. Съёмка восточного берега Камчатки и Карагинского острова в 1907 г. показала безукоризненную точность определенных им астрономических пунктов. По пути он подробно описал неизвестные до него Каролинские и Бонин-Симские острова. Помимо этого, Литке произвел массу метеорологических и магнитных наблюдений, провел ряд опытов над постоянным маятником с целью определения фигуры Земли. Эти работы принесли ему всемирную научную известность. Императорская академия наук избрала учёного своим член-корреспондентом, а за сочинение о плавании на «Сенявине» присудила ему полную Демидовскую премию.³

В 1831 г. научные труды Литке были прерваны служебным поручением. Он был командирован в Данциг для организации снабжения русских войск в Польше провиантом и блестяще выполнил эту задачу. В 1832 г. его назначают воспитателем великого князя Константина Николаевича, впоследствии генерал-адмирала, при котором мореплаватель безотлучно находился в течение 16 лет.⁴ Хотя, Литке был щедро осыпан милостями (в 1835 г. стал контр-адмиралом, 1843 г. - вице-адмиралом), он сожалел, что пришлось бросить самостоятельную научную работу. Однако в этот

период жизни учёный не прекратил общение с наукой, настоял на посылке в Белое море гидрографа Рейнеке для описи берегов и наблюдений над качанием маятника, а сам принимал деятельное участие в собрании небольших-

шого кружка ученых, среди которых главными членами были такие светила науки, как Бэр, Миддендорф, Ленц, Остроградский, Струве и др. В этом кружке Литке предложил на обсуждение свою давнюю мечту о создании в России географического общества, по образцу лондонского, которое в 1845 г. и было основано под именем «Императорского русского географического общества». В первое пятилетие его существования Литке был вице-председателем и деятельным участником всех работ этой организации. Для утверждения статуса общества ему пришлось выдержать длительную борьбу с противниками существования этой организации. В 1850 г. он был назначен главным командиром и военным губернатором Ревельского порта, где учредил морской клуб и библиотеку.⁵

После Ревеля около 2-х лет Литке занимал должность командира и военного губернатора Кронштадта, а в 1855 г. с производством в адмирала назначен членом Государственного Совета. Его пространные записки по вопросам о преобразовании морского ведомства, поставленным на обсуждение генерал-адмиралом, несомненно, сыграли известную роль при проведении главных реформ на флоте, т. к. великий князь Константин Николаевич высоко ценил ум, искреннюю преданность делу и жизненный опыт своего воспитателя, с которым он постоянно советовался. С 1856 по 1873 гг. Литке был снова вице-председателем географического общества, а в 1864 г. назначен президентом Императорской академии наук. Здесь он обратил особенное внимание на Пулковскую обсерваторию, для которой добился увеличения средств и учредил в Павловске магнитную обсерваторию, по своему оборудованию считавшуюся первой в Европе. В 1866 г. «за долговременную службу, особо важные поручения и ученые труды, приобретшие европейскую известность», он был возведен в графское достоинство. В 1877 г. Литке стал почетным членом Николаевской морской академии. 8 октября 1882 г. после увольнения со службы по болезни Ф.П. Литке скончался. Он являлся кавалером многих иностранных орденов - прусского Красного Орла 2-го класса, датского Даннеборга 2-й степени, французского Почётного легиона, вюртембергского Большого креста короны, саксонских Большого креста короны и Белого ястреба.⁶

Следующим начальником Морского ученого комитета в 1850-ом г. стал Петр Иванович Рикорд (1776-1855) - адмирал (1843), член-корреспондент Петербургской академии наук (1818).⁷

В 1794 г. он окончил Морской корпус и получил чин мичмана. После чего, на линейном корабле «Святой Петр» в 1798 г. в составе эскадры участвовал в блокаде голландского побережья. Затем в 1803 - 1805 гг. служил волонтером на английском флоте, а в 1807 - 1809 гг. участвовал в кругосветном плавании под командованием В.М. Головина. В 1811-1813 гг. проводил опись Курильских островов, участвовал в освобождении из

японского плена В.М. Головина и других русских моряков. Проявил дипломатические способности, содействовал установлению добрососедских отношений с Японией. Именем Рикорда названы острова в Японском море, мыс и пролив Курильской гряды.

С 1817 по 1822 гг. П. И. Рикорд являлся начальником Камчатской области, в 1825-1827 гг. был капитаном Кронштадского порта. В русско-турецкую войну 1828-1829 гг. он стал командиром эскадры в Средиземном море, в 1830-1833 гг. возглавил эскадру в Эгейском море. Затем в 1833-1836 гг. командовал 1-ой флотской дивизией Балтийского флота. С 1836 г. Рикорд являлся членом адмиралтейств - совета, а в 1842 г. занял должность председателя «Комитета по постройке пароходов для Балтийского и Каспийского морей». Во время Крымской войны (1853-1856), в 1854-1855 гг. был начальником обороны Кронштадта. П.И. Рикорд, как начальник Морского учёного комитета, покровительствовал В.И. Далю в его работах над составлением толкового словаря русского языка, о чём свидетельствует их переписка.⁸ Кроме того, он состоял в переписке с руководителем греческих повстанцев И.А. Каподистрия, ставшем впоследствии первым президентом Греции.⁹ Рикорд был близким другом Ф.Ф. Матюшкина (будущий руководитель Морского учёного комитета) и состоял с ним в переписке.¹⁰

В 1854 г. председателем Морского ученого комитета был назначен барон Фердинанд Петрович Врангель (1796-1870) - адмирал, член Государственного Совета, почетный член Санкт-Петербургской и член-корреспондент Парижской академий наук.

Фердинанд Врангель родился 29 декабря 1796 г. в городе Пскове. Врангели - графы, бароны и дворяне датского происхождения. Представители этого рода служили под знаменами Дании, Швеции, Германии, Австрии, Голландии, Испании и России. Среди них было 7 фельдмаршалов, более 30-ти генералов и 7 адмиралов. На поле битвы под Полтавой в 1709 г. осталось 22 человека, принадлежавших к роду Врангелей. В России они появляются в период Семилетней войны и в последующих турецких войнах.

В 1807 г. после смерти родителей Фердинанд Врангель был определен в Морской корпус, после окончания которого в 1815 г. произведен в мичманы. Затем в 1817 г. последовало назначение в кругосветное плавание, по возвращению из него он стал начальником Колымской экспедиции. За четыре г. работы Врангель исследовал северные берега Восточной Сибири и произвел их съемку. В 1839-1841 гг. труд об этом путешествии был издан на немецком, русском, французском языках. В книге содержались самые разнообразные материалы по описанию природы, бытовых особенностей, промыслов и произведений народного творчества одного из самых удаленных районов Сибири. Море было рассмотрено на расстоя-

нии 260-ти верст от берега и указан пункт, где может находиться неизвестная земля. Впоследствии, пользуясь этими координатами, американский китобой Лонг в 1867 г. открыл остров, получивший имя Врангеля.¹¹

После возвращения в Санкт-Петербург Врангель был вновь назначен в кругосветное плавание для снабжения продовольствием Камчатки. Однако описание этого путешествия было впоследствии утрачено. В 1829 г. Врангель занял пост главного управляющего русскими американскими колониями, где пробыл пять лет. Руководя «русской Америкой», он организовал правильную эксплуатацию промыслов, оберегая вместе с тем местное население от злоупотреблений агентов колонии.

Вернувшись в 1836 г. в Россию через Калифорнию и Мексику, Врангель стал директором департамента корабельных лесов, а в 1840 г. был назначен главным руководителем «Российской северо-американской компании». В 1854 г. он становится директором гидрографического департамента. Затем его назначили управляющим Морским министерством. Врангель на этом посту: учредил технический комитет; назначил морских офицеров городскими начальниками в портах на Черном и Азовском морях; преобразовал Адмиралтейц-совет; составил заявление, в особой записке, о необходимости и пользе развития на Черном и Каспийском морях купеческого транспортного флота.

Последней должностью Врангеля стало в 1857 г. членство в Государственном Совете с увольнением от управления министерством. Кроме вышеупомянутого описания путешествия он является автором книг: «Северо-Западная Америка», «Очерк из Ситхи в Санкт-Петербург» (СПб., 1836) и «Историческое обозрение путешествия по Ледовитому океану» (СПб., 1836).

В 1858 г. по личному приглашению морского министра ученый комитет возглавил Федор Федорович Матюшкин (1799-1872) - адмирал, путешественник, этнограф.

По окончании Императорского Царскосельского лицея Матюшкин поступил волонтером на флот. В 1828 г., находясь на греческой эскадре адмирала Гейдена, участвовал с ней в блокаде Дарданелл. 30-го июня 1831 г., командуя бригам «Ахиллес» в сражении с идриотами у острова Пароса отличился при атаке корвета «Специя», взорванного им под огнем береговых батарей.¹²

Вернувшись в 1834 г. в Кронштадт, Матюшкин вскоре был переведен на Черноморский флот, где командуя фрегатом «Браилов» и кораблем «Варшава», крейсировал у кавказских берегов, неоднократно перевозил десантные отряды и принимая деятельное участие в боях против горцев.¹³

В 1850-1851 гг., продолжив службу на Балтийском флоте, плавал у берегов Дании, Шлезвига, Голштинии. За успешную блокаду Кильского залива, во время которой он возглавлял бригаду кораблей, был награжден орденом Св. Владимира 3-ей степени. Впоследствии стал главным ко-

мандиром Свеаборгского порта. Учившийся вместе с Матюшкиным в лицее А.С. Пушкин упоминает о нем в стихотворении «19 октября».¹⁴

После Федора Федоровича Матюшкина начальником Морского учебного комитета в 1861 г. стал Семен Ильич Зеленой (1810-1892) - адмирал, известный астроном, математик, гидрограф и педагог.¹⁵

В 1822 г. Зеленой поступил в Морской корпус, после окончания которого был произведен в мичманы и назначен на преподавательскую работу. В 1832 г. его командировали в Дерптский университет для изучения астрономии под руководством профессора Струве. Научная деятельность С.И. Зеленого началась с 1833 г., когда он в чине лейтенанта принял участие в хронометрической экспедиции генерала Шуберта. В 1835 г. он был прикомандирован к Морскому корпусу для преподавания астрономии и навигации в офицерских и гардемаринских классах. Первые же шаги на педагогическом поприще обнаружили в нем талант преподавателя, умевшего совместить научную серьезность содержания с увлекательным изложением материала, что создало ему вполне заслуженную известность.

В 1838 г. Зеленой был приглашен лектором по астрономии в Санкт-Петербургский университет и за свои научные труды избран членом ряда ученых обществ, а большинство его работ было премировано Императорской академией наук. В период с 1836 по 1850 г. Зеленой издал ряд сочинений: «Лекции алгебраического и трансцендентального анализа» (1838), составленный им совместно с С.О. Бурчаком по лекциям профессора Остроградского (труд этот был удостоен Демидовской премии и Высочайшего подарка); «Беседы с детьми об астрономии» (1838), удостоен от императора Николая I бриллиантового перстня; «Астрономические средства кораблевождения» (1842) - полная Демидовская премия и производство в капитан-лейтенанты; «Лекции популярной астрономии» (1844); «Прямолинейная и сферическая тригонометрия» (1848); ряд статей в «Журнале министерства народного просвещения» и «Морском сборнике».

С 1839 по 1850 г. Зеленой занимался составлением и печатанием «Морского месяцеслова» (альманаха), издаваемого гидрографическим департаментом, сотрудничал по морским вопросам в энциклопедическом лексиконе Плюшара и военно-энциклопедическом словаре барона Зеддлера. В 1849 г. вследствие крутой перемены взглядов морского начальства на систему воспитания в Морском корпусе Зеленой, как сторонник гуманных мер и широкого образования, должен был оставить свою работу. Руководители Морского корпуса посчитали, что фронтовая служба важнее дифференциалов и интегралов, поэтому в талантливых преподавателях математики кадеты не нуждаются. Однако широкая известность С.И. Зеленого как педагога помогла ему занять в 1850 г. в чине армейского подполковника пост директора Московского Лазаревского института

восточных языков. Руководя институтом, он обнаружил исключительные педагогические и административные способности. За пять лет своей работы Зеленой сделал очень много для организации внутреннего и внешнего порядка в данном заведении. В период руководства институтом он был награжден

орденом Св. Анны 2-ой степени, произведен в полковники, а за научные труды удостоен ордена Владимира 4-ой степени.

Вскоре после окончания Крымской войны по личному желанию управляющего флотом великого князя Константина Николаевича Зеленой был возвращен на морскую службу в чине капитана первого ранга и назначен вице-директором гидрографического департамента. Спустя три г. он стал директором гидрографического департамента и в звании контр-адмирала возглавлял эту организацию 14 лет. Под его руководством была полностью реорганизована гидрографическая часть, положено начало развитию научной деятельности в области мореплавания и гидрографии, учреждены и оснащены всем необходимым астрономические обсерватории, произведен ряд работ по триангуляции (метод определения геодезического положения) и сделаны описи Белого, Каспийского, Балтийского морей, усовершенствована картография, впервые изданы полноценные лоции наших морей, оборудовано на новых началах маячное дело, начаты исследования девиации компасов, организованы спасательные станции и пр.

В результате этой интенсивной работы, проведенной директором гидрографического департамента русский флот стал обслуживаться мореходными инструментами отечественного производства, не только не уступавшими иностранным, но и превосходившими их тщательностью и точностью.

В 1873 г. Зеленой был избран почетным членом Императорской академии наук, а в 1881 г. его назначили председателем главного военно-морского суда. Он руководил военно-морским судом в течение десяти лет, после чего был произведен в полные адмиралы и уволен в отставку.

Исполняя должность начальника Морского ученого комитета, Зеленой оказал большую поддержку правителю собственной канцелярии, историку флота С.И. Елагину и его сотрудникам в обследовании отечественных военных архивов. Дело в том, что хранение документов в военных архивах России в середине XIX в. было поставлено на очень низком уровне. За границей архивы являлись научными учреждениями, стремящимися облегчить и без того нелегкий труд исследователей и обставить его всяческим комфортом. В России они представляли казенные канцелярии для выдачи официальных справок, едва лишь терпящие присутствие посторонних лиц. Главный морской архив был расположен в полутемном, тесном помещении, где исследователю приходилось заниматься, восседаая на связанных веревками стульях, причем для того, чтобы можно было как-нибудь примоститься к не в меру высоким столам, нужно было нагромождать на сидение еще целые кучи старых пыльных дел. Отдельной комнаты для занятий не существовало, историк устраивался среди архивариусов, между наваленными на столах грудками ветхих фолиантов

и «пыль веков от хартий отряхнув», усердно принимался переписывать «правдивые сказания».

Случалось, что эта мирная идиллия нарушалась иногда вдруг совершенно неожиданным отказом в выдаче какого-нибудь самого заурядного дела, которому истекла уже всякого рода давность и не в меру ревностному исследователю приходилось волей-неволей ставить точку в самом интересном месте своей работы, в ожидании разъяснения архивариусов. Подобные инциденты вызывались отчасти организационной неразберихой, допускавшей вмешательство в его функции других управлений Морского министерства, которые при сдаче своих дел в архив имели право ими распоряжаться. Правда, все эти неудобства в какой-то мере искупались любезностью и благ.шiem всех служащих архива.¹⁶

Естественно, при работе в таких условиях помощь начальника Морского ученого комитета была насущно необходима С.И. Елагину и его сотрудникам. Таким образом, Зеленой объективно способствовал развитию военно-морской исторической науки, так как открыл перед исследователями все архивы морского ведомства и следил, чтобы им выдавали необходимые для работы фонды.

Говоря о Семене Ильиче Зеленом, нельзя не упомянуть его брата Никандра Ильича Зеленого - генерал-майора Адмиралтейства (служил на флоте с 1846 по 1888 гг.), морского писателя, педагога и редактора «Морского сборника» в период наивысшего расцвета этого журнала.

Первые годы его службы прошли при Морском корпусе, где он в чине лейтенанта преподавал математику и навигацию, зарекомендовав себя отлично составленными учебными пособиями и трудами, работая одновременно по гидрографии под руководством своего брата С.И. Зеленого. С 1866 по 1885 г. Н.И. Зеленой был редактором «Морского сборника». За этот почти двадцатилетний период он благодаря своей исключительной эрудиции и энергии сумел настолько хорошо поставить дело, что журнал стал точным и полным выразителем морского прогресса по всем его отраслям. Шестидесятые годы XIX в., явившиеся переходным периодом от парусных судов к паровым и от деревянных к железным и бронированным кораблям, появление ряда новых типов судов, быстрое развитие паровых двигателей, нарезной артиллерии, первых мин, прогресс в прикладных морских науках - все это требовало от редактора «Морского сборника» глубокого понимания важности перемен в многочисленных отраслях военно-морского дела.¹⁷

Н.И. Зеленой по справедливости считался образцовым редактором. Следя сам за всей иностранной литературой, он вместе с тем сумел привлечь к сотрудничеству наиболее талантливых морских офицеров. Укрепив тесную связь с флотом, Н.И. Зеленой оказывал всяческую поддержку молодым авторам, среди которых было несколько известных впоследст-

вии деятелей на поприще морских наук: Ф.Ф. Врангель, И.П. Колонг, С.О. Макаров и др.

Одним из последних начальников Морского ученого комитета в 1881 г. стал Феодосий Федорович Веселаго (1817-1895 гг.) - генерал-лейтенант

флотского корпуса штурманов, историк русского флота, цензор Петербургского цензурного комитета и собиратель документов по истории России.

В 1834 г. после окончания Морского корпуса Веселаго был произведен в мичманы с оставлением в офицерском классе. Затем в 1837 г. его зачислили в штат корпуса для преподавания в гардемаринском классе астрономии и навигации; в том же г. он был назначен помощником инспектора классов. В 1846 г. Веселаго стал заведовать офицерским классом, а в 1852 г. за сочинение, изданное ко дню столетнего юбилея Морского корпуса: «Очерк истории Морского корпуса», он был удостоен Императорской академией наук Демидовской премии. Ежегодно вплоть до 1853 г. плавал на судах Морского корпуса с гардемаринами и кадетами. В 1853 г. оставил занятия в Морском корпусе и в чине майора по армии назначен инспектором Московского университета, а в 1857 г. помощником попечителя Казанского учебного округа.

Следующей его должностью стала работа цензора Санкт-Петербургского цензурного комитета. Веселаго сопровождал по воле императора в плавании великого князя Алексея Александровича (1866-1868). За это время он произведен в действительные статские советники и назначен членом совета главного управления по делам печати, а в 1869 г. еще и членом комитета морских учебных заведений. Вскоре его пригласили преподавать великому Алексею Александровичу высшие математические науки.

С 1869 г. Веселаго начал руководить составлением истории русского флота.¹⁸ После производства в тайные советники его в 1873 г. назначили председателем «Высочайше учрежденной комиссии для разбора и описания дел архива Морского министерства до 1805 г.» с целью последующего издания документов. В 1875 г. Веселаго был награжден от Императорской академии наук Уваровской премией за сочинение «Очерк русской морской истории», а в 1877 г. удостоен звания почетного члена Николаевской морской академии. В 1881 г. он вернулся снова на флот, получил чин генерал-лейтенанта флотского корпуса штурманов и был назначен директором гидрографического департамента. В том же г. Веселаго стал председателем «Комиссии по разграничению заведования устьями наших рек». В 1884 г. его избрали почетным членом Императорской академии наук, а в 1885 г. назначили членом Адмиралтейств-совета. В 1892 г. офицер был произведен в полные генералы и избран почетным членом Морского технического комитета. Кроме упомянутых званий, он состоял членом обществ: «Императорского русского географического», «Императорского русского исторического» и «Спасения на водах».

Веселаго был одним из собирателей грамот по истории России. Всего в его коллекции находится 258 документов, охватывающих период с

1611 по 1780 гг. Большая часть документов касается поместных и вообще имущественных дел рода Ирецких, владевших недвижимыми именьями в Бежецком Верху, и рода Карауловых, тоже бежецких помещиков. По содержанию - это главным образом выписки из книг писцовых, отказных, расписных; записи: отдельные, меновые, мировые, третейские, сговорные (рядные); царские грамоты по поместным делам; служилые и заёмные кабалы; отпускные и т.д. Особенно много описей и квитанций по уплате разного рода сбора деньгами и натурой.¹⁹

Как преподаватель этот специалист отличался способностью необыкновенно ясно излагать предмет, а его руководства еще долго после смерти автора служили пособиями в морском корпусе. Работа Веселаго по геометрии была признана «классической» Академией Наук. В роли инспектора студентов он проявлял чрезвычайную снисходительность, сердечность и отзывчивость к учащейся молодежи. Исполняя должность попечителя Казанского учебного округа Веселаго способствовал разработке вопросов по педагогике, местной истории, географии, статистике. За короткое время управления гидрографическим департаментом он проявил себя грамотным администратором, которым было сделано много полезного: выделены средства для расширения инструментальной мастерской; улучшено положение лоцманов, смотрителей маяков; обращено внимание на качество метеорологических наблюдений; изданы инструкции по проведению гидрографических работ на судах в отдельных плаваниях, сборник морских трактатов и конвенций с иностранными державами. Он сотрудничал в журнале «Маяк», где поместил ряд беллетристических произведений из морского быта.

Веселаго опубликовал много научных работ по истории русского флота.²⁰ Учёный оставил также много трудов в рукописях, которые не успел или не смог напечатать: «Портовые и адмиралтейские постройки», «Русский флот в царствование Анны Иоанновны», «Первый поход русских к Америке», «Исторический обзор русских призов с 1697 по 1774 г.», «Морские компании 1798 и 1799 гг.», «Историческое обозрение устройства и управления морским ведомством в России», «О построение гавани в Балтийском порте и Ревеле», «Русский флот при кончине Петра Великого», «Флот в царствование императора Павла I», «Флот в царствование императора Александра I», «Материалы к биографии адмирала И.Ф. Крузенштерна», «Исторический очерк народной войны за независимость Греции» и другие рукописи, хранящиеся в Российском Государственном архиве Военно-морского Флота в Санкт-Петербурге.

Веселаго принадлежит к тем историкам, которые стремились доказать самостоятельность путей развития русского военно-морского искусства. Характерной особенностью его творчества является стремление расширить источниковедческую базу по изучаемой тематике. Он продолжил

работу по публикации архивных материалов, незавершенную А.П. Соколовым и С.И. Елагиным. Наряду с этим под его руководством было осуществлено описание дел Морского министерства.

Веселаго строго придерживался источников. Осторожно и критически обращаясь с ними, он добился большой степени достоверности своих научных изысканий. Прделанная им работа стала основой последующего развития русской военно-морской историографии.

Веселаго не оставил крупных работ по военно-морской стратегии и тактике. Он оперировал теми понятиями, которые сложились в его время в военной науке. В этом отношении он следует Милютину, Драгомирову и своим предшественникам - Соколову и Елагину.

Историю русского флота он начинает с глубокой древности, когда славяне пользовались речными судами и огромное значение имели днепровские и волжские пути, которые, соединяясь у Волхова, вели к Балтийскому морю и связывали Древнюю Русь с соседними народами.

Укрепление русского государства, пишет Веселаго, имело следствием развитие флота: «От частых и грозных плаваний русских судов самое Черное море получило название Русского».²¹ Русские совершали морские походы как на Черном, так и на Каспийском морях, пользуясь лодьями и кораблями. Это были простейшие конструкции, но с их помощью они неоднократно побеждали византийский флот, проявляя на море такую же изобретательность, как и на суше.

Дальнейшее развитие русского мореходства по Каспийскому, Черному и Азовским морям прекратилось. Мореходство с XIII в., как верно отмечает Веселаго, сохранилось лишь на Белом и Балтийском морях. Отчаянная борьба за овладение побережьем Балтийского моря закончилась тем, что Россия к XVII в. уже не имела там своих морских баз.

Создание и развитие на Азовском, Балтийском и Каспийском морях Веселаго связывает только с деятельностью Петра I. Историк подробно рассмотрел процесс строительства военно-морского флота в ходе Северной войны, тесно связывая его с ходом военных действий. Его данные о строительстве верфей и сооружении на них морских судов не потеряли своего значения и сейчас, хотя многие факты потребовали уточнений и дополнений.

Любопытны выводы историка о подготовке личного состава флота. Он справедливо указал, что, принимая на флот иностранцев, Петр I использовал их до тех пор, пока не выросли свои, русские кадры: «Государь, видимо, заботился о скорейшей замене иностранцев русскими».²²

Анализу военно-морского искусства Веселаго уделил сравнительно мало внимания. Он добросовестно описывал морские бои и сражения, но мало останавливался на характеристике русской морской стратегии и тактики. Недостатком его работы является одностороннее освещение действий флота, вне связи с операциями армии на суше. В частности, он совершенно не упоминает об участии сухопутных войск на галерном флоте. Поэтому, основываясь на его трудах, нельзя представить картину

совместных действий русской армии и флота на суше и на море, особенно с 1712 по 1719 г.

В 1893-1895 гг. вышло новое исследование Веселаго: «Краткая история русского флота». В первом выпуске рассмотрено развитие мореплавания с древнейших времен и до 1800-го г.; второй выпуск характеризует состояние мореплавания в XIX в. Развитие мореплавания периодизуется в этой книге по войнам. Вопросам строительства флота здесь уделено недостаточно внимания, но деятельность лучших флотоводцев (Петра I, Ушакова, Сенявина) получила довольно широкое освещение. Значительное место отведено в книге русским морякам-исследователям: братьям Лаптевым, Челюскину и др.²³

Положительной стороной данного труда является стремление к объективности. Так, характеризуя состояние русского флота во второй четверти XVIII в. Ф.Ф. Веселаго пишет о его разложении и упадке. Такая же характеристика дается флоту и первой четверти XIX в. в период руководства маркиза де Траверсе, который лишь создавал у царя впечатление бурной деятельности, но сам ничего полезного для флота не делал.²⁴ За годы существования Морского ученого комитета им руководили: граф Ф.П. Литке - адмирал, ученый, мореплаватель, гидрограф с мировым именем; П.И. Рикорд - адмирал, мореплаватель, дипломат; барон Ф.П. Врангель - адмирал, всемирно известный исследователь-географ; Ф.Ф. Матюшкин - адмирал, путешественник, этнограф, лицейский друг А.С. Пушкина; С.И. Зеленой - адмирал, астроном, математик, гидрограф, педагог; Ф.Ф. Веселаго - генерал-лейтенант, собиратель документов по истории России, педагог, историк русского флота. Эти люди поражают разнообразием своих научных интересов и профессионализмом. Каждый из них, бесспорно, соответствовал занимаемой должности начальника Морского ученого комитета.

¹ Собрание указаний, постановлений и инструкций по Морскому ведомству. СПб., 1869. С. 21.

² Российский Государственный архив Военно-Морского Флота. (РГА ВМФ). (Фонд Ф.П. Литке). Ф. 15, оп. 1, д. 3, л. 1.

³ РГА ВМФ. (Фонд Ф.П. Литке). Ф. 15, оп. 1, д. 1, лл. 5-6.

⁴ РГА ВМФ. (Фонд Ф.П. Литке). Ф. 15, оп. 1, д. 4, л. 8.

⁵ РГА ВМФ. (Фонд Ф.П. Литке). Ф. 15, оп. 1, д. 3, л. 5.

⁶ РГА ВМФ. (Фонд Ф.П. Литке). Ф. 15, оп. 1, д. 5, лл. 9-10.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 162, оп. 1, д. 319, лл. 4-5.

⁸ Институт русской литературы (ИРЛИ). (Сквозной фонд). Д. 27457, л. 8.

⁹ ИРЛИ. (Сквозной фонд). Д. 22763, л. 2.

¹⁰ ИРЛИ. (Фонд Ф.Ф. Матюшкина). Ф. 176, оп. 1, д. 1, л. 5.

¹¹ ИРЛИ. (Сквозной фонд). Д. 22819, л. 4.

¹² ИРЛИ. (Фонд Ф.Ф. Матюшкина). Ф. 176., оп. 1, д. 2, л. 75.

¹³ ИРЛИ. (Фонд Ф.Ф. Матюшкина). Ф. 176., оп. 1, д. 2, л. 32.

¹⁴ ИРЛИ. (Фонд Ф.Ф. Матюшкина). Ф. 176., оп. 1, д. 2, л. 7.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 162, оп.1, д.970, лл.1-2.

¹⁶ Аренс Е.И. Морская сила и история. СПб., 1912. (На правах рукописи) изд.: Центрком. М., 1996. С. 23.

¹⁷ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина. Изд.: Экополис и культура. Т. 2. СПб., 1996. С. 200.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 162, оп.1, д.1307, лл.10-11.

¹⁹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. (ОР РНБ). Ф. 140, оп. 1, д.1, лл.20-27.

²⁰ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852, Разбор сочинений А.П. Соколова «Летопись крушений и пожаров русского флота от начала его по 1854 г.» СПб., 1858, Дедушка русского флота - ботик Петра Великого. СПб., 1871, Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия, с 1656 по 1856 г. СПб., 1871, Материалы для истории русского флота. Ч. 5-15. СПб., 1875-1895, Очерк русской морской истории Ч. 1. СПб., 1875, Общий морской список Ч. 1-8. СПб., 1885-1894, Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVI до начала XIX столетия. Т. 1-7. СПб., 1877-1895, Краткая история русского флота. Вып. 1-2. СПб., 1893-1895.

²¹ Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875. С. 10.

²² Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 416.

²³ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 297.

²⁴ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. Вып. 1. СПб., 1893. С. 77.

О.Ю. Михалев.

ВОРОНЕЖСКИЕ КАДЕТЫ НА ВЫБОРАХ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Избирательная компания в IV Государственную Думу начиналась в обстановке наметившегося распада третьейиюньской системы. Прогрессивно настроенные слои общества к этому времени поняли, что правительство не намерено в полной мере проводить в жизнь положения Манифеста 17 октября и идти по пути реформирования политического строя страны. Руководство наиболее влиятельной и организованной партии легальной оппозиции, конституционно-демократической, стало склоняться к тому, что бывшие надежды на проведение правительством и поддерживающими его октябристами конституционных реформ исчерпаны, вследствие чего необходима более активная борьба с реакцией.

Приближающиеся выборы в Думу, по мнению кадетов, должны были принести им больший успех, чем в 1907 г., что они связывали с общим разочарованием избирателей в деятельности октябристов. «За три г. деятельности III Думы, - отмечал один из кадетских лидеров И.И. Петрункевич, - все иллюзии рассеяны и истинный характер октябризма не оставляет места никаким сомнениям и толкованиям. Октябристы перестали быть политической партией, имеющей свою политическую программу: они отдали себя в распоряжение Столыпина и превратились в личную партию, лишенную всяких принципов».¹ Лидеры кадетов считали, что велика вероятность того, что вскоре Союз 17 октября расколется на несколько групп, часть из которых примкнет к правым, а часть - к прогрессистам. Последние ради успеха борьбы с реакционными силами будут просто вынуждены «идти рука об руку с партией Народной свободы».²

Подбадривая себя подобными оптимистичными прогнозами, кадеты довольно рано развернули подготовительную работу, уже в 1907 г. начав приобретать цензы для кандидатов по куриям городских избирателей. Осенью 1911 г., за год до выборов, конференция конституционно-демократической партии обсудила и приняла тезисы предвыборной платформы, а также наметила некоторые черты избирательной тактики, предполагавшей заключение, в случае необходимости, предвыборных соглашений с любыми силами общества, “за исключением антиконституционных и националистических” элементов. Весной 1912 г. активность ЦК партии кадетов подошла к наивысшему уровню: обсуждались идеи о блоке с прогрессистами, дорабатывалась избирательная платформа.³

Однако действительно ли намерения кадетов увеличить свое представительство в Думе, а значит и свой политический вес, имели под собой реальную почву? Думается, кадетские лидеры были излишне оптимистичны. Хотя партия располагала довольно сильной думской фракцией и поддержкой значительной части образованных слоев общества, ее положение в провинции было далеко не блестящим. В сообщениях многих местных представителей отмечалось, что партия кадетов “как организация не существует в большинстве не только уездных, но и губернских городов”.⁴ Такое почти полное отсутствие систематической деятельности в провинции обещало кадетам большие трудности в проведении своих кандидатов в большинстве губерний страны. В настоящей работе мы, на примере Воронежской губернии, где в 1906-1907 гг. существовала довольно сильная организация конституционно-демократической партии, попытаемся рассмотреть основные этапы предвыборной борьбы провинциальных кадетов.

В Воронежской губернии местная организация партии Народной свободы перед началом новой избирательной кампании переживала не самые лучшие времена. Достигнутая в 1906 г. численность почти в 300 членов уже весной следующего г. вследствие активного противодействия губернских властей стала быстро уменьшаться. Арсенал репрессивных мер был достаточно разнообразен. Уже в октябре 1906 г. губернатор разослал во все подведомственные ему учреждения циркуляр Совета министров от 14 сентября 1906 г. “о несовместимости службы с принадлежностью служащих к политическим организациям противоправительственного направления”, в результате чего в короткое время многие замеченные в оппозиционных настроениях земские служащие потеряли работу. В числе пострадавших от этого указа были лидер воронежских кадетов А.И. Шингарев, уволенный с поста заведующего санитарным отделением губернской земской управы, Н.А. Вырубов, изгнанный с должности директора психиатрической больницы, врачи К.Г. Хрущев, Е.В. Городнянская и др.⁵

Губернские власти, пользуясь тем, что Воронежская губерния находилась на положении усиленной охраны, применяли к наиболее активным либералам и более суровые меры. Поскольку возможностей для привлечения их к уголовной ответственности, как правило, не было, практиковались аресты с последующей административной высылкой за пределы губернии. Именно таким образом из губернии в течение 1906-1907 гг. был

удален ряд руководителей Воронежского комитета конституционно-демократической партии: председатель Землянской уездной управы, член I Государственной Думы А.Г. Хрущев, осужденный на три месяца тюремного заключения за подписание Выборгского воззвания и выехавший затем в Москву, упомянутый уже Н.А. Вырубов, также перебравшийся во вторую столицу, секретарь городской управы И.А. Прозоровский, обвиненный в принадлежности к партии эсеров и сосланный в Архангельскую губернию.⁶ По разным причинам после 1907 г. покинули Воронежскую губернию и другие лидеры местного комитета партии Народной свободы: А.И. Шингарев, избранный депутатом III Государственной Думы и обосновавшийся в Петербурге, бывший городской голова П.Я. Ростовцев, переехавший в Омск для службы на заводе Столля, бывший председатель Валуйской уездной земской управы Р.Ю. Будберг, поселившийся в Харькове.⁷

Кризис был еще более усугублен тем обстоятельством, что в июне 1907 г. распоряжением губернатора был прекращен выпуск печатного органа воронежской кадетской организации - газеты "Воронежское слово". В ее номере от 5 июня 1907 г. им было усмотрено "распространение сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству", в результате чего на редактора А.Г. Михайловского был наложен штраф в 500 рублей, а против издателя газеты В.И. Колюбакина возбуждено судебное преследование. В сложившихся условиях дальнейшее издание газеты было уже невозможно.⁸ Лишившись, таким образом, возможности вести легальную агитацию воронежские кадеты стали быстро терять свое влияние в массах. Те из их сторонников, кто были еще не до конца деморализованы увольнениями и высылками, с потерей возможности узнавать что-либо о деятельности своих единомышленников окончательно отходили от политической активности.

И последним шагом властей, довершившим развал Воронежского комитета партии Народной свободы, было возбуждение уголовного преследования по ст. 124 уголовного уложения (организация воспрещенного сообщества) против 20 кадетских активистов (среди них были А.И. Шингарев, П.Я. Ростовцев, В.И. Колюбакин, Д.А. Перелешин, А.Н. Меркулов, С.П. Буренин, Н.И. Кузнецов и др.). Хотя на состоявшемся 4 марта 1909 г. слушании в Воронежском окружном суде дело было прекращено,⁹ надо полагать, что дух местных кадетов и их все менее многочисленных приверженцев был еще более подорван.

Ослабление их активности было отмечено Воронежским губернским жандармским управлением (далее - ВГЖУ) еще в 1908 г., сообщавшим тогда, что со времени закрытия "Воронежского слова" организация местных кадетов "по численности значительно сократилась, причем хотя деятельность партии Народной свободы в Воронежской губернии, быть мо-

жет, и продолжается в том же духе, но интенсивность деятельности, по агентурным данным, следует считать приходящей в совершенный упадок и за последнее время никаких незакономерных проявлений со стороны организации и отдельных ее членов в губернии не наблюдалось”.¹⁰ Нет никаких оснований считать, что в последующие три-четыре г. активность воронежских кадетов повышалась. Скорее наоборот, судя по полному исчезновению упоминаний о кадетах в делах ВГЖУ в эти годы, деятельность их или совсем замерла, или происходила только эпизодически, в обстановке строгой секретности.

Тем не менее, с приближением выборов в IV Государственную Думу, в Департаменте полиции росло беспокойство по поводу исхода избирательной кампании. Вспоминая успехи партии кадетов на трех предыдущих выборах в Думу, он рассылал по губерниям циркуляры с требованиями внимательно следить за малейшими проявлениями избирательной активности партии Народной свободы. Отслеживать ее подготовку к предстоящим выборам Департамент полиции принялся сразу же после того, как таковая была начата. По-видимому, к жандармским чинам уже в конце 1910 г. стали поступать сведения о некотором оживлении в столичных кадетских организациях, в связи с чем по губерниям было разослано уведомление о том, что “кадетская партия, ввиду предстоящих выборов депутатов в IV Государственную Думу, уже организовала соответственную деятельность по подготовке общества к проведению в Думу своих кандидатов”.

Откликаясь на эти сведения, начальник ВГЖУ полковник В.З. Тархов 5 января 1911 г. предписал своим помощникам в уездах “принять меры к установлению самого тщательного наблюдения за ... деятельностью как местных организаций кадетской партии, так и особо выдающихся представителей ее во вверенном вам районе, обычно выражающейся в устройстве совещаний, рассылке соответственных листовок и брошюр и тому подобных приемах того же характера, и обо всем замеченном безотлагательно доносить мне”.¹¹

С началом 1912 г. внимание к приближающейся избирательной кампании повысилось у всех заинтересованных лиц. В январе 1912 г. Министерство внутренних дел разослало по губерниям запрос, в котором предписывалось сообщать самые подробные сведения о том, насколько развита, как и в чем проявляется политическая жизнь на подведомственной им территории. Характерно, что даже из Московской губернии в ответ на него поступили сообщения о том, что “деятельность Государственной Думы весьма незаметно отразилась на настроении местного населения”, что “общественные силы в губернии в настоящее время не группируются в определенные политические партии”, а рядовой избиратель настроен индифферентно. В более удаленных от столиц губерниях политическая

апатия была еще более глубокой. Так, из соседней с Воронежской Кур-ской губернии сообщалось, что “единственной организованной силой” там являются крайне правые, в то время как “остальные политические партии совершенно не проявляют никакой деятельности и как бы окончательно исчезли с видимого политического горизонта”. Под влиянием

“установленного административного режима” все сколько-нибудь оппозиционные силы в губернии ”совершенно затихли” и внешне ничем не проявляли своей деятельности.¹²

Донесения уездных исправников Воронежской губернии полностью подтверждают данную тенденцию. Из Землянского уезда, где в 1906-1907 гг. организация партии кадетов действовала довольно активно, местный исправник 14 февраля 1912 г. отправил в ВГЖУ два пространных рапорта, в которых сообщал: “Деятельность существующей ныне Государственной Думы третьего созыва оказала на настроение местного населения и, в частности, на местных общественных деятелей влияние отрицательное. Доверие к Думе и работоспособности ее совершенно утрачено... Крестьянство как бы забыло о ее существовании, совершенно ею не интересуется и ничего от нее не ждет”. Доказывая далее, что земельный вопрос в уезде совершенно заглох и потому попытки левых сыграть на нем ни к чему не приведут, исправник давал такой прогноз на предстоящие выборы: “Ввиду всего этого, а также и того обстоятельства, что главнейшие деятели крайне левого направления из Землянского уезда давно изъяты, можно вполне рассчитывать, что небольшая кучка левых не в состоянии будет, как было и при выборах во вторую и третью Думы, дать левых выборщиков”.¹³

Во втором донесении землянский исправник остановился на проявлениях общественной жизни более подробно. Он писал, что “группировки общественных сил в уезде пока нет, как нет и партийной работы вообще”, за единственным исключением: С.Р. Домбровский, земский страховый агент и крупный землевладелец, по убеждениям принадлежащий к кадетской партии, организовал несколько пожарных дружин и кооперативное общество в Старой Ольшанке. Используя эти организации как платформу для своих “политических видов и целей”, он, по мнению исправника, вносил в среду крестьян “нежелательное озлобление против крупного частного землевладения”, в связи с чем “для спокойствия уезда и правильности предстоящих выборов” старо-ольшанскую кооперацию желательно было бы упразднить, а самого Домбровского устранить от всякой общественной деятельности.¹⁴

Через месяц, 5 марта, землянский уездный исправник послал в ВГЖУ еще один рапорт, к которому приложил список лиц, которые, по его мнению, являлись членами конституционно-демократической партии. Поскольку таковых он насчитал в своем уезде просто неправдоподобное количество- 81 человек, могут возникнуть серьезные сомнения в обоснованности этого списка, тем более, что большинство из упомянутых там лиц более нигде и ни в какой связи с кадетской организацией не упоминаются. Скорее всего, предприимчивый исправник внес в список всех тех, в благонадежности которых у него имелись хотя бы малейшие со-

мнения, не думая долго об их реальной принадлежности к партии кадетов.

В сопровождающем список рапорте он оценил ситуацию следующим образом: “В течение прошлого и текущего годов, установленным самым тщательным наблюдением за упомянутыми в списке лицами, активной деятельности кого-либо из них, за исключением ... Семена Рудольфовича Домбровского ... рекламирующего исключительно себя с целью проведения себя же в выборщики при выборах членов в четвертую Государственную Думу..., не было проявлено. Не было нигде устройства совещаний их, ни рассылки каких-либо листов или вообще партийной их литературы”. Как гарантия того, что власти, даже несмотря на такое количество оппозиционно настроенных лиц, могут не опасаться за исход выборов, поскольку местный исправник полностью контролирует настроения в уезде, звучали последние слова рапорта: “За деятельностью всех означенных в списке лиц имеется неослабное наблюдение и о всем замеченном будет мною немедленно Вам сообщено”.¹⁵

Общественная жизнь в Землянском уезде, на характеристике которой мы так подробно остановились, по сравнению с другими уездами губернии, была просто образцом развитости и оживленности - там хотя бы предпринимались попытки нарушить всеобщую политическую спячку. В других уездах не наблюдалось и этого. В доказательство того, что правительство могло совершенно не беспокоиться об усилении оппозиционных настроений в провинции и о полном отсутствии там избирательной активности весной-летом 1912 г. приведем всего лишь одно свидетельство коротоякского уездного исправника, показывающее весьма характерную картину: “... население относится совершенно пассивно к самому существованию Государственной Думы. Приведенное отношение населения к Государственной Думе, при отсутствии в уезде политических партий и незрелости населения в политическом отношении, дает основание предполагать, что влияние на ход предстоящих выборов будут иметь лишь люди высшего по отношению к населению социального положения, как то: духовенство, волостные старшины и земские начальники, безотносительно к их политическим убеждениям, в среде же их нет лиц левого направления. В настоящее время никакой партийной работы в уезде не ведется за отсутствием политических партий”.¹⁶

Из всех общественных сил губернии предвыборное оживление наблюдалось только в одной группе, а именно среди духовенства. В мае 1912 г. епархия созвала съезд священников, где были даны следующие директивы к предстоящим выборам: участие церковников в избирательных собраниях является обязательным, на лиц, не принявших в них участие налагается штраф в 25 рублей, а кроме того, запрещалось под угрозой лишения сана голосовать за партии, стоящие левее правых октябри-

стов. Инспирируемое властями наступление духовенства грозило сильным поправением состава губернского избирательного собрания, однако эта угроза вызвала противодействие только в среде крупных землевладельцев, которые на своих собраниях начали разрабатывать планы защиты интересов своего сословия от наплыва священнослужителей, которые имели численный перевес в землевладельческой курии в 9 из 12 уездов губернии. Городские же избиратели,

которые составляли основную опору оппозиции, восприняли очередное наступление реакции равнодушно: многие даже не заявляли о своих правах на участие в выборах, добровольно устранив себя из общественной жизни.¹⁷

С приближением осени, когда, собственно, и должны были состояться выборы в Думу, интерес властей к избирательной кампании становился все более и более настойчивым. 16 августа воронежский губернатор получил телеграмму из Министерства внутренних дел, в которой сообщалось, что кадетская партия решила обратиться на Воронежскую губернию особое внимание и при усиленной работе добиться избрания 6 разделяющих ее идеи депутатов (что составляло половину от общего числа мест), в том числе 4 собственно от партии, во главе с лидером воронежских кадетов А.И. Шингаревым. Телеграмма предлагала губернатору «принять меры для предотвращения планов кадет».¹⁸ Хотя эти сведения были весьма далеки от реальных возможностей местных кадетов, губернатор отдал указание ВГЖУ усилить наблюдение за лицами, «примыкающими к кадетской партии», и докладывать обо всех замеченных проявлениях ее активности.¹⁹ Как и следовало ожидать, сведения из уездов, поступившие в ответ на это распоряжение, не отличались новизной. Даже несмотря на то, что до начала выборов по куриям оставалось меньше месяца, ни один из уездных исправников не зафиксировал каких-либо «собраний партийных деятелей по случаю предстоящих выборов в IV Государственную Думу».²⁰

Выборщики в губернское избирательное собрание были избраны во всех уездах губернии во второй половине сентября 1912 г. Об обстановке, в которой проходили выборы, полковник Тархов докладывал в Департамент полиции 4 октября. Он отмечал, что «настроение населения Воронежской губернии вообще и избирателей в частности в связи с предстоящими выборами в IV Государственную Думу, за исключением духовенства, в большинстве совершенно индифферентное, особенно это проявляется среди крестьянского населения... Предвыборные собрания устраивались главным образом в губернском городе Воронеже, отчасти в некоторых из уездных городов, причем почти везде на беспартийных началах, в остальных же населенных пунктах губернии, несмотря на то, что многие из них с населением от 10 до 25 тысяч, а в некоторых даже имеются средние учебные заведения, предвыборная агитация не велась».²¹ В результате, как сообщал начальник ВГЖУ уже в рапорте на имя губернатора, «почти везде ... наблюдается избрание людей здравых взглядов, за исключением лишь некоторых единичных случаев, где избранными оказались люди хотя и не привлекавшиеся к делам политического характера, тем не менее прошлое их носит ту или иную политическую окраску».²²

Лиц, “скомпрометированных в политическом отношении”, прошло в выборщики губернского избирательного собрания, действительно, не более двух десятков человек. Почти все они в 1906-1907 гг. если и не прямо причисляли себя к кадетам, то, по крайней мере, разделяли их взгляды, однако после подавления революции “ни в чем явно предосудительном себя не проявили”. Большинство этих лиц было избрано выборщиками от съездов городских избирателей и, поскольку предвыборная агитация ими практически не велась, главную роль в их избрании, думается, сыграли не их политические убеждения, а личное влияние в провинциальном обществе. В самом деле, все выборщики левого направления были неплохо известны в своих уездах по своей профессиональной или общественной деятельности: так, от Бобровского уезда был избран председатель уездной земской управы Н.И. Нечаев, от Острогожского - присяжный поверенный Н.В. Руднев и член I Государственной Думы подрядчик из крестьян Н.Ф. Кругликов, от Новохоперского - дворянский заседатель В.Н. Потулов, от Задонского - купец И.М. Трофимов, от Землянского - врач Д.А. Грушке и священник Д.И. Нечаев, от Валуйского - бывший председатель местной земской управы барон Р.Ю. Будберг и помощник ²³приказного поверенного и юрисконсульт валуйского земства Н.Р.Белитц.

В целом такой исход выборов можно было предвидеть, поэтому власти практически нигде не сделали попыток вмешаться в ход голосования с целью давления на избирателей - действительно, успехи кадетов были слишком незначительны, чтобы всерьез можно было об этом тревожиться. Лишь в Валуйском уезде события развернулись не по запланированному сценарию. На первом съезде городских избирателей проталкиваемый местными властями в выборщики купец А.С. Гончаров, монархист по убеждениям, неожиданно оказался забаллотирован вследствие того, что кадеты С.Ф. Воюцкий и Ф.П. Балутин, гласные городской думы, а последний, кроме того, член окружного суда, развернули агитацию в пользу Р.Ю. Будберга и большинство избирателей, “состоящее из лиц торгового класса, находящихся, по роду своих занятий, в зависимости от ... Воюцкого и Балутина ... под давлением их агитации, и опасаясь дальнейших с их стороны репрессий, голосовало за барона Будберга”. Валуйский исправник пытался опротестовать результаты выборов, но из этого ничего не вышло и Р.Ю. Будберг попал в число выборщиков губернского избирательного собрания.²⁴ Потерпели поражение правые и на уездном съезде землевладельцев. Местные дворяне, отбросив свои партийные разногласия, объединились против духовенства, в результате чего выборщиками были избраны несколько лиц, близких по убеждениям к кадетам: барон Ю.Н. Корф, бывший уездный предводитель дворянства, А.А. Блинов, крупный землевладелец и член III Государственной Думы, и В.Н. Гаевский, председатель правления Валуйской кассы мелкого кредита.²⁵

Однако Валуйский уезд был единственным примером столь явного поражения правых во всей избирательной кампании в губернии.

Впрочем, воронежская организация конституционно- демократической партии в сложившихся условиях вряд ли могла рассчитывать даже на такие успехи, поскольку не имела в уездах кроме незначительного числа своих неорганизованных сторонников никакой иной опоры для предвы

борной борьбы. Из всей губернии воронежские кадеты имели неплохие шансы только в губернском центре, но и здесь описанный нами выше кризис их организации и противодействие властей делали борьбу весьма затруднительной. Состояние дел кадетов еще более ухудшилось после того, как главная их надежда - депутат II и III Государственных Дум А.И. Шингарев волевым решением администрации был отстранен от участия в выборах.

Надо заметить, что вопрос о его избирательном цензе начал беспокоить думскую кадетскую фракцию уже в марте 1910 г., и, видимо, предполагая возможные осложнения при выборах в IV Думу и не желая рисковать одним из своих лидеров, ЦК партии Народной свободы постарался обеспечить Шингареву ценз и в других местностях. Так, в Уфимской губернии, где шансы кадетов оценивались достаточно высоко, им были приобретены 250 десятин земли, что делало избрание в Думу вопросом почти решенным.²⁶ Шингарев все же сделал попытку сначала искать счастья в родных краях, где был хорошо известен, и также мог надеяться получить симпатии большинства избирателей. Вместе с С.П. Бурениным он попытался 23 сентября организовать предвыборное собрание, но в тот самый час, когда избиратели уже шли в здание Хлебной биржи, где должна была состояться встреча, ее устроителям было предъявлено постановление губернатора о том, что они оба решением уездной комиссии по делам выборов в Государственную Думу от 22 сентября исключены из списка избирателей, и потому не имеют права устраивать собрания. Шингарев и Буренин за разъяснением причин такого произвола были вынуждены обратиться к самому губернатору, и тот, как сообщал осведомитель ВГЖУ, "очень любезно их принял, угощал кофе, но в то же время телеграфировал, чтобы их вовсе устранить, а им, между прочим, говорил, что распоряжение об исключении их из списков зависит вовсе не от него".²⁷

Причина, из-за которой Шингарев был вычеркнут из списка избирателей, заключалась в следующем: хотя лидер воронежских кадетов исправно платил квартирный налог, дающий ему право на участие в выборах, в своей квартире он, являясь депутатом Думы, не проживал, что, по мнению губернской администрации, лишало его права на ценз. Как ни абсурдным казалось это решение властей, оно имело под собой четкое юридическое обоснование: согласно разъяснения Сената от 13 декабря 1906 г. в избирательные списки не могли быть включены лица, не проживавшие в своей квартире последнего г.. Таким образом, усилиями властей и посредством юридической казуистики шансы воронежских кадетов на проведение ими в Думу своего депутата были существенно уменьшены.²⁸

Потеря А.И. Шингарева и С.П. Буренина была для воронежской организации партии Народной свободы невосполнимой, поскольку именно

они намечались выборщиками в губернское избирательное собрание по 2 городской курии. Достойная замена им так и не была найдена: выдвинутые кадетами Ф.И. Хрущев и В.И. Колюбакин, согласно едкому замечанию одного из местных октябристов, были “смехотворными” кандидатами, так как имели на двоих 130 лет, и если на выборах по городу еще могли на что-то надеяться, то “в губернском собрании у них совершенно нет шансов”.²⁹

В 1-й городской курии кадетов также ждала довольно чувствительная потеря. Один из намечаемых ими кандидатов, бывший городской голова Н.А. Клочков, всегда, впрочем, больше симпатизировавший октябристам, незадолго до выборов решил баллотироваться по списку Союза 17 октября. Как популярный в городе человек он, безусловно, мог рассчитывать на поддержку значительной части симпатизирующего кадетам электората. Единственным утешением для кадетов был тот факт, что ни Н.А. Клочков, ни второй выдвиженец октябристов - А.Н. Безруков, не согласились выставлять себя в качестве кандидатов в депутаты, решив даже в случае успеха ограничиться ролью выборщиков.³⁰ Такая слабость октябристских кандидатур давала определенные преимущества кадетам, которым теперь необходимо было только направить свои усилия на то, чтобы убедить избирателей, что их кандидаты, будучи избранными в Думу, будут представлять интересы не только своей партии, но и родного города. Этот аргумент, который уже не могли пустить в ход их главные соперники, мог сыграть решающую роль в определении исхода борьбы.

Наибольшую активность в кадетском стане развил присяжный поверенный С.А. Петровский, избранный в III Думу как кандидат от Союза 17 октября, но зарекомендовавший там себя как “беспартийный прогрессист, примыкающий скорее к крайнему левому крылу конституционно-демократической партии”. 26 августа он официально заявил в местной газете “Воронежский телеграф”, что он принадлежит к партии Народной свободы и выставляет свою кандидатуру в IV Государственную Думу. Несмотря на темное в политическом отношении прошлое, Петровский встретил полное сочувствие в симпатизирующих кадетам кругах, главным образом среди земских служащих. Как заметил “дедушка” воронежских кадетов В.И. Колюбакин, “в настоящее время мало работников, вокруг которых могли бы сплотиться”, поэтому надо объединиться вокруг Петровского и провести его в Думу, поскольку он “единственный человек в Воронеже, который сумеет урвать у правительства хотя несколько таких кусков, которые отравляют народ - военные положения, усиленные охраны и прочее”.³¹ Петровский стал часто выступать в местных газетах с разъяснением своих взглядов, встречаться со своими единомышленниками из числа членов губернской земской управы и адвокатуры, советуясь с ними по поводу приближающихся выборов, и в короткий срок су-

мел расположить к себе большую часть земских служащих, так, что даже жандармские агенты считали его избрание в Думу делом почти решенным, “так как почти все управские выборщики подавали за него”.³²

Между тем первая проба сил основных политических группировок в открытой борьбе и в то же время чуть ли не единственная попытка сво

цию, воронежские кадеты подошли к куриальным собраниям в обоих городских съездах с неплохими результатами: предварительными собраниями были одобрены почти все их кандидаты. Думается, что отчасти это было вызвано влиянием не растерянного еще окончательно политического капитала, нажитого в 1905-1907 гг., который продолжал делать кадетских кандидатов популярными среди избирателей, а отчасти откровенно пассивной позицией основных конкурентов - октябристов. Будучи изрядно скомпрометированными деятельностью В.А. Бернова (избирателям было хорошо известно о тесной дружбе ЦК Союза 17 октября и националистов в Петербурге), они не решались даже выступать под своим партийным флагом, предполагая делать упор в избирательной борьбе на личностях своих кандидатов. Однако тот факт, что Н.А. Клочков и А.Н. Безруков отказались баллотироваться в депутаты, спутал воронежским октябристам все карты, и они, по сути, отказались от активной борьбы. 16 сентября на частной встрече своих лидеров они решили никаких официальных предвыборных собраний не устраивать, а намеченных выборщиков рекомендовать избирателям только путем рассылки повесток.³⁵ Такие методы борьбы вряд ли помогли противникам кадетов справа увеличить число своих сторонников, и в итоге перед куриальными выборами в Воронеже сложилась следующая расстановка сил: по I-му съезду 438 правым избирателям (414 монархистов и 24 националиста) противостояли всего 256 левых (66 кадетов и 190 беспартийных прогрессистов), а по 2-му правые избиратели (1668 монархистов и 80 националистов), наоборот, уступали по численности прогрессистски настроенным беспартийным (2527) и кадетам (202).³⁶

Выборы по куриям, состоявшиеся 29 сентября и 2 октября, неожиданностей не принесли: почти все кандидаты, намеченные предварительными собраниями, попали в число выборщиков. Явка избирателей была невысока - чуть более 50% от списочного состава, и этот фактор также сыграл на руку кадетам. В 1-й курии, где, по предварительной оценке, их шансы были не очень высоки, симпатии большинства пришедших к урнам избирателей в последний момент все же склонились на их сторону - С.А. Петровский 274-мя записками, И.Т. Алисов 259-ю и В.И. Шауров 246-ю были допущены к участию в губернском избирательном собрании. Во 2-й курии победа кадетов была еще более безусловной: не встречая серьезного сопротивления со стороны своих политических противников, они легко привели к заключительной стадии выборов обоих своих кандидатов. Намеченный предвыборным собранием Ф.И. Хрущев получил 1983 записки, а вторым выборщиком стал один из главнейших кадетских лидеров в Воронеже, "известный своей политической неблагонадежностью", дважды привлекавшийся к суду за политические преступления В.И. Колюбакин, собравший 1526 записок.³⁷

Впрочем, позиции кадетов на предстоящем губернском избирательном собрании, даже с учетом полной победы в городе Воронеже, были довольно шаткими. Закон от 3 июня 1907 г., как известно, устанавливал такую систему, при которой большая часть выборщиков избиралась от землевладельцев, среди которых лиц с прогрессивными взглядами было совсем немного. Куриальные выборы в Воронежской губернии не стали исключе

нием из общего правила, подтвердив, что в сельских районах силы легальной оппозиции еще очень слабы. Преобладание в губернском избирательном собрании выборщиков от землевладельцев, священников и зажиточных крестьян привело к тому, что силы сторон перед решающим этапом борьбы расценивались следующим образом: 22 выборщика представляли духовенство, до 20 были правыми, 37 - октябристы, 26 - кадеты и сочувствующие им прогрессисты и 35 - крестьяне с неопределенными взглядами.³⁸ Понятно, что в такой ситуации исход выборов зависел от поведения наиболее влиятельной группы - октябристов. До самого последнего момента их лидеры в своих выступлениях заявляли, что вступать в блок с националистами и духовенством не намерены и, наоборот, весьма сочувственно отзывались о кадетах, считая, что если из программы партии Народной свободы "выбросить принудительное отчуждение, то она ничем не отличается от программы октябристской". Многие полагали, что кандидаты октябристов могут пройти в Думу лишь при поддержке других оппозиционных сил, поэтому вопрос о соглашении с кадетами считался уже почти решенным, а "Русское слово" отмечало, что в Воронежской губернии блок октябристов и кадетов просто неизбежен.³⁹ Для воронежских кадетов, если они хотели добиться успеха на выборах, самой главной задачей стал поиск точек соприкосновения с октябристами.

Разрешением этого вопроса перед предстоящим 20-21 октября губернским избирательным собранием должны были заняться кадетские выборщики, собираясь 18 и 19 октября в гостинице "Гранд-Отель" за "незначительной выпивкой". Кроме четырех выборщиков от Воронежа (С.А. Петровский, И.Т. Алисов, В.И. Коллюбакин и Ф.И. Хрущев), там присутствовали Р.Ю. Будберг (Валуйский уезд), В.Н. Потулов (Новохоперский уезд), Д.А. Грушке и Ф.Е. Савенков (Землянский уезд), Н.В. Руднев (Острогожский уезд), И.М. Трофимов и А.А. Прозоровский (Задонский уезд). Встречи эти происходили, как утверждал агент охранки, "не ради выпивки, так как счет был подан на 10 р. с копейками за оба вечера", а "по поводу предстоящих ... выборов членов Государственной Думы".⁴⁰ Подробности этих бесед до нас, конечно, не дошли, но, судя по результатам выборов, вечера в "Гранд-Отеле" были использованы воронежскими кадетами не лучшим образом: соглашения с октябристами, которое только и давало шанс левым выборщикам, достигнуто не было. В последний момент октябристы пошли на союз с правыми и духовенством, что, по выражению "Воронежского телеграфа", привело к "разгрому всех кандидатов оппозиции".

20-21 октября события в губернском избирательном собрании разворачивались по следующему сценарию. Сдав выборы по куриям уполномоченных от волостей и землевладельцев на откуп правым и октябри-

стам, кадеты по 1-й городской курии выдвинули сразу двух кандидатов - С.А. Петровского и И.Т. Алисова. Их основным соперником был избранный от города Бирюча крупный землевладелец, депутат III Государственной Думы Е.П. Ковалевский, октябрист по взглядам. Значительно уступая в численности правому блоку, кадеты вчистую проиграли борьбу: Ковалевский один набрал почти столько же голосов (90), сколько оба его главных соперника (Алисов - 49, а Петровский - всего 44 голоса).⁴¹ Подобным же образом прошли выборы по 2-й городской курии. Двум левым выборщикам - Н.В. Рудневу и В.И. Коллюбакину - противостоял здесь выдвинутый правыми малоизвестный секретарь Богучарской городской управы М.С. Акалелов, который в итоге 70-ю голосами получил мандат депутата Думы. Руднев с 51 голосом и Коллюбакин с 41, как ранее и их товарищи, оказались в числе проигравших.⁴² На второй день, в голосовании по общему составу собрания, "разгром кандидатов оппозиции" продолжался: никто из баллотировавшихся левых выборщиков (а в их числе вновь были С.А. Петровский, И.Т. Алисов, В.И. Коллюбакин, Н.В. Руднев и А.А. Блинов) не получил более 50 шаров - предел, который смогла достигнуть на этих выборах оппозиция, - тогда как все кандидаты правого блока легко обеспечили себе необходимые для избрания 70 голосов.⁴³

Результаты выборов явили перед воронежскими кадетами безрадостную картину - даже по сравнению с избирательной кампанией в III Думу, где они сумели провести в депутаты всего одного своего кандидата, их положение еще более ухудшилось. В четвертый состав Государственной Думы от Воронежской губернии не попал ни один депутат с прогрессивными взглядами. Победу почти поровну поделили между собой правые и октябристы - в состав представительного органа вошли шестеро вновь избранных правых депутатов, что же касается октябристов, то все пятеро их депутатов остались в составе Думы на второй срок. Еще один народный избранник - крестьянин Острогожского уезда М.К.Котляров был назван в жандармской сводке "беспартийным".⁴⁴

Между тем, в целом по стране партия кадетов, хотя и не добилась предрекаемых некоторыми ее лидерами в преддверии выборов успехов, но все же сумела несколько увеличить для себя - с 52 до 59 - количество мест в Думе. Причем своих депутатов партия Народной свободы сумела провести не только в столицах, где ее победа была безоговорочной, но даже в аграрных областях, где шансы кадетов попасть в Думу были не выше, чем в Воронежской губернии. Принимая во внимание тот факт, что кадетские организации во всех губерниях России находились примерно в одинаковом положении, закономерно поставить вопрос о причинах неудач воронежского комитета кадетской партии относительно ряда других губерний. Из изложенного видно, что основная причина его про-

вала кроется в отсутствии отлаженной организации с ясным планом борьбы и признанными лидерами. Когда настал момент, в который необходимо было проявить повышенную активность для привлечения под свои знамена как можно большего количества избирателей, местные кадеты не сумели наметить достойных кандидатов, определенный план действий и найти союзников, которые могли бы помочь им в борьбе с правыми. Не имея какой-либо

опоры в уездах, они даже не сделали попытки обрести ее за счет избирателей городских курий уездных городов, которые могли бы им принести дополнительное количество выборщиков. И если в результате личного влияния отдельных членов своей партии кадетам удалось одержать ряд побед на первых этапах предвыборной гонки, то отсутствие соглашения с единственным возможным союзником - октябристами - на заключительной стадии не оставило им каких-либо шансов на успех.

¹Цит. по: Вишневский Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1993. С. 61.

²Там же.

³Там же, С. 65, 70, 71, 79, 81.

⁴Там же, С. 44.

⁵Государственный архив Воронежской области (далее - ГАВО), ф. И-6, оп. 1, д. 990, л. 3, 12об.; д. 1227, л. 2, 16; оп. 2, д. 103, л. 22.

⁶Там же, оп. 1, д. 982, л. 17; д. 1227, л. 22; оп. 2, д. 110, л. 3, 8.

⁷Там же, оп. 2, д. 103, л. 26; ф. И-29, оп. 1, д. 1577, л. 17.

⁸Там же, ф. И-6, оп. 1, д. 1323, л. 1, 5. См. также: История политических партий Центрального Черноземья. Курск, 1995. С. 76-77.

⁹“Воронежский телеграф”, 26.11.1908 г.; ГАВО, ф. И-6, оп. 2, д. 103, л. 30.

¹⁰ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 561, л. 2об.

¹¹Там же, д. 467, л. 447.

¹²Цит. по: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л., 1990. С. 235-237.

¹³ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 904, л. 1-1об.

¹⁴Там же, л. 2-2об.

¹⁵Там же, д. 972, л. 2-7.

¹⁶Там же, д. 904, л. 5-5об.

¹⁷Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ), ф. 932, оп. 1, д. 132, л. 53-54; “Воронежский телеграф”, 15.07 и 22.07.1912 г.

¹⁸ГАВО, ф. И-6, оп. 1, д. 1937, л. 55.

¹⁹Там же, ф. И-1, оп. 2, д. 904, л. 30.

²⁰См.: Там же, л. 55, 56, 59, 63, 123, 124.

²¹Там же, д. 968, л. 15-15об.

²²Там же, л. 8.

²³Там же, л. 29-37об.

²⁴Там же, л. 81-81об.

²⁵ГА РФ, ф. 932, оп. 1, д. 132, л. 63; ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 968, л. 29-37.

²⁶ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 904, л. 38.

²⁷Там же, д. 916, л. 334; д. 961, л. 64. Частично и не совсем точно этот эпизод изложен в книге: Вишневский Э. Указ. соч., С. 95.

²⁸Хрущев А.Г. Андрей Иванович Шингарев: его жизнь и деятельность. М., 1918. С. 59; “Вестник партии Народной свободы”, 1906, №43, С. 2333. А.И. Шингарев все же добился своего избрания в IV Государственную Думу, но на этот раз от города Санкт-Петербурга, где за него проголосовали 56% избирателей.

²⁹ГА РФ, ф. 932, оп. 1, д. 132, л. 60.

³⁰“Воронежский телеграф”, 4.09 и 12.09.1912 г.

³¹ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 904, л. 45-45об.; д. 539, л. 3-3об.; д. 916, л. 364об.

³²Там же, д. 904, л. 45об.; д. 916, л. 334.

³³Там же, д. 904, л. 93-94об.

³⁴Там же, л. 58, 61-62, 77, 91-92, 103-105.

³⁵Там же, л. 78-78об.; ГА РФ, ф. 932, оп. 1, д. 132, л. 57-58.

³⁶Оценка эта была дана воронежским полицмейстером еще в начале сентября, но при той неразвитости политической агитации она вряд ли могла за месяц существенно измениться. ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 904, л. 46.

³⁷Там же, д. 968, л. 11, 12.

³⁸«Воронежский телеграф», 19.10.1912 г.

³⁹Там же, 26.08, 29.08 и 23.10.1912 г.

⁴⁰ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 916, л. 371об-372об.

⁴¹Там же, ф. И-29, оп. 1, д. 1577, л. 31.

⁴²Там же, л. 31об.

⁴³«Воронежский телеграф», приложение к номеру от 22.10.1912 г.

⁴⁴ГАВО, ф. И-1, оп. 2, д. 968, л. 40; ф. И-6, оп. 1, д. 1272, л. 10-14

Примечание [h&c1]:

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

А.В. Фененко

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М.БАРРЕСА В СИСТЕМЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА.

В последние годы отечественная историческая наука начинает уделять все большее внимание изучению феномена «консервативной революции». На первый взгляд, трудно объяснить рост интереса к этой проблеме по мере удаления в прошлое в Второй мировой войны. Но, как отмечает Х.Арендт, «еще сильнее, чем безусловное послушание участников тоталитарных движений и всенародная поддержка тоталитарных режимов, смущает наш душевный покой та неоспоримая притягательность, какой эти движения обладают в глазах не только отбросов общества, но и элиты»¹.

В наши дни обращение к «консервативной революции» - это не только чисто научный интерес к настроениям в Германии в 1918-1932 гг. Начиная с 1994 г. у российской элиты стал наблюдаться широкий отход от либеральных принципов, что вызвало появление в 1995 г. книги А. Янова: «После Ельцина. «Веймарская» Россия»². Сегодня поражение СССР в «Холодной войне» в 1991 г. З. Бжезинский открыто сравнивает с крушением императорской Германии в 1918 г.³. Следом за 1918 г. там наступил 1933-й. Русская «Консервативная революция» приобретает ярко выраженные параллели с «германским вариантом», (см., например, работы А. Дугина, Б. Прусакова и других современных отечественных «революционных консерваторов»). Поэтому изучение мировоззренческих систем европейских мыслителей подобного толка становится одной из важнейших проблем отечественной исторической науки.

К сожалению, современная историография обращается в основном только к одной из разновидностей «консервативной революции» 20-30 гг. XX в. - немецкой. Видимо, это связано с тем, что размышления германских интеллектуалов 20-х годов завершились нацистским экспериментом и

самой кровавой в истории человечества войной, то есть имели далекоидущие последствия. Если истории «Консервативной революции» в Германии посвящается все больше работ, то о «консервативных революционерах» других стран мы в основном узнаем из достаточно тенденциозной книги А.Дугина.⁴

Главное внимание при анализе консервативной мысли уделяется в основном или английскому, или германскому направлениям. Такую позицию нельзя считать случайной, поскольку она базируется на классической схеме основателя современной политической науки К. Мангейма, согласно которой консерватизм как политическая идеология может существовать или как идеология класса крупных землевладельцев, который эволюционным путем включается в социальную структуру буржуазного общества (как в Великобритании), или как идеология, опирающаяся на милитаризм и всеобщую воинскую повинность, которые ломают традиционную структуру общества, задерживая изменения путем создания военизированной элиты (как в Пруссии)⁵.

Франция XIX - XX вв. как будто оставалась в стороне от этих течений. Из этого делается вывод об общей слабости французского консерватизма конца прошлого - начала нынешнего столетия. Например, в отечественной историографии французский политический консерватизм рассматривался только как узкое движение ультрароялистов во второй четверти XIX в. (таких как Ж. Де Местр, Л. де Бональд, граф Монлозье, граф де Гобино, Ф.Р. де Шатобриан), отражавших реакцию монархических коалиций на революцию во Франции и выступавших за восстановление тех порядков, которые существовали до 1789 г.⁶ Но такая точка зрения на консерватизм несет на себе отпечаток политической полемики и идеологической борьбы середины и второй половины нашего столетия. Задним числом она переносит на либерализм и консерватизм, две основные идеологии современной цивилизации, возникшие в начале XIX в. принципы социал-демократизма и фашизма, то есть их наиболее радикальных течений XX столетия.

Между тем, фундаментальные ценности французского политического консерватизма, заложенные еще в 30 гг XIX в. А. Де Токвилем,⁷ критиковавшим либерализм за разрушение структур традиционного общества, являются антиподами общественных идеалов фашистского и милитаристского движений. Эти ценности были изначально ориентированы на сохранение традиционных социальных структур, тогда как фашизм выступает за разрушение этих структур и апеллирует к толпе, массе, управляемой одним диктатором. Поэтому французский консерватизм не стал знаменем массового движения профашистского типа, и этот опыт может оказаться полезным для современной российской элиты. А ведь именно трансформация ценностей традиционного консерватизма через обраще-

ние к милитаристской идеологии прусского образца была причиной победы в XX в. этого идеологического учения в Германии, Италии и угрожает сделать это в современной России. Почему же во Франции консервативная идеология не претерпела такой масштабной трансформации в первой половине нашего столетия, как в странах Центральной Европы, и не создала массовый «союз черни и элиты»? Ответить на этот вопрос невозможно без обращения к трудам М. Барреса, чье творчество завершает развитие французских консервативных систем XIX века и закладывает основы консервативных движений нашего столетия.

Морис Баррес, родившийся 19 августа 1862 г. в провинциальном городе Шарм департамента Вогеzy, был не только известным политиком, но и писателем-модернистом, членом Французской Академии с 1906 г.. Особенностью его книг является то, что их герой пытается обратиться к анализу современных ему политических событий и предложить новые идеологические ценности своей эпохе, рассказывая о собственной жизни и своих наблюдениях. Свои фундаментальные идеологические установки Баррес изложил в известной литературно-политической тетралогии, состоящей из книг: «Кульt Я», «Враг законов», «Роман национальной энергии» и «Вдохновенный холм». Эта политическая эпопея посвящена проблемам, стоящим перед личностью в современную кризисную эпоху и проблеме национализма, особенно актуальной для Барреса как патриота, тяжело пережившего поражение Франции в 1871 г. и присоединение большей части его родной Лотарингии к Германии. При этом он пытается утвердить консервативные ценности, которые у него тесно связаны с католическим движением. Кроме этих, произведений французский консерватор оставил также свои политические и культурные записки, известные как «Mes cahiers» («Мои тетради»), синтезирующие в энциклопедической форме его политическую концепцию⁸. Определенный перелом в его взглядах наступил в связи с путчем генерала Буланже 1889 г., переориентировавшим автора «Культа Я» от пассивного наблюдения за политической жизнью к активному участию в ней. Начиная с 1896 г. Баррес становится членом Палаты депутатов и вплоть до своей смерти в 1923 г. занимает видное место в политической и культурной жизни Франции и всей Европы.

Несмотря на недостаточную изученность творчества Барреса в исторической и политической литературе, можно выделить две полярно-противоположные оценки его работ.

Первая, на которой была построена вся отечественная историография вплоть до начала 90-х гг., рассматривает творчество французского консерватора как «реакционную критику социализма», «набор расистских идей», и «апологию католицизма»⁹. Например, в фундаментальном исследовании по истории Франции 1918-1939 гг. Рубинского Ю.И.: «Тре-

возные годы Франции» (1973г.) теория Барреса оценивается как «идеология воинственного шовинизма», основа пропаганды «правой реакции».¹⁰ Такая точка зрения распространена не только в отечественной, но и в западноевропейской историографии. Самую резкую оценку барресовской политической

теории мы найдем у крупнейшего исследователя тоталитаризма Х.Арендт, для которой «нигилистический национализм Барреса и Морраса» не сильно отличается от гитлеровской пропаганды.¹¹

Однако внимательное изучение работ «ультракритически» настроенных по отношению к Барресу авторов позволяет усомниться в их оценках. Например, Рубинский считает принципами «крайне правой» идеологии призыв французского политического деятеля первой четверти XX в. Мильерана к «единению, труду, солидарности между классами, экономическому либерализму и расширению полномочий главы государства». В то же время, согласно его оценке, единомышленники Барреса - Моррас и Теттенже - настаивали на собственной независимости как от либерализма, так и от социализма.¹² Поэтому другой - «альтернативный» подход позволяет увидеть в известном французском консерваторе не традиционного для левой историографии «империалистического мракобеса», а тесно связанного с религиозной традицией патриота. Эта оценка появилась еще при жизни Барреса (в том числе и в нашей стране),¹³ и в настоящее время ее примером может служить статья Ги Дюпре «L' Autre Barres» («Иной Баррес»), помещенная в качестве предисловия к «Mes Cahiers» 1994 г. издания.¹⁴ Но центральная идея статьи Дюпре - представить автора книги скорее как элитарного, а не шовинистического мыслителя - возродилась только в настоящее время, так как в нашем столетии после событий 1933 - 1945 гг. на консервативных мыслителях долго лежала печать подозрения в «профашизме». Противоречивые оценки фигуры Барреса в историографии заставляют по-новому посмотреть на его творчество в современную эпоху глобальной переоценки ценностей.

Консервативная система М. Барреса сложилась на рубеже XIX-XX вв. и несет на себе отпечаток борьбы двух основных тенденций эпохи: с одной стороны, классического национализма XIX века, лозунгом которого можно считать слова Вильсона «каждому народу - свое государство», а с другой - национализма XX века, превратившегося после 1914 г. в доктрину образования сверхнациональной империи, в которой **одна** нация займет господствующее место. Сам Баррес осознавал борьбу этих двух тенденций, говоря о том, что «я присутствовал при крещении национализма, я присутствую и на его похоронах».¹⁵ Это можно понимать как осознание перехода «национальной идеи» XIX века в новое качество. Какие же тенденции переходного времени оказали влияние на французского мыслителя?

От традиционного понимания национализма Баррес, безусловно, позаимствовал теорию экспансии как простого государственного расширения. Своеобразным «вызовом» для его творчества стало резкое усиление Германского мира в 1871 г., в результате чего он превратился в самое мощное образование Европы, которому в одиночку не могли противо-

стоять ни Романский, ни Славянский, ни даже Англосаксонский миры. И М.Баррес был одним из первых европейских мыслителей, осознавших масштаб восхождения Германского мира и последствия нарушения им системы европейского равновесия. Поиск ответа на этот непростой вызов времени стал центральной темой барресовских книг.

Например, еще в 1898 г., анализируя взгляды известного немецкого политика Миттельшtedта, Баррес отмечал, что Германия и в мирный период продолжает идеологически и политически вооружаться: «Немецкие политики, - пишет он,¹⁶ - начиная с 1870 г. решили усилить импульс собственного развития и они выдержали экзамен: они хотели создать мощную армию и получили мощную промышленность». В то же время, Франция - опора Романского мира все более и более слабеет. Причину этого французский консерватор видит в политике правительства, которое «отрывается от народа, желает вернуться в прошлое и превращается в химеру».¹⁷ Это несоответствие правительственной политики с национальными интересами особенно ярко видно для него в разнице подходов французов и немцев к обеспечившему немцам преимущество Эльзасскому лимитрофу. Еще в 1897 г. он отмечает, что если бы состоялся плебисцит в Эльзасе, то не более 20-ти человек из ста поддержали бы власть Германии.¹⁸ А вместе с тем, немцы обучают эльзасцев в школе, что они - законные члены немецкого содружества, в то время как эльзасцев-эмигрантов во Франции презирают и называют «пруссакими».

Таким образом, Баррес подводит нас к выводу, что в 1870 г. Германский мир одержал не только военную победу над миром Романским, но и победу духовную, в результате которой в течение 44-х лет могущество Германского мира росло, тогда как могущество мира Романского убывало. И это объясняется для французского консерватора не столько военным поражением Франции, сколько ее «моральным разоружением» в мирное время. Наиболее формулировку этой теории можно найти у Барреса в 1914 г.: «В течение сорока четырех лет каждый из нас участвовал в ослаблении нашей страны. Это была общая чаша всех французов... они опасались пруссаков и восхищались ими... Мы реально обесценили достоинство единства. Один немец считался сильнее всех нас».¹⁹

Таким образом, вывод французского консервативного политика о том, что слабость государства объясняется только его «моральным разоружением», «духовным упадком» показывает его зависимость от классического национализма XIX века, национализма Наполеона III и Бисмарка. Эта концепция рассматривает государственное величие исключительно как территориальную экспансию и способность прямой военной силой угрожать соседям. И Баррес всецело разделял эту точку зрения, призывая, к примеру, в 1911г. (во время франко-германского спора вокруг Марокко) занимать как можно более жесткую линию и не остановиться даже перед

войной: «Я опасаюсь, если сильно ослабнет позиция Франции на переговорах в военной атмосфере этой эпохи... Не хватает единства в политике... *Соглашение не может удовлетворить ни их, ни нас* (курсив мой - А.Ф.)».²⁰

Следует отметить, что теория XIX века о «моральном разоружении» является общей для всех национал-патриотов вплоть до наших дней. Например, в Германии 1918-1919 гг. она выступала как идея о «кинжальном ударе в спину», то есть революции, приведшей к поражению в Первой мировой войне. А в современной России - это идея, что СССР проиграл «Холодную войну» только из-за того, что «в условиях конфронтации жесткой и бескомпромиссной политике Вашингтона была противопоставлена мягкая, идущая на компромиссы линия Москвы».²¹ Для всех подобных авторов - от Барреса и Меллера Ван ден Брука до Крейтора - война больше соответствует национальным интересам, чем дипломатический компромисс.

Вместе с тем, барресовскую националистическую концепцию невозможно полностью описать в рамках классического экспансионизма XIX в. С его точки зрения, противостояние Романского и Германского миров восходит не к военным победам и поражениям 1806 и 1870 гг., а имеет значительно более глубинные основания: это противостояние двух систем, двух моделей развития Европейского континента - христианского мира во главе с Францией и мира социалистического во главе с Германией.²² Если в концепции Барреса национальная идея Франции и всего Романского мира, восходящая к обновленному католицизму, глубоко созидательна и универсальна по своей сути, то «германизм» выступает как антихристианская идея социализма, «иная Европа», лежащая за Рейном. «Объединенный социализм, синдикализм, - указывает французский политолог начала века, - это церкви, организации, построенные из камней ненависти и мечты».²³ В этом вопросе точка зрения Барреса вновь происходит от геополитической мысли XIX столетия от Тьерри и Гобино до Тютчева и Достоевского, рассматривавшей историю Европы как борьбу романской и германской культур. Он видит в католицизме основу для сохранения свободы личности, вследствие универсальности его идеологии, ее возвышенностью над узко национальной государственностью, в то время как немецкий социализм видится ему как псевдоцерковь, проповедующая утопическую мечту, для построения которой необходимы основанные на насилии «Крестовые походы» против неверных. Отсюда уже недалеко до вывода об изначальной враждебности германизма всему Романскому миру, и Баррес такой вывод делает.

Классическая формулировка несовместимости Франции и мира прусского социализма дана французским консерваторм в 1913 г.: «В Германии именно социалисты набросятся с наибольшим пылом на добычу, которую представляет собой Франция, потому как их избыточное население чувствует себя в тесноте... и поскольку они дорожат своим доктринерством, они всегда найдут какого-нибудь философа, который им объяснит, что правом обладания наделены только те, кто способен защитить

то, чем они обладают».²⁴ И, наконец, в 1923 г. французский консерватор геополитик видит в «прусском социализме» нечто враждебное и угрожающее всей Европейской цивилизации: «Если кто-то захочет реализовать идеи Шпенглера, можно будет сказать: «Конец европейскому сознанию».²⁵ Таким образом, согласно Барресу, сама идея Германского мира совершенно неприемлема для Франции.

Итак, начинавший как приверженец геополитической теории XIX столетия, видящей в европейской истории борьбу романской и германской рас, Баррес подошел к видению мира как противостояния двух полярно-противоположных интернациональных блоков. После Первой мировой войны, в 1921 г. он уже говорит прямо, что прусская идея равна социализму: «В войне потерпела поражение германская армия, но не дух германского мира - социализм: он развивается в Германии в виде ультра-пруссачества, которое хочет соединить рабочих и лидеров старой идеи прусского государства... Пруссачество - это неизгладимый характер данной политики, которая может быть представлена как в милитаристском образе Людендорфа, так и в социалистическом образе Штресемана»²⁶.

Тем самым, Баррес делает два принципиальных для своей концепции вывода. Во первых, он рассматривает «социализм» как псевдорелигию, глубоко враждебную христианству, основанную на культе ненависти и милитаризма, и имеющую цель организовать мир в виде улья или муравейника (милитаристская индустриальная Пруссия). Во вторых, он считает «социализм» идеей, глубоко враждебной католическому миру и связанной с идеей германизма. Развивая традиции XIX века, он видит в социалистической идее ответную реакцию германизма на бунт во имя свободы романских народов в 1789 г. Отсюда следует идеологическое противостояние двух военно-политических блоков в Европе.

Согласно французскому консерватору, христианский мир во главе с католической Францией, обновленной возвращением к национальной религиозной идее, должен противостоять деструктивной религии социализма и милитаризма, характерной для Германского мира. И здесь Баррес подходит уже к совершенно иной исторической эпохе второй половины XX в., эпохе «Холодной войны», когда национальные империи трансформируются в идеологические.

О враждебности современному миру пангерманской идеи, дополненной принципами социализма, писали не только французские консерваторы типа Барреса и Лебона, но и классики либерализма. Можно привести в качестве примеров точки зрения Хайека и Поппера, которые сходны с вышеприведенными положениями. В 1940 г. Хайек писал: «... где-то около 1870 г. экспансии английских идей на Восток был положен предел. С этих пор началось их отступление, и иные их шестидесяти лет центром, где рождались идеи, распространявшиеся на Восток и на Запад, стала

Германия. И был ли это Гегель или Маркс, Лист или Шмоллер, Зомбарт или Мангейм, был ли это социализм, принимавший радикальную форму, или просто «организация» и «планирование» - немецкая мысль всюду оказывалась ко двору, и все с готовностью начали воспроизводить у себя немецкие

общественные установки».²⁷ Еще более резок (и близок к Барресу!) был К. Поппер: «Однако, то с чем мы только что познакомились, не вселяет в меня большого оптимизма по поводу немецкой культуры, и я всецело согласен с тем, что сказал О.Колнай: «Как бы ни казалось это парадоксальным, мы, по-видимому, можем найти утешение по поводу немецкой культуры в том, что в конце концов кроме Германии прусских мыслителей существует еще и Германия прусских генералов»²⁸. Являются ли эти совпадения случайными?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести некоторые сравнительные параллели между французской системой М. Барреса и немецким консервативным учением О. Шпенглера. Именно идеи Шпенглера Баррес воспринимал как воплощение прусской цивилизации, несовместимой с Романским миром. Какие же положения «революционного консерватизма» вызывали резкое неприятие и у классических консерваторов, и у либералов XX в.?

Основным положением шпенглеровского революционного консерватизма является нигилистическая система. Термин «нигилизм» (от лат. Nihil - ничто) имеет три значения:

- 1) отрицание общепринятых ценностей: идеалов, моральных норм, культуры, форм общения, жизни;
- 2) культурологическое и философское течение, популярное в Европе в XIX - XX вв., ставящее в центр бытия идею Ничто;
- 3) особый вид религии, на который опираются тоталитарные учения от Китая до Западной Европы, исповедывающий создание государства на принципах улья или муравейника в политике, а в религии - чисто негативный культ Ничто. Что касается Шпенглера, то он создал совершенно новый тип нигилизма, придав ему облик политической философии. Это становится особенно заметным, если обратиться к тем трем аспектам нигилизма, которые составляют основу культурологических построений «Заката Европы».

Первым постулатом этой теории является профанация - преднамеренное отрицание всех высших аспектов человеческого бытия. В исторической концепции Шпенглера это нашло свое отражение в «зооморфном» понимании человеческого общества, приравниваемого к растительным организмам.²⁹ Поэтому, исходя из упрощения поведения человека по формуле «стимул - реакция», характерной для социал-дарвинизма XIX в., немецкий консерватор видит идеальное государство - прусский социализм - как «принцип чиновно-административного».³⁰

Вторым аспектом политического нигилизма является теория социального упрощения. Здесь интересно отметить, что одну из глав «Заката Европы» Шпенглер назвал «Буддизм, стоицизм и социализм», увидев таким образом за 60 лет до выхода книги Шафаревича загадочную связь социа-

листического и буддистского мировосприятия. Для немецкого консерватора обе формы мировосприятия являются логическим итогом развития разных культур.³¹ Следовательно, всю схему истории можно представить как развитие от динамичного общества к статичному. На стадии культуры существовало некое раздвоение, основа любого развития - поиск и духовная самодостаточность; на стадии цивилизации духовные основы общества погибают, и голая рациональность принудительно организует мир.³²

Поэтому для немецкого мыслителя движение есть зло - оно изначально ведет к смерти. Исходя из этого, Шпенглер как классический нигилист рассматривает отсутствие развития (т.е. Покой) как благо, лучшую форму существования общества. И уже отсюда им делается вывод о необходимости путем мобилизации всего потенциала культуры остановить процесс движения и деградации, т.е. остановить деградацию элит. В «Пруссачестве и социализме» он дает наглядный образец подобного государства, построенного на принципах четкого сословного разделения общества, в котором правящий класс, следящий за невозможностью изменений, абсолютно отделен от основной массы подданных.

Задачу создания подобного государства в европейском масштабе Шпенглер возложил на Германию, связав идеи нигилизма с немецким национализмом.³³

Совершенно иначе выглядит теория М. Барреса. В 1922 г. он изложил ее основные принципы в небольшом эссе «L'Etat mystique» (дословно - «Мистическое государство», однако для консерваторов начала XX в. «мистическое» государство означало «идеальное», поэтому мы можем перевести как «Идеальное государство»)³⁴ Под ним французский консерватор понимает сильную власть, контролирующую жизнь народа под видом покровительственных функций, т.е. жесткий патернализм. Но, если вспомнить религиозную теорию Барреса, то становится понятным глубокое различие между магистральными путями развития французской и немецкой консервативной мысли. Если Шпенглер рассматривал экспансионистскую тенденцию как «рок, нечто демоническое и чудовищное» и считал высшими лишь народы, стремящиеся к созданию Империи,³⁵ то Баррес видит в сохранении религиозных ценностей «самую жизненную и самую проверенную» идею. Таким образом, если здесь немецкий консерватизм носит преимущественно этнический характер, что опирается у Шпенглера на сравнение человечества с биологическими видами животных, то Баррес, видит в государстве проявление традиционной национальной, т.е. культурной, а не этнической идеи. Это различие позволило в XX веке в Германии перейти к «революционному консерватизму» и национал-социализму, в то время как Франция осталась страной классического, элитарного консерватизма.

Конечно, Барреса не следует представлять защитником либеральной демократии подобно Р. Рейгану или М. Тэтчер. В 1902 г. он видел основой будущей Франции некую «органическую демократию»,³⁶ теория которой состоит из 2 пунктов: 1) широкое народное представительство и 2) контроль, осуществляемый над экономическими и социальными структурами

некой «общенациональной» идеологией. XX век показал утопичность подобных взглядов: в условиях «ультраправых» режимов, подобных франкистской Испании или пиночетовскому Чили, от демократии в ее прямом смысле этого слова не остается почти ничего. Вместе с тем, существует и кардинальное различие крайне правых и тоталитарных режимов. У Барреса оно проявляется в отсутствии тотального отрицания принципов 1789 г. - принципов свободы и юридического равенства.³⁷ Французский консерватор не считал, подобно Гегелю или Шпенглеру, высшим типом государства монархию или фюрерство - он выступал за народный представительный орган.³⁸ Иначе говоря, если немецкий консерватизм от Гегеля до Шпенглера рассматривал государство как власть элиты - «воплощения нации», то французский, как можно увидеть на примере Барреса, рассматривает государство как отражение воли и традиций всей нации.

Завершая наш анализ, мы можем смело назвать Барреса классическим, а не революционным консерватором. Его концепция опровергает точку зрения, согласно которой в XX веке консерватизм исчез как политическое течение. Именно «чистый консерватизм» позволил Франции в XX в. избежать создания массовой тоталитарной партии.

¹ Арендт Х. Временный союз черни и элиты. //Иностранная литература, 1990, №4. С.242.

² Янов А. После Ельцина. «Веймарская Россия». М., 1995.

³ «Держава». Декабрь 1995.С.17

⁴ Дугин А. Консервативная революция . М., 1994.

⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.С.579

⁶ История Франции / под ред. А.З. Манфреда Т.2 М., 1973.С.194-198.

⁷ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992

⁸ Barris M. Mes cahiers: 1896-1923. Paris, 1994.

⁹ Б С Э. Т.3. М.,1970. С.16.

¹⁰ Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции: борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена. М., 1973.С.28.

¹¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.С.198.

¹² Рубинский Ю.И., указ. соч.С.197.

¹³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: биографии. М., 1973 С.694.

¹⁴ Guy Duprй. L'Autre Barris// Barris M. Mes cahiers: 1896-1923.Paris, 1994 P.II-XVIII.

¹⁵ Ibidem. P.IX.

¹⁶ Barris M. Mes cahiers: 1896-1923. Paris, 1994.P.101.

¹⁷ Ibid.P.101

¹⁸ Ibid.P.83

¹⁹ Ibid.P.740.

²⁰ Ibid.P.620-621.

²¹ «Держава». Декабрь 1995.-С.17

²² Barris M. Op. cit. P.925.

²³ Ibid.P.668

²⁴ Ibid.P.669

²⁵ Ibid.1008.

²⁶ Ibid.P.925.

²⁷ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992.С.24.

²⁸ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.2. М., 1992.С.94

²⁹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 150-151.

³⁰ Шпенглер О. Пруссачество и социализм // Современный Запад. 1923. №2. С. 195

³¹ Шпенглер О. Закат Европы. С. 189.

³² Там же. С. 539.

³³ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. // Современный Запад. 1922. №1. С. 81.

³⁴ Battis M. Op. cit. P. 946-948

³⁵ Шпенглер О. Пруссачество и социализм // Современный Запад. 1922. №1. С. 81.

³⁶ Battis M. Op. cit. P. 946.

³⁷ Ibid. P. 161.

³⁸ Ibid. P. 101.

А.В. Акульшина.

ПАН-ЕВРОПЕЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ.

Название «Европа» появилось в конце VIII века до н. э. Почти столь же древна и «идея Европы». Как писал Ключевский: «Наши идеалы не принадлежат исключительно нам и не для нас одних предназначались: они достались нам по культурному преемству от других обществ, созданы житейскими опытами и умственными усилиями других народов...»¹

Рост интереса в обществе к европейской идее в начале века не был случайным. Это явилось следствием социальных, политических, экономических изменений в обществе. Французский историк Рене Жиро выделил несколько факторов, которые могли бы привести к осознанию Европы как единого целого. Во-первых, существование западноевропейской общности, достаточно однородной, несмотря на региональные особенности; во-вторых, связь в сознании европейцев экономического роста с процессом европейской интеграции; и в-третьих - создание единой Европы служит как гарантия сохранения мира на континенте.²

У истоков солидарности европейской буржуазной аристократии - общность «европейских городов на воде»³. Речь идет об определенной группе городов, таких как, например, Виши, Баден-Баден, Спа, Карловы Вары, которые следовали традиции Северной Италии располагаться рядом с озерами. Они образовали некое микрообщество, для которого характерны французский или немецкий языки, свободное передвижение, знатное происхождение, разбавленное со временем выгодными браками с буржуазией. Это микрообщество разделяло установленные обычаи, нормы и даже запреты. Вместе с тем, оно было замкнутым, стремилось дистанцироваться от других социальных групп. Его представители считали себя европейцами.

Вторая «интернациональная» среда - европейские рабочие, представители социалистического движения. В. Гюго, ратовавший за создание «Соединенных Штатов Европы», обращался именно к рабочим. Тем не

менее, все же здесь вес национализма был значительным. Так, например, во время конференций Социалистического интернационала самые острые разногласия были между представителями немецких и французский рабо

чих. Начавшаяся первая мировая война показала, что, если идеи не имеют границ, то реальность - призывает к защите Родины.

Европейская идея была близка для интеллектуальной элиты, людей искусства. Художники, писатели, артисты стремились преодолеть внутриевропейские границы с целью свободно жить и работать в столицах Европы. Однако солидарность в мире науки, культуры и искусства не исключала национального чувства, как это стало очевидно в годы войны. Война с ее жестокостью и бесчеловечностью вызвала такие течения как экспрессионизм, сюрреализм, то есть бунт против существующего порядка вещей. Это явление имеет интернациональный характер и способствует развитию европейского сознания. Идея возможного отказа от границ во имя установления в Европе общечеловеческих, культурных, моральных, нравственных идеалов стала составляющей частью концепций единой Европы.

Существовала общность и среди промышленников, банкиров. Но деловой мир, объединенный принципами либерализма в экономике, в большей степени, по сравнению с выше перечисленными группами, был частью своего государства, испытывал с его стороны существенное влияние (в частности, политика протекционизма, таможенные правила и т.д.).

Следует обратить внимание, что до первой мировой войны понятия «европейский» и «интернациональный» рассматривались как синонимы⁴. Идея превосходства европейской культуры, образа жизни укоренилась так прочно, что отрицала возможность другого развития человеческой цивилизации. Европа рассматривалась как центр мира.

Второй фактор - связь экономического роста с процессом европейской интеграции в сознании европейцев. У истоков планов создания единой Европы было столкновение национальных рынков отдельных государств Европы с экономически мощным государством, американской сверхдержавой. После первой мировой войны европейцы почувствовали угрозу американской конкуренции. Появились картели, региональные объединения, не исключавшие и участие в них американцев, но при этом ставящие задачу защитить европейский рынок. Европейцы связывали процветание Америки, главным образом, с существованием единого рынка и, в гораздо меньшей степени, с наличием природных ресурсов.

Третьим и самым мощным фактором является желание сохранить мир в Европе. Этот принцип составляет основу европейской идеи. После первой мировой войны пан-европейское движение получило значительное развитие: опираясь на тезис: чтобы не допустить войну, надо создать единую Европу.

Парижский мирный договор сильно отличался от Венских соглашений (когда была создана относительно стабильная система). В 1919 г. образовалась Европа, разделенная на побежденных и победителей, причем

разногласия были и внутри самих лагерей. Наблюдается усиление национализма, международная обстановка была осложнена появлением социалистической России. В целом, для 20-х годов характерны: во-первых - волна пацифизма с целью предотвращения нового военного конфликта; во-вторых - возрастание экономической и политической роли США; в-третьих - усиление франко-германских противоречий.

После войны были популярны идеалы «открытой» дипломатии с участием всех государств, с арбитражным судом, с процедурой мирного решения конфликтов через создание постоянно действующей организации, способной сохранить мир. Сильное желание установления мира в Европе привело к созданию Лиги Наций.

Началом новой эры в международных отношениях стала Женевская конференция. Среди общественности, поддерживающей Лигу Наций выдвигались идеи создания европейского института с целью культурного взаимообогащения народов Европы. Лига Наций не стала эффективно действующим органом, но дала определенный импульс для развития идей пан-европеизма. Среди «женевцев» были сторонники создания европейской организации: французский премьер-министр, министр иностранных дел А. Бриан, руководители экономического и финансового сектора Лиги Наций англичанин Салтер и итальянец Стоппани⁵.

Мощным фактором, подталкивающим Европу к объединению стало послевоенное усиление Америки. Тогда возникли планы создания европейской организации с целью сдерживания американского влияния, используя для этого опыт самой Америки (особенно в экономике - распространение принципов либерализма с учетом специфики Европы). Создание европейской организации могло бы стать и решением франко-германских противоречий.

На этом фоне в 20-е годы получило развитие пан-европейское движение. Одним из его лидеров был граф Ричард Куденхов-Калерги. Сын японки и австрийца, греко-голландского происхождения, Куденхов-Калерги родился в Австрии, после подписания Сен-Жерменского договора переехал в Чехию, с 1939 г. жил во Франции⁶.

В 1923 г. Куденхов-Калерги опубликовал книгу «Пан-Европа», наделавшую много шума, где он обосновал необходимость объединения Европы для сохранения лидирующей роли в мире, противостояния экономическому усилению Америки, избежания угрозы большевизма. Куденхов-Калерги призывал к созданию «Соединенных Штатов Европы», но во-первых, без России, и во-вторых, без Англии (он не считал Англию европейской страной и хотел оставить ее в изоляции).

В этом же г. он основал «Пан-европейский Союз», штаб-квартира которого находилась в Вене. В нем были секции европейских стран. Куденхов-Калерги пользовался поддержкой влиятельных политиков: А. Бриа-

на, Л. Лушера, Л. Блюма, Э. Эриио, Э. Даладье, П. Бонкура во Франции, К. Аденауэра, К. Вирта, Я. Шахта в Германии, Э. Бенеша в Чехословакии; общественности писателей: П. Валери, П. Клоделя, Томас и Генрих Манны, А. Эйнштейна, З. Фрейда, Х. Ортега-и-Гасет, Рилке, Унамуно⁷.

Довольно примечательно участие политиков в деятельности «Пан-европейского союза». Куденхов-Калерги понимал, что сознание общества нельзя изменить сразу, поэтому он хотел воздействовать прежде всего на ведущих политиков. Он создал Пан-европейский экономический Совет (основу которого составили Франция и Германия) для развития экономических связей европейских стран в целях предотвращения нового конфликта⁸.

В конце 20-х годов Куденхов-Калерги предложил проект образования Федерации европейских государств. Он хотел перенести американскую модель в Европу и обновить федеральный союз всех народов Европы с Советом из представителей государств, Парламентом (Ассамблеей), Федеральным судом и Федеральным казначейством⁹. Федеральный союз должен стать организацией, призванной регулировать конфликты между различными территориальными блоками: Европа, Северная Америка, Южная Америка, СССР, Восток.

Идеи создания единой Европы нашли отклик прежде всего в среде интеллектуалов, политиков и экономистов. Народ в общей массе ее не принимал, кроме, может быть, стран Центральной Европы, особенно Австрии и Германии. Последняя видела в этом способ смягчить тяжкие условия Парижского мира. Во Франции европейские идеи были весьма популярны, в Англии же они не были приняты всерьез¹⁰.

В 20-30-е годы публикуются статьи, монографии, в которых развивается «идея Европы»: в 1928 г. - книга Гастона Риу «Европа - моя Родина», где предлагалось создание федерального континентального союза - единственной возможности спасения Европы от СССР, США, Англии; 1929 г. - книга графа Сфорца «Соединенные Штаты Европы»; 1930 г. Бертран де Жювенель опубликовал книгу «К Соединенным Штатам Европы». В этом же г. Эдуард Эррио в своей монографии «Европа» предлагал создать Европейский союз в рамках Лиги Наций с участием Англии (весьма оригинальное предложение, т.к. другие сторонники европейского союза, как правило, видели его без Англии!)¹¹. Появились и произведения пессимистического толка, наиболее яркое из которых «Закат Европы» О. Шпенглера.

В экономике Европы были довольно ощутимы последствия войны и возрастающей индустриальной мощи США, была необходимость создания экономического объединения. В 1926 г. был образован Экономический и Таможенный Союз. Его руководители Шарль Жид и Ив Ле Трокер предлагали распространить европейские идеи в экономической среде для создания на основе экономики единой Европы, (т.к. в политической сфере они вызывали тогда массу противоречий)¹². Люксембургский промышленник Эмиль Мэйриш, сторонник создания единой Европы, открыл в 1926 г. Стальной картель, объединив металлургов Франции, Германии,

Бельгии, Люксембурга, Саарской зоны, которые договорились об условиях распределения продукции¹³.

Французский министр Луи Лушер хотел пойти еще дальше: он выступал за создание франко-германского картеля на базе основных видов сырья, со снятием таможенных ограничений. Во избежание ущемления интересов потребителей европейские картели будет контролировать Лига Наций.¹⁴ Известный политик III-й Республики Анатоль де Монзи выступал за создание Рейнского картеля для решения проблемы эксплуатации Рейнской зоны: Германия тогда получит свой уголь, Франция - железную руду Лоренна. Союз производителей мог сблизить страны. Однако эти идеи не были разработаны (помешали кризис 1929 г., приход Гитлера к власти).¹⁵

В 20-е годы XX века европейские идеи перестали принадлежать отдельным личностям, как это было в XVI-XIX вв.. Проблема создания европейского союза была поставлена перед обществом, она заинтересовала политиков.

Впервые на государственном уровне заговорил о создании единой Европы Эдуард Эррио. Став премьер-министром в 1924 г., лидер радикалов, в своей речи в Сенате 25 января 1925 г. произнес: «Мое самое сильное желание однажды увидеть Европу единой»¹⁶. В апреле 1925 г. Эррио был снят и не смог дать дальнейшее развитие своим идеям, тем не менее его заявление стало некоторым преимуществом Франции перед правительствами других стран.

Аристид Бриан стал первым государственным деятелем, официально предложившим создание европейской организации. Французский министр иностранных дел осознавал неспособность Лиги Наций обеспечить безопасность в Европе и стремился создать систему, гарантирующую ее. Бриан выступал за франко-германское сближение, видел в нем залог стабильности в Европе и нашел союзника в лице Густава Штресемана. Но двусторонний франко-германский союз был бы неустойчивым, поэтому его лучше создать в рамках европейской организации.

В 1927 г. Бриан стал почетным президентом Пан-европейского Союза, но с предложением о создании европейской организации он выступил только в 1929 г. С одной стороны, Бриан хотел сначала решить проблему франко-германских репараций и оккупации Рейнской зоны, с другой, премьер-министром во Франции до 1929 г. был Пуанкаре, противник создания обще-европейской организации.

В 1929 г. А.Бриан занял пост премьер-министра, сохранив при этом должность министра иностранных дел. В своей министерской декларации он вслед за Эррио заявил о необходимости создания единой европейской системы, проект которой представил 5 сентября 1929 г. во время осеннего заседания Лиги Наций.

В Лиге Наций Бриан заявил, что «между народами Европы, объединенными географически, должны установиться связи федерального типа»¹⁷. Федеративная организация не должна ущемлять национальный суверенитет. В настоящее время целесообразно осуществлять сотрудничество в области экономики. Речь Бриана на заседании Лиги Наций, в целом, была

довольно витиевата, чтобы не слишком шокировать правительства стран. Быть может, он и сам не ясно представлял, это будет федерация, ассоциация или какая-либо форма межгосударственного сотрудничества. Очевидно, что Бриан хотел установить полупостоянное сотрудничество на уровне правительств Европейских стран с целью предотвращения возможности конфликта в Центральной и Восточной Европе (регионе, не охваченном Локарнскими соглашениями).

Предложения Бриана не были встречены с большим энтузиазмом. Даже во Франции, правые продемонстрировали скептицизм и иронию, как, впрочем, и при создании Лиги Наций. Левые же, наоборот, считали предложения Бриана не слишком смелыми: Леон Блюм, лидер социалистов, сразу увидел противоречие между федеральным характером организации и сохранением суверенитета. Коммунисты заявили об антисоветской направленности объединения.

В Германии Штресман, основной союзник Бриана, поддерживал предложение Бриана, особенно в экономическом плане, полагал, что надо начинать с введения единой денежной единицы и унификации почты в Европе. Общественное мнение в Германии разделилось, но все сходились на том, что прежде чем создавать единую Европу, надо снять с Германии ограничения, введенные Парижским миром.

Англия очень сдержанно приняла предложения Бриана. Макдональд, в частности, говорил, что «они были бы преждевременными и через 10 лет». Кейнс отметил, что с экономической точки зрения было бы выгодно снять таможенные барьеры.¹⁸

Делегаты 26 стран на заседании Лиги Наций поручили А. Бриану подготовить меморандум, в котором его предложения будут изложены более конкретно, основное внимание будет уделено экономическим мероприятиям.

Он создал документ под названием «Об организации Европейского федерального союза». В его составлении активное участие принял Алексис Лежер, генеральный секретарь «Кэ д'Орсэ». Меморандум был опубликован 1 мая 1930 г., получился слишком длинным и неясным, и тут же вызвал разочарование.

В дискуссиях сентября 1929 г. акцент был поставлен, главным образом, на экономику. Но начавшийся в экономический кризис вынудил, напротив, ужесточить таможенные правила. Так, конференция промышленников, проходившая в феврале-марте 1930 г. показала полную неактуальность вопроса о снятии таможенных ограничений¹⁹. В связи с этим в меморандуме приоритет отдавался политическим аспектам взамен конкретных экономических мероприятий (как это было решено на заседании Лиги Наций в сентябре 1929 г.), поскольку при данных обстоятельствах

экономические предложения были бы сразу отвергнуты правительствами европейских стран.

Бриан отвел ведущую роль в образовании европейской организации политической сфере. По его мнению, создание общей политической структуры привело бы к единому европейскому рынку. Но сама эта политическая структура была представлена в меморандуме очень расплывчато. Он предлагал создать Европейскую Конференцию, состоящую из представителей Лиги Наций - членов правительств европейских стран с исполнительным органом - Политическим комитетом, что-то наподобие Директории, в подчинении которого находится Секретариат. Проект Бриана не затрагивал национальный суверенитет: неоднократно подчеркивается, что предлагается создание Федерации, основанной на идее единства, а не единое образование²⁰. Тем не менее, предложения Бриана вызвали негативную реакцию, которую можно расценить как дипломатический отказ.

Правительства европейских стран в своих отзывах требовали, прежде всего «абсолютного суверенитета», они не понимали, зачем нужна европейская организация, если уже существует Лига Наций, указывали на громоздкую структуру будущей организации, не соглашались с доминированием политики над экономикой. Много было споров относительно границ европейского союза (одни считали, что он должен включать Турцию и СССР, несмотря на разные режимы, другие (например, Англия), что в него должны входить и колонии европейских стран).

В целом, предложения Бриана были приняты очень сдержанно. Германия как условие вступления в европейскую организацию ставила аннулирование Парижского мира. Скандинавские страны и Швейцарию вполне устраивала Лига Наций. Бельгия и Нидерланды напротив, восприняли идею создания европейской организации. Эта позиция была и у многих стран Восточной Европы (Польши, Чехословакии, Югославии). Англия была в принципе против европейского союза: она не желала вступать в него, но также не хотела видеть блок европейских стран без нее. Секретариат Лиги Наций не хотел создания конкурирующей организации. США теоретически не были против создания европейской организации, но их тревожил единый европейский рынок. СССР опасался с политической точки зрения образования блока капиталистических государств. В отзывах на меморандум, пошел на попятную. Он предлагал теперь образовать комиссию по изучению создания европейского союза, а не саму европейскую организацию. Эта комиссия была создана, возглавил ее Эрик Дрюмон, британский генеральный секретарь Лиги Наций, который взял за основу французский проект европейской организации. Эта комиссия работала вплоть до конца 30-х

годов, одной из ее главных задач стал поиск способа борьбы с экономическим кризисом²¹.

В целом проект Бриана провалился. Правительства не хотели поступаться суверенитетом, да и сама идея европейской организации их не очень интересовала. Европейский союз имел разное значение для стран

Европы: для стран-победителей - это возможность закрепления их статуса, для побежденных стран - способ аннулировать условия Парижского мира. Обоснование необходимости создания Федерального Европейского союза было далеко от истинного европейского идеала, проект Бриана был больше приближен к потребностям французской политики, имел цель усиление международного авторитета Франции и, безусловно, привлек к Франции внимание мировой общественности.

Быть может, Бриан опоздал со своими предложениями. Если бы он сделал их в 1926-1927 гг., то, наверное, была бы возможность что-то создать в экономической области. Начавшийся в 1929 г. кризис ее полностью исключил. Так, например, 21 мая 1931 г. Французское правительство предложило европейский экономический план, но его даже не стали рассматривать²².

Таким образом, в 20-е годы XX в. европейский союз создать не удалось. Здесь можно выделить много причин: прежде всего, общество было к этому не готово. Были сильны противоречия между европейскими странами. Повлияли и экономический кризис, установление в Европе фашистских режимов. Планы создания единой Европы были утопичны и нереальны рядом с растущим национализмом и шовинизмом, автаркией в экономике, невмешательством и умиротворением в политике. Вскоре Европа оказалась ввергнута в хаос второй мировой войны.

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Кн.1. М.,1994. С. 32.

² Girault R. Les trois sources de l'identité et de la conscience européennes au XX-e siècle. // Identité et conscience européennes au XX-e siècle. Paris, 1994. P. 193-201.

³ Girault R. Chronologie d'une conscience européennes. // Identité et conscience européennes au XX-e siècle. Paris, 1994. P. 172-174.

⁴ Ibid. P. 170.

⁵ Ibid. P. 176-178.

⁶ Gerbet P. La construction de l'Europe. Paris, 1994. P.31.

⁷ Ibid. P. 34.

⁸ Ibid. P. 37.

⁹ Bitsch M-T. Histoire de la construction européenne. Bruxelles, 1996. P.136-137.

¹⁰ Gerbet P. Op. cit. P.36-38.

¹¹ Bitsch M-T. Op. cit. P.142.

¹² Du Riaux E. Regards croisés et coopération en Europe au XX-e siècle. Paris, 1996. P. 94.

¹³ Ibid. P.102.

¹⁴ Gerbet P. Op. cit. P.35.

¹⁵ Ibid. P.35.

¹⁶ Ibid. P.38.

¹⁷ Ibid. P.41.

¹⁸ Ibid. P.37-43.

¹⁹ Du Riaux E. Op. cit. P. 115.

²⁰ Gerbet P. Op. cit. P.36-40.

²¹ Ibid. P.41-45.

²² Bitsch M-T. Op. cit. P.153.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Прокатившаяся в наши дни волна демократизации вызвала обращение к теоретическим разработкам по вопросам, относящимся к условиям становления и укрепления либеральной демократии. В этом отношении опыт послевоенной Германии представляет особый интерес и все больше привлекает внимание экономистов, политологов и историков. Разгром фашизма, последующий раскол страны, своеобразие образования и исторического развития ФРГ породили ряд вопросов, на которые и по сей день нет однозначных ответов. Среди них наиболее интересна проблема политических настроений в разгромленном Третьем Рейхе, его политической культуре и демократическом потенциале.

Поражение Германии во второй мировой войне означало для немцев с одной стороны – осознание полного политического и экономического краха существовавшей системы, военную оккупацию и полное неведение того, что можно ожидать в будущем. С другой стороны – ликвидацию фашистского режима и тоталитарного государства и, в связи с этим, веру в новое возрождение страны на демократических началах. Но такое понимание последствий ее поражения во второй мировой войне было свойственно ограниченному кругу лиц. Положительную сторону во всем этом видели преимущественно те, кто принимал участие в движении Сопротивления или подвергся политическим или расовым преследованиям, а также часть продемократически настроенной интеллигенции.

Положение усугублялось сложной ситуацией в экономике. Немецкая действительность первых послевоенных лет была удручающей. Разрушенные города, уничтоженные бомбардировками или демонтированные заводы и фабрики, сохранившиеся отдельные предприятия, отброшенное лет на тридцать назад сельское хозяйство и отсутствие каких-либо перспектив у миллионов людей. Не останавливаясь подробно на экономической ситуации, отметим лишь, что сложное экономическое положение не могло не сказаться на политической ситуации в стране. Большинство немецкого населения даже не скрывало, что их путь к принятию политических решений лежит через желудок. « Дайте нам вдоволь наесться, иначе мы не сможем забыть Гитлера», – такая надпись на стене появилась в 1948 г. в Зальцведеле.¹

Быстрому решению многочисленных проблем препятствовали значительные демографические изменения. Несмотря на потери немцев в войне, которые были в три раза больше, чем в первой мировой войне (5,5 миллионов смертей²), население Германии существенно увеличи-

лось. Если в 1939 г. общая численность составляла 59 794 млн. человек,
то

в 1946 - 65 930 миллионов, плотность населения на один квадратный километр увеличилась с 167,5 до 184,6 человек. Основной причиной такого демографического перелома был поток вынужденных переселенцев, который состоял из эвакуированных, беженцев, военнопленных, солдат, возвращающихся с фронта и "перемещенных лиц".

Общее число эвакуированных составляло почти 4 млн. человек (4,7 процента от численности населения). Это имело отрицательные последствия для больших городов, в которых к концу войны осталось около 15 млн. постоянных жителей из 22,5 млн.³

Однако население городов быстро пополнялось за счет беженцев, которые составляли одну из самых многочисленных категорий. Немецкий историк К. Клессман пишет, что в конце войны их число составило приблизительно 4,5 млн. человек. Центр Мекленбурга, город Шверин, был забит беженцами. Его население только за один месяц увеличилось с 65 тысяч до 150 тысяч.⁴ Подобное положение было в большинстве городов западнее Берлина. По данным американских спецслужб, наибольшую антипатию у немцев вызывали русские, затем американцы. Наиболее сдержанно они относились к французам.⁵ По решению Ялтинской конференции размещением беженцев в Германии занимались союзники. На 1 апреля 1947 г. было зарегистрировано 10,096 млн. бежавших из-за границы немцев, которые были распределены следующим образом: 3,949 млн. в советской зоне; 3,193 млн. в британской; 2,904 млн. в американской и 50 тысяч во французской. Беженцев размещали преимущественно в сельских районах, в то время как к ним относились и переселенцы, которые были насильственно выселены из ряда европейских государств. В общей сложности, к 1951 г. из Польши было выслано приблизительно 3,5 млн. Из Чехословакии в Западную Германию прибыло 2,921 млн., из восточно-европейских государств - 1,865 млн. немцев.

Число возвращающихся с фронта солдат подсчитать практически невозможно, а количество военнопленных, освобожденных после капитуляции, колеблется по разным оценкам от 6 до 11,7 млн. человек. Проблема военнопленных еще долго, вплоть до 60-х гг. волновала немцев. К тому же только 16 % освобожденных из лагерей были рабы, а остальные последняя категория - "перемещенные лица". По разным оценкам в Германии к концу войны находилось от 8 до 11 млн. человек, относящихся к этой категории. Среди них 2,4 млн. из Советского Союза, 2,1 млн. из Франции, 1,5 млн. из Польши и 1,175 млн. из Прибалтики.⁷ Судьба этих людей была незавидной. Некоторые оказались в фашистской Германии в детском возрасте, заработав неизлечимые болезни, а некоторым так и не суждено было вернуться на родину.⁸

На 1 марта 1949 г. в трех западных зонах еще насчитывалось 411 654 человека, относящихся к данной категории. Большинство они жили в лагерях или закрытых поселениях. Большинство составляли поляки и жители Прибалтики, затем украинцы, югославы и чехи. Несмотря на то, что эта проблема решалась на высоком правительственном уровне, до конца решить ее так и не удалось.

Если говорить только о западной Германии, то население здесь увеличилось с 40,3 млн. в 1939 г., до 48,6 млн. в 1950 г.⁹. Это чрезвычайно обострило нужду не только во всех товарах потребления, но и в жилье, тогда как жилищный фонд страны из-за военных разрушений резко уменьшился. Вся эта масса жителей оказалась стиснутой на половине территории прежней Германии.

Такая ситуация способствовала стремительному взлету преступности. Рост ее уровня был характерен и для стран-победителей, но в Германии он был особенно высок, в основном среди молодежи. Юношеская преступность в 1946 г. в сравнении с 1938 годом увеличилась на 850 процентов.¹⁰

Как отмечают американские социологи, это было связано не только с тяжелым экономическим положением, но и с крепко пошатнувшимися моральными ценностями. У молодежи того времени ценностные ориентации были весьма расплывчаты. Немецкий социолог Х. Шельский называет ее «поколением скептиков».¹¹

Война оказала негативное влияние на институт семьи и брака. Главным дестабилизирующим фактором явилось отчуждение молодежи от семьи, которое имело различные причины:

- 1) потеря родительского авторитета из-за национал-социалистической политики, проводимой среди молодежи;
- 2) смещение в пользу женщин семейного авторитета, который вернувшиеся с войны мужчины не смогли восстановить в прежнем объеме и формах;
- 3) чрезмерная перегрузка матерей, у которых было слишком мало времени для воспитания детей;
- 4) огромное количество беспризорных детей, осиротевших или потерявших родителей за годы войны.

1 августа 1946 г. была образована специальная межзональная служба поиска, которая занималась розыском пропавших без вести. В ее картотеке значилось около 6,5 млн. немцев. Благодаря работе службы поиска 1 280 000 человек снова нашли друг друга. В специальной детской картотеке было зарегистрировано 139 тыс. детей, из них 83 тыс. детей, разыскиваемых родителями и 55 тыс. ребят, которые сами пытались найти своих родственников. Благодаря этой организации 33 тыс. детей снова встретились со своими родителями.¹²

В рассматриваемый нами период увеличилось число бракоразводных процессов. В 1946 г. на 10 тысяч жителей приходилось 11,2 развода. В 1948 г. эта цифра выросла до 18,8, в то время как в 1939 г. в статистических материалах значилось всего 8,9.¹³

Возросла политическая роль женщины в обществе, были сломаны старые стереотипы о женщине только лишь как о матери и хранительнице

очага. Это произошло потому, что значительно изменилось соотношение женщин (36,3 млн.) и мужчин (29,3 млн.). Во всех четырех зонах, включая Берлин, на 100 мужчин приходилось 125 женщин. В советской оккупационной зоне женщины составляли 57,3 процента от всего населения восточной части, а в западных зонах - 55,4 процента. Количество мужчин уменьшилось на 10 процентов.¹⁴ Поэтому на женские плечи легло основное бремя забот о семье и ее пропитании. В тот момент появилась часто цитируемая формула "Нулевой час", которая соответствовала полному развалу устоявшейся жизни немцев и одновременно призрачной надежде на новое начало. Сегодня эту формулу практически не употребляют. Она осталась лишь как метафора для характеристики путанного и распыленного настроения немецкого населения.

Если говорить о политической культуре Германии после поражения гитлеровского рейха, то ее особенности давали мало оснований для оптимизма по поводу будущей демократии на немецкой земле. В обществе был очень низкий уровень социального и межличностного доверия, особенно в сфере политических взаимоотношений. Это затрудняло способность граждан согласовывать интересы и сообща их защищать. Общество делилось на замкнутые враждебные группы. Баланс между согласием и разногласием был смещен в сторону последнего, что затрудняло функционирование политической системы. Занимаясь изучением этого вопроса, американские политологи Г.Алмонд и С.Верба сделали вывод о том, что политическая культура послевоенной Германии не соответствовала созданию эффективной и стабильной демократической системы. Они выделили две причины такого несоответствия:

- 1) зависимость немцев от исторических традиций;
- 2) сильное влияние последних политических режимов, прежде всего гитлеровского тоталитаризма.¹⁵

Исторический опыт немецкого народа привел к образованию в политической культуре традиций, мало совместимых с демократией. Среди них - приверженность немцев к сильной государственной власти. В массовом сознании государство отождествлялось с интересами всего общества, тогда как партии и союзы - с частными интересами тех или иных слоев. Соответственно, в обществе исторически преобладала ориентация на такие ценности как дисциплина, долг, послушание, а не на свойственные либерализму свободу, индивидуализм, оппозиционность. Главной добродетелью гражданина на протяжении веков являлась законопослушность. Политика считалась уделом избранных, а не делом всего народа. Для большинства населения частные дела были важнее активного участия в политическом процессе.

Тоталитарный гитлеровский режим, несший в себе, как и любой режим подобного типа, значительный антитрадиционалистский потенциал,

попытался изменить некоторые стереотипы поведения граждан, прежде всего их аполитичность и пассивность. Провал нацизма значительно скомпрометировал идеи политической активности.

По подсчетам американских социологов и политологов, в начале 50-х годов лишь около 10 процентов населения было настроено продемократически, 27 процентов имели антидемократические, остальные - смешанные политические установки. Оценивая общее состояние немецкого общества после войны, известный социолог и историк Ф. Нойманн в 1947 г. писал, что послевоенное поколение немцев - это "поколение, которое не знает, что такое демократия, просто не желает ее, которое не имеет демократически настроенных учителей и живет в условиях, неблагоприятных для демократии".¹⁶

Состояние политического сознания немцев серьезно беспокоило оккупационные власти. В соответствии с Потсдамскими соглашениями, они должны были провести демократизацию политической жизни Германии, ликвидировав все нацистские организации и отменив гитлеровское законодательство. Но недостатком политики денацификации, проводимой в трех западных зонах было то, что фашизм в Германии рассматривался в отрыве от экономической и общественной системы этой страны. Методы, применявшиеся в западных зонах, были чрезвычайно усложнены. В американской зоне эта процедура денацификации начиналась с заполнения обязательной анкеты почти из 150 вопросов, заполнить которые должны были 13 млн. человек. Комиссии по денацификации потонули в сотнях тонн бумаг и не могли объективно оценить и проверить результаты, из-за большого наплыва анкет. К тому же многие прибегали к отговоркам и пытались приуменьшить масштаб преступлений. Вилли Брандт в последствии вспоминал, что его мать и ее муж, хотя "...оба без сомнения были ярыми противниками нацистов, кривили душой, когда утверждали, что и понятия не имели о массовом уничтожении людей. Нетрудно было почувствовать, что в них происходило. Они не желали согласиться с тяжким обвинением, что все немцы убийцы. Я видел в этом подтверждение пагубности тезиса о коллективной вине."¹⁷

Некая несправедливость проистекала также из того, что тяжкие преступления стали лишь позднее. Это вело к тому, что на основании ослабленных тем временем законов более крупные нацисты оказывались наказанными гораздо мягче, чем осужденные ранее нацисты помельче. По официальным данным американской оккупационной администрации из 13 млн. подвергшихся проверке к ответственности было привлечено 945 тыс. человек (13 процентов).¹⁸

После 1949 г. многие бывшие фашисты смогли занять высокие посты, так как при назначении на официальную должность власти чаще всего

полагались на не всегда достоверные приговоры комиссий по денацификации и не проводили дальнейших расследований.

Но, несмотря на все недостатки данного процесса, она благоприятствовала тенденции вытеснения из сознания немцев нацистского прошлого,

сводя, правда, всю вину исключительно к деятельности Гитлера и нескольким фанатикам. Как отмечают западные исследователи, денацификация, которой в начале придавалось большое значение, постепенно сошла на нет в западных зонах. Она была лишена внимания, к ней потеряли интерес. Это подтверждают многочисленные опросы общественного мнения. В 1945 г. выразили удовлетворение 50 процентов опрошенных, в сентябре 1947 г. - 32 процента, в мае 1949 - 17 процентов.¹⁹ Денацификация не привела к сколько-нибудь серьезным изменениям в структуре общественного устройства и в государственном аппарате.²⁰

Наряду с проведением вышеназванных мер, также предусматривалась демократизация народного образования и судебной системы, восстановление местного самоуправления и поощрение деятельности демократических партий и профсоюзов.²¹ Все эти действия ставили своей целью уничтожение самой идеи избранности немецкого народа с тем, чтобы навсегда предупредить возрождение германского милитаризма и нацизма, обеспечить сохранение мира во всем мире. Военное командование понимало, что для этого недостаточно просто создать демократические институты. Долговременная стабильность демократической системы может быть обеспечена лишь в случае глубокой переориентации политического сознания немцев в направлении восприятия системы ценностей западной демократии. Для этого была разработана грандиозная программа "перевоспитания" всей нации. По существу, в послевоенной Германии был поставлен беспрецедентный эксперимент по сознательному изменению фундаментальных политических установок целого народа в демократическом направлении.

Подобное "перевоспитание" должно было осуществляться по двум основным каналам: через систему образования и при помощи средства массовой информации.

Основным объектом "перевоспитания" являлась молодежь, ценностные ориентиры которой были наиболее расплывчаты. Подрастающее поколение должно было воспитываться в духе демократии и поэтому под контролем оккупационных держав стали создаваться молодежные организации на разных региональных уровнях. В качестве центрального органа 3 октября 1949 г. был основан немецкий молодежный союз. К 1 августа 1946 г. в американской зоне уже существовало 186 окружных комитетов молодежи, 2 866 зарегистрированных молодежных группировок, которые объединяли почти миллион молодых людей. Появились многочисленные молодежные газеты. Но процесс демократизации и политизации молодежи проходил очень медленно. В 1950 г. в результате социологического опроса выяснилось, что 75 процентов опрошенных в возрасте 15-19 лет, 65 процентов 20-25 лет и 60 процентов старше 25 лет

совершенно не интересуются политикой. 40 процентов даже не знали, кто такой К.Аденауэр.²²

Была также разработана программа "перевоспитания" взрослого населения, но она носила вспомогательный характер. Для демократизации системы образования оккупационные власти попытались осуществить реформу школы, целью которой ставились изменения "традиционно авторитарных отношений между центральными и местными органами народного образования, а также между учителем и учеником". Кроме структурных изменений реформа школы включала в себя "чистку" преподавательского состава, переподготовку оставшихся учителей, пересмотр школьных программ и учебников. Примерно 50 процентов школьных учителей были уволены. Остальные с 1 октября 1945 г. в обязательном порядке стали посещать курсы по "переориентации".²³

Была также предпринята попытка реформы высшего образования. После анализа публикаций преподавателей военное правительство уволило большую их часть. К ведению занятий в ВУЗах не допускались активисты национал-социалистической партии, бывшие члены молодежных организаций Третьего рейха Гитлерюгенд и Союза немецких девушек, добровольцы в подразделениях СС. Предпочтение отдавалось тем, кто подвергся политическим преследованиям, инвалидам войны, студентам, по разным причинам вынужденным прервать обучение, беженцам из Восточной Германии.²⁴

Все же оккупационным властям не удалось сломить сопротивление профессуры, так как, поспешно восстановив автономию университетов с целью демократизации высшего образования, власти сами создали себе трудности. Автономия на деле обернулась саботажем реформы высшей школы.

В целом, реформы в области образования столкнулись с большими сложностями. Оккупационные власти так и не преодолели многолетние традиции немецкой системы образования и сопротивление немецких чиновников, занимавшихся в земельных правительствах этими вопросами. В октябре 1948 г. американцы признали невозможность внедрить в Германии американскую структуру школ.

Вторым крупным каналом воздействия на политическое сознание немцев должны были стать средства массовой информации. Основная роль отводилась прессе. Для влияния на нее военное правительство применило практику выдачи лицензий. Политические партии не имели права издавать газеты, но могли публиковать бюллетени. Кроме того, оккупационные власти сами издавали ряд журналов, на страницах которых пытались пропагандировать опыт "реальной демократии". Эффективность подобных журналов была довольно низкой. Их издатели плохо учитывали психологию немцев, а зачастую просто публиковали переводные ста-

ты из журналов США, а также других стран. Незначительное воздействие на население оказывала и радиопропаганда, ведущаяся аналогичными методами.

Через несколько лет после начала оккупации Западные державы попытались оценить эффективность своей политики "перевоспитания" немцев. Для этого были проведены социологические опросы, имевшие целью выявление сдвигов, произошедших в сознании людей. Предлагались следующие критерии оценки эффективности процесса демократизации:

1) отношение немцев к национал-социализму и правому радикализму, то есть духовное преодоление нацизма;

2) отношение к вопросу о вине в развязывании войны, то есть "преодоление прошлого", как предпосылка демократической переориентации;

3) степень участия людей в общественной жизни, то есть повышение гражданской активности как предпосылки демократии.²⁵

Американцы сделали довольно пессимистические выводы из результатов социологических исследований. Как "провал" оценили политику "перевоспитания" и большинство немецких исследователей. Но все же определенные сдвиги в политическом сознании немцев произошли, хотя проявились они в основном среди интеллигенции. Причиной этому явилась возможность обмена опытом с другими странами, прежде всего с США. Молодые учителя, ученые и политики получили возможность пройти стажировку в других государствах и самим ознакомиться с практическими механизмами западной демократии. Благодаря целенаправленной подготовке преподавателей в США Германии удалось довольно быстро создать собственную политологию.

Но несмотря на эти положительные моменты, можно согласиться с тем, что к концу оккупации общее влияние "перевоспитания" на политическую культуру населения было небольшим. Ее традиционные элементы сохранялись еще долгое время, определяя глубинные мотивы поведения граждан. Объективно они противодействовали демократическим преобразованиям. Но если в Веймарской республике такое противодействие стало одной из важных причин краха демократии, то при новом режиме эти элементы были нейтрализованы и ассимилированы благодаря действию двух основных факторов:

1) преобладанию демократических убеждений в наиболее влиятельных слоях политической элиты, прежде всего в руководстве основных системных партий;

2) способу создания новой боннской демократии.

Усилиями оккупационных властей была осуществлена своеобразная "искусственная революция", благодаря которой ведущие позиции в элите заняли лица, преследовавшиеся при нацизме, участники Сопротивления, политические эмигранты, представители так называемой внутренней эмиграции, известные своими демократическими убеждениями политики Веймарской республики. По своим политическим взглядам это были преимущественно люди, поддерживавшие в Веймарской республике центристские партии. Значительную часть элиты составили представители интеллигенции и лица свободных профессий, не имевшие ранее политического опыта. В результате образовался существенный разрыв между уровнем политического сознания элиты и основного количества населения.

Пассивный и подданический характер политической культуры масс создал благоприятные условия для деятельности оккупационных властей по преобразованию политических институтов. Именно такие традиционные элементы политического сознания, как равнодушие к политике в сочетании с уважением к власти привычка к дисциплине облегчили задачу создания демократической политической системы. К тому же на массовое политическое сознание влияли экономические реформы Л. Эрхарда. Демократический политический режим отождествлялся в глазах населения с успехами в экономическом возрождении и повышении уровня жизни в Германии. Не случайно в 1947 г. во время очередного опроса общественного мнения 62 процента респондентов предпочли правительство, которое может обеспечить экономическое процветание, и лишь 26 процентов - правительство, гарантирующее свободу.²⁶

Парадокс демократизации Германии состоит в том, что демократия создавалась во многом авторитарными методами. Именно такой способ создания демократических институтов власти помог нейтрализовать негативное воздействие традиционного политического сознания масс. Элементы демократии в Германии вводились союзниками постепенно, начиная снизу. И хотя до 1949 г. в стране не было национального центрального правительства, уже в 1946 г. прошли выборы в местные органы власти. Деятельность политических партий первоначально была ограничена региональным уровнем и строго контролировалась.²⁷ Это позволило выявить политических лидеров, способных взять на себя руководство страной. Военные правительства также не допускали возрождение праворадикальных организаций, которые могли бы рассчитывать на поддержку значительной части населения, если бы действовали открыто. Союзники разрешили деятельность лишь демократически ориентированных партий. Это снизило остроту политического противостояния и способствовало мирному существованию основных сил, допущенных к участию в политической жизни в период оккупации. Поэтому не следует недооценивать роль оккупационных властей в создании политической системы в послевоенной Германии.

Необходимо также учитывать, что немцы переняли наиболее ценный опыт союзников в том, что касается структуры демократических институтов. На уровне земель в Германии до сих пор действуют различные административные системы, несущие на себе следы политических реформ, осуществленных союзниками. Известно также, что при выработке немецкого Основного закона был учтен опыт американского и английского парламентаризма.²⁸ Несмотря на действие Основного закона и вполне демократическую форму организации власти сам стиль правления первых правительств ФРГ носил во многом, патриархально-авторитарный характер, который даже сегодня не преодолен в полной объеме.

Таким образом, мы видим в какой мере политические настроения масс отразились на создании новой демократической системы в послевоенной Германии. И поэтому не подлежит сомнению тот факт, что при изучении процесса демократизации и вопроса о становлении политических систем

необходимо учитывать уровень и особенности политической культуры исследуемой страны.

¹ Шерстяной Э. Дефицит демократии демократический потенциал немецкого населения в первые послевоенные годы. // Германия и Россия. Вып.1. ВГУ, 1998. С.72.

² Schulze H. Kleine deutsche Geschichte. Munchen, 1996. S.203

³ Plato A., Leh A. Ein unglaublicher Frühling. (Erfahrene Geschichte im Nachkriegsdeutschland. 1945-1948) Bonn, 1997. S.14-15

⁴ Николаев П.А. Политика Советского Союза в германском вопросе 1945-1964.М., 1966. С. 32

⁵ Артемов В.А. Германия в период исторических решений: становление политической системы ФРГ в 1945 - 1949 гг. // Нестор. Вып. 3. Воронеж 1995. с.194

⁶ Klessmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945-1955, Schriftenreihe Bd. 193. Bonn. 1986. S.41

⁷ Plato A., Leh A. Op.cit. S.20.

⁸ Anna P. als Zwangsarbeiterin in Deutschland; Aus einem Interview mit Galina Kamanina-Agranovskaja, Zwangsarbeiterin in Frankfurt von 1943 bis 1945 // Plato A., Leh A. Op. cit. S.221-224

⁹ Арнольд Ф. Предпосылки одного преобразования ("Экономическое чудо Л. Эрхарда") // Диалог. 1991. № 18. С. 61

¹⁰ Klessmann Ch. Op. cit. S.53.

¹¹ Spiegel. 1995. № 23.

¹² Der Suchdienst. Denkschrift der Deutschen Wirtschaftskommission vom 1. Juli 1949 // Plato A., Leh A. Op. cit. S.232-233.

¹³ Klessmann Ch. Op. cit. S.57.

¹⁴ Plato A., Leh A. Ein unglaublicher Frühling. (Erfahrene Geschichte im Nachkriegsdeutschland. 1945-1948) Bonn, 1997 S. 24; Klessmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945-1955, Bonn 1986. S.41-42

¹⁵ Фадеев. А. Демократизация и политическая культура (опыт послевоенной Германии) // Вестник Московского университета. Серия 12. 1993. № 2. С.63.

¹⁶ Фадеев А. Указ. соч. С.65

¹⁷ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. с.145

¹⁸ Plato A., Leh A. Op. cit. S.109-110

¹⁹ Ibid. S.109-110

²⁰ Mitten in Europa: Deutsche Geschichte. Berlin. 1992. S.416

²¹ Берлинская / Потсдамская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании. М., 1984. С.484-486

²² Plato A., Leh A. Op. cit. S.110-111

²³ Ibid. S.135.

²⁴ "Dem deutschen Geist" - "Dem lebendigen Geist" Die Universität Heidelberg organisiert sich wieder // Plato A., Leh A. Op. cit. S.340-341

²⁵ Фадеев Д.А. Указ. Соч. с.66.

²⁶ Королев А.Ю. Экономическая реформа Л. Эрхарда // Финансы. 1992. № 3. С.50.

²⁷ Frülich M. Von der Besatzung zur Souveränität. Die Vor-und Frühgeschichte der BRD (1945-1955). Eine Dokumentation. Bonn, 1993. S.39.

²⁸ Погорельский Д. Конституция должна быть краткой и неясной // Новое время. 1993. № 11. С.44.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

БСЭ

БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВГЖУ – Воронежское губернское Жандармское управление
ВГУ – Воронежский государственный университет
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
ИРЛИ – Институт русской литературы
НАН – Национальная Академия Наук (Украина)

120

121

ОР РНБ – рукописей Российской Национальной библиотеки.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГА ВМФ – Российский Государственный архив Военно-Морского
Флота

A.Gell. – Авл Геллий. «Аттические ночи»
App. B.C. – Аппиан. «Александрийский Гражданские войны»
Caes. – Цезарь:
 B.Al. – «Записки об Александрийской войне»
 B.C. – «Записки о Гражданской войне»
 B.Hisp. – «Записки об Испанской войне»
Cic. Att. – Цицерон. «Письма к Аттику»
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.
Flor. – Флор. «Эпитомы Римской истории»
Luc. – Лукан. «Фарсалия»
Plut. – Плутарх:
 Caes. – «Жизнеописание Цезаря»
 Cat. – «Жизнеописание Катона Утического»
PWRE – Pauly-Wissowa Realencyklopadie der Classischen Altertumsvis-
sen
 schaft.
Strab. – Страбон. «География»
Vell. – Веллей Патеркул. «Римская история».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

- Д.В. Акимов** — аспирант кафедры археологии и истории Древнего мира; научный руководитель — д.и.н., профессор *А.П. Медведев*.
- А.В.Акульшина** — аспирантка кафедры новой и новейшей истории; научный руководитель — д.и.н., профессор *В.А. Артемов*.
- Ю.А.Дубровский** — студент 3-го курса, специализация кафедра археологии и истории Древнего мира; научный руководитель — к.и.н., доцент *М.В. Цыбин*.
- С.Г.Зотова** — аспирантка кафедры новой и новейшей истории; научный руководитель — д.и.н., профессор *В.А. Артемов*.
- О.А. Иванов** — соискатель кафедры истории России; научный руководитель — к.и.н., доцент *А.Ю. Минаков*.
- Д.В.Ливенцев** — аспирант кафедры отечественной истории новейшего времени и историографии; научный руководитель — к.и.н., доцент *В.И. Чесноков*.
- О.Ю.Михалев** — аспирант кафедры истории России; научный руководитель — д.и.н., профессор *М.Д. Карпачев*.
- В.В.Рязанов** — студент 5-го курса, специализация кафедры археологии и истории Древнего мира; научный руководитель — к.и.н., доцент *Н.П. Писаревский*.
- Ю.В.Селезнев** — студент 6-го курса, специализация кафедры истории России; научный руководитель — к.и.н., преподаватель *А.И.Филюшкин*.
- А.И.Сурков** — аспирант кафедры истории средних веков и славяноведения; научный руководитель — д.и.н., профессор *А.З. Винников*.
- А.В.Фененко** — студент 4-го курса, специализация кафедры новой и новейшей истории; научный руководитель — к.и.н., доцент *С.Г. Алленов*.
- О.Н. Щеголев** — студент 4-го курса, специализация кафедры истории России; научный руководитель — к.и.н., доцент *А.Ю. Минаков*.